

Трумен Капоте

Музыка для хамелеонов

Scans - andreapa; OCR, ReadCheck - EnFolie

«Собрание сочинений. В 3 томах. Том 3»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-395-00089-7

Аннотация

Третий том собрания сочинений американского писателя Трумена Капоте представляет читателю Капоте-новеллиста: в него включены избранные рассказы из авторских сборников 1949-1966 годов, а также последняя книга автора - сборник рассказов „Музыка для хамелеонов“ (1980). Страницы итогового шедевра писателя населяют загадочный убийца, рассылающий своим жертвам письма с известием об их скорой кончине, примерный семьянин, одержимый губительной страстью к двенадцатилетней девочке, которую никогда не видел, наконец, сам Капоте, который в любых ситуациях и обстоятельствах остается утонченным, злым и одновременно сострадающим наблюдателем человеческого „зверинца“...

Трумен Капоте

Музыка для хамелеонов

Теннесси Уильямсу

Предисловие

Мою жизнь — как художника, во всяком случае, — можно представить графиком, в точности соответствующим лихорадке: повышения и понижения, очень четкие циклы.

Писать я начал в восемь лет — ни с того ни с сего, не побуждаемый ничьим примером. Я не знал ни одного пишущего, да и читающих мало кого знал. Но как бы там ни было, интересовали меня только четыре занятия: чтение книг, хождение в кино, чечетка и рисование. И вот однажды я начал писать, не ведая, что привязал себя на всю жизнь цепями к благородному, но безжалостному хозяину. Когда Бог вручает тебе дар, Он вручает еще и кнут, исключительно для самобичевания.

Но я этого, конечно, не знал. Я писал приключенческие повести, детективные рассказы с убийствами, скетчи, истории, слышанные от бывших рабов и ветеранов Гражданской войны. Получал большое удовольствие — поначалу. Удовольствие кончилось, когда обнаружил разницу между хорошим письмом и плохим, а потом сделал еще более тревожное открытие: разницу между очень хорошим письмом и подлинным искусством. Едва уловимую — но страшную. И после этого заработал кнут!

Как некоторые молодые люди упражняются на скрипке или фортепьяно по четыре-пять часов в день, так и я возился со своими бумажками и ручками. Однако ни с кем не обсуждал свои писания; если кто спрашивал, чем я занимался столько часов, я говорил, что делал уроки. В действительности же я никогда не делал уроков. Литература занимала меня целиком: мое ученичество при алтаре техники ремесла, дьявольские сложности пунктуации, разбивки на абзацы, размещение диалогов. Не говоря уже о конструкции в целом, о большой трудоемкой арке — начало-середина-финал. Узнавать приходилось многое — и из многих источников: не только из книг, но из музыки, живописи и из обыкновенных каждодневных наблюдений.

По сути, самым интересным в моих писаниях тех лет как раз и были обычные ежедневные наблюдения, которые я заносил в дневник. Описание соседа. Длинные дословные отчеты о подслушанных разговорах. Местные сплетни. Репортерство в жанре

„услышанного“ и „увиденного“, впоследствии сильно повлиявшее на меня, хотя тогда я об этом не подозревал, потому что все мои „официальные“ писания, то, что я шлифовал и аккуратно печатал на машинке, относилось, в общем, к беллетристике.

К семнадцати годам я был созревшим писателем. Будь я пианистом, пришла бы пора первого публичного концерта. И я решил, что пора печататься. Я разослал рассказы в главные литературные ежеквартальники и в большие журналы, которые публиковали в то время лучшую „серьезную“ прозу, — в „Стори“, „Нью-Йоркер“, „Харперс базар“, „Мадемуазель“, „Харперс“, „Атлантик мансли“, и рассказы мои там со временем появились.

Потом, в 1948 году, я опубликовал роман „Другие голоса, другие комнаты“. Его хорошо встретила критика, и он стал бестселлером. С него, а также с экзотической фотографии автора на суперобложке началась моя отчасти сомнительная известность, сопровождавшая меня все эти долгие годы. Многие люди даже приписывали этой фотографии коммерческий успех книги. Другие отмахивались от нее и считали капризом случая: „Удивительно, что у такого молодого так хорошо получилось“. Удивительно? Я писал изо дня в день уже четырнадцать лет! Так или иначе, этот роман был приятным завершением первого цикла в моем развитии.

Второй цикл закончился короткой повестью „Завтрак у Тиффани“ в 1958 году. Эти десять лет я экспериментировал со всеми формами письма, пытаюсь освоить разные техники, достичь виртуозности, надежной и гибкой, как рыбацкая сеть. Конечно, в некоторых областях я потерпел неудачу, но верно, что на неудачах учишься больше, чем на успехах. Я знаю, чему научился на них, и потом смог употребить это с большой пользой. В общем, за десять лет поисков были написаны сборники рассказов („Дерево ночи“, „Воспоминания об одном Рождестве“), эссе и портреты („Местный колорит“, „Наблюдения“, то, что вошло в книгу „Собаки лают“), пьесы („Голоса травы“, „Цветочный дом“), киносценарии („Победить дьявола“, „Невинные“) и много конкретной публицистики — по большей части для „Нью-Йоркера“.

С точки зрения моего художественного развития самым интересным в этот второй период было то, что появилось сначала в виде статей в „Нью-Йоркере“, а потом в виде книги „Музы слышны“. В ней рассказывалось о первом культурном обмене между СССР и США — гастролях черной американской группы с оперой „Порги и Бесс“ в 1955 году. Я задумывал ее как короткий комический „невымысленный роман“ — первый такого рода.

За несколько лет до этого Лиллиан Росе опубликовала „Картину“ — повествование о съемках фильма „Алый знак доблести“; с коротким монтажом, хронологическими перебросами назад и вперед, оно само было как фильм, и, читая его, я задумался: что было бы, если бы автор отказался от жесткой линейной дисциплины прямого репортажа, а обращался бы со своим материалом как с вымышленным, — выиграла бы от этого книга или проиграла? И решил: если подвернется подходящий сюжет, попробую. „Порги и Бесс“ и Россия среди зимы казались подходящей темой.

„Музы слышны“ получила превосходные рецензии; даже те, кто был не расположен ко мне, отнеслись к ней благосклонно. Но особого внимания она не привлекла и продавалась неважно. Тем не менее для меня она стала важным событием: пока я писал ее, я понял, что, кажется, нашел выход из главного своего творческого затруднения.

Вот уже несколько лет меня все больше увлекала журналистика как самостоятельная художественная форма. На то были две причины. Во-первых, мне казалось, что после 1920-х годов в прозе и вообще в литературе никаких подлинных новаций не было. Во-вторых, журналистика как форма искусства была девственной территорией по той простой причине, что очень немногие художники слова занимались повествовательной журналистикой, а если и занимались, то в форме очерков о путешествиях или автобиографий. „Музы слышны“ направили мою мысль совсем в другое русло: я хотел написать журналистский роман, нечто масштабное, обладающее убедительностью факта, непосредственностью воздействия, как фильм, глубиной и свободой прозы и точностью поэзии.

Только в 1959 году какой-то таинственный инстинкт направил меня к подходящему

сюжету — малоизвестному делу об убийстве в отдаленной части Канзаса, и только в 1966-м я сумел опубликовать то, что получилось, — „Хладнокровное убийство“.

В одном рассказе Генри Джеймса — по-моему, в „Среднем возрасте“ — некий писатель в сумерках зрелости сетует: „Мы живем во тьме, мы делаем, что можем, остальное — безумие искусства“. Или что-то в этом роде. Мистер Джеймс выразился точно, он сказал правду. И самая темная часть тьмы, самая безумная часть безумия — неизбежность постоянного риска. Писатели, по крайней мере те, кто рискует, кто готов идти до конца, имеют много общего с другой разновидностью одиночек — людьми, которые зарабатывают бильярдом или картами. Многие считали меня сумасшедшим из-за того, что я шесть лет странствовал по равнинам Канзаса; другие отвергали саму идею „невывымышленного романа“ и объявляли ее недостойной „серьезного“ писателя. Норман Мейлер охарактеризовал ее как „отказ воображения“ — подразумевая, видимо, что романист, должен писать о чем-то воображаемом, а не о чем-то реальном.

Да, это было похоже на игру в покер с крупными ставками, потому что шесть мучительных лет я не знал, есть у меня книга или нет. То были длинные лета и морозные зимы, и я сдавал карты и старался разыграть свои как можно лучше. Затем выяснилось, что книга у меня есть. Несколько критиков заворчали, что „невывымышленный роман“ — просто рекламный лозунг, обманка, что я не предложил ничего нового или оригинального. Но некоторые считали иначе, другие писатели оценили значение моего эксперимента и быстро воспользовались им для своих надобностей — быстрее всех Норман Мейлер, заработавший массу денег и получивший массу премий за свои невымысленные романы („Армии ночи“, „Огонь на Луне“, „Песнь палача“), хотя он старательно избегал называть их „невывымышленными романами“. Неважно; он хороший писатель и славный человек, и я рад, что смог оказать ему маленькую услугу.

Ломаный график моей литературной репутации достиг отрадной высоты, и я позволил ему задержаться там, пока не перешел к четвертому и, надеюсь, последнему этапу. Четыре года, с 1968-го по 1972-й, я посвящал бо льшую часть времени чтению, отбору, переписыванию и сортировке своих писем, писем других людей и своих дневников (которые содержат подробные записи сотен сцен и разговоров) за 1943–1965 годы. Я хотел использовать этот материал в книге, которую давно задумал написать, — тоже невымысленном романе, но несколько видоизмененном. Я назвал книгу „Услышанные молитвы“ — это из святой Терезы, которая сказала: „Больше слез проливается над услышанными молитвами, чем над неслышанными“. В 1972 году я начал работать над книгой с написания последней главы (всегда полезно знать, куда идешь). Потом написал первую главу „Неиспорченные монстры“. Потом пятую — „Тяжелое оскорбление мозга“. Потом седьмую — „La Côte Basque“. И продолжал таким манером, сочиняя главы не по порядку. Удавалось это только потому, что фабула, вернее, фабулы были взяты из жизни, действующие лица были реальными людьми, и было нетрудно всё держать в голове, ведь я ничего не выдумывал. Однако „Услышанные молитвы“ задуман не как обычный roman à clef¹, где факты поданы под видом вымысла. Мое намерение — противоположное: убрать маски, а не изготавливать их.

В 1975 и 1976 годах я напечатал четыре главы из книги в журнале „Эсквайр“. В определенных кругах они вызвали гнев — считали, что я злоупотребил чужим доверием, дурно обошелся с друзьями и (или) врагами. Я не намерен здесь это обсуждать; это вопрос социальной политики, а не художественных достоинств. Скажу одно, писателю приходится работать только с тем материалом, который он собрал в результате своих усилий и наблюдений, и его нельзя лишить права им пользоваться. Осуждайте, но не лишайте.

Однако в сентябре 1977 года я прекратил работу над „Услышанными молитвами“, и это никак не было связано с реакцией людей на опубликованные части книги. Остановка

¹ Роман, в котором под вымышленными именами выведены реальные люди. (Прим. ред.)

произошла потому, что у меня случилась чертовская неприятность: я переживал и творческий, и личный кризис одновременно. Поскольку второй не имел никакого или почти никакого отношения к первому, здесь достаточно будет сказать только о творческом хаосе.

Хотя он был мучительным, теперь я рад, что это произошло, — это изменило все мое понимание писательства, мое отношение к искусству и жизни, к соотношению между ними и мое представление о разнице между правдой и настоящей правдой.

Во-первых, я думаю, что большинство писателей, даже лучшие, выписывают слишком много. Я предпочитаю недописывать. Просто, ясно, как деревенский ручей. И я почувствовал, что мое письмо становится слишком густым — я трачу три страницы, чтобы добиться эффекта, которого мог бы достичь одним абзацем. Снова и снова я перечитывал всё, что написал в „Услышанных молитвах“, и засомневался — не в материале и моем к нему подходе, а в самой текстуре письма. Я перечитал „Хладнокровное убийство“ — и с тем же ощущением: слишком во многих отношениях я писал не так хорошо, как мог бы, не полностью использовал потенциал. Медленно, но с нарастающей тревогой я перечитал каждое свое опубликованное слово и решил, что никогда, ни разу в моей писательской жизни не выплеснул всей энергии и эстетического волнения, заложенного в материале. Даже когда написанное было хорошо, я видел, что работал впол-, а то и в треть отпущенной мне силы. Почему?

Ответ, открывшийся мне после месяцев размышлений, был простым, но не очень обнадеживающим. Он нисколько не облегчил мою депрессию — наоборот, усугубил ее. Ибо ответ порождает, по-видимому, неразрешимую проблему, и, если я ее не решу, впору бросать писательство. Проблема же была такова: как сочетать писателю в рамках определенной формы — к примеру, рассказа — всё, что он знает обо всех других литературных формах? Ибо из-за этого моя проза зачастую страдала недостатком освещения; ток подавался, но, ограничивая себя техникой той конкретной формы, в которой я работал, я не использовал всего, что знал о письме, — всего, чему научился на сценариях, пьесах, репортаже, поэзии, рассказах, новеллах, на романе. Писатель должен пользоваться всеми своими умениями, располагать всеми красками на одной палитре, чтобы смешивать их (а в нужный момент и накладывать одновременно). Но как?

Я вернулся к „Услышанным молитвам“. Убрал одну главу и переписал две другие. Стало лучше, определено лучше. Но выяснилось, что я должен снова поступить в детский сад. И снова эта мрачная, рискованная игра! Но я был взволнован, я ощущал на себе свет невидимого солнца. И все же первые мои опыты были корявыми. Я вправду чувствовал себя ребенком с коробкой цветных карандашей.

С технической стороны самым трудным в „Хладнокровном убийстве“ было полностью устранить себя из повествования. Обычно, чтобы достичь правдоподобия, репортер выступает в качестве персонажа, наблюдателя, очевидца. А я считал, что тон книги, как будто бы отстраненный, требует отсутствия автора. И старался по мере возможности остаться невидимым.

Теперь же я вывел себя на авансцену и перестроил на строгий, минималистский лад будничные разговоры с обыкновенными людьми: управляющим моего дома, массажистом в спортивном зале, старым школьным другом, с моим зубным врачом. Исписав сотни страниц такой бесхитростной прозой, я в конце концов выработал стиль. Нашел каркас, который мог принять в себя всё, что я знал о письме.

Позже, слегка видоизменив метод, я написал невымышленную повесть („Самодельные гробики“) и несколько рассказов. В результате получилась эта книга — „Музыка для хамелеонов“.

Как это сказилось на продолжении работы над „Услышанными молитвами“? Очень существенно. А пока что я здесь один в моем темном безумии, наедине с моей колодой карт — и, конечно, кнутом, который вручил мне Бог.

I. МУЗЫКА ДЛЯ ХАМЕЛЕОНОВ

1. МУЗЫКА ДЛЯ ХАМЕЛЕОНОВ

Она высокая и стройная, лет семидесяти, седая, изящная, не черная, не белая — золотистая, цвета рома. Мартиникская аристократка, живет в Фор-де-Франсе, но есть у нее квартира и в Париже. Мы сидим на террасе ее дома, просторного, элегантного дома, построенного будто из деревянных кружев; он напоминает мне некоторые старые дома в Новом Орлеане. Пьем мятный чай со льдом, слегка приправленный абсентом.

По террасе бегают наперегонки три зеленых хамелеона. Один замирает у ног мадам, выбрасывает раздвоенный язык, и она замечает:

— Хамелеоны. Удивительные создания. Как они меняют окраску. Красные. Желтые. Светло-зеленые. Розовые. Лиловые. Вы знаете, что они очень любят музыку? — Она смотрит на меня красивыми черными глазами. — Вы мне не верите?

Днем она рассказала мне много любопытного. Что ночью ее сад кишит огромными ночными мотыльками, что ее шофер, важный господин, который привез меня к ней на темно-зеленом "мерседесе", отравил свою жену и бежал с Чертова острова². Она описала деревню в северных горах, где живут исключительно альбиносы: "Маленькие люди с розовыми глазами, белые как мел. Иногда их встречаешь на улицах Фор-де-Франса".

— Конечно, я вам верю.

Она наклоняет серебряную голову:

— Нет, не верите. Но я вам покажу.

С этими словами она переходит в салон, прохладную тенистую комнату с медленными потолочными вентиляторами, и садится за отлично настроенный рояль. Я остаюсь на террасе, но отсюда мне видно ее — элегантную пожилую даму, в которой смешалось много кровей. Она начинает сонату Моцарта.

Постепенно собрались хамелеоны: десяток, еще десяток, в большинстве зеленые, несколько алых и лиловых. Они пробегали по террасе и располагались в салоне — чуткая, увлеченная музыкой аудитория. Но музыка оборвалась: моя хозяйка вдруг встала, топнула ногой, и слушатели рассыпались, как искры от взорвавшейся звезды.

Теперь она смотрит на меня:

— *Et maintenant? C'est vrai?*³

— В самом деле. Но это так странно.

Она улыбается:

— *Alors*⁴. Весь остров переполнен странностями. Вот этот дом населен призраками. Их здесь много. И не только ночью. Иные появляются среди бела дня, вполне нахально. Дерзко.

— На Гаити это тоже обычное дело. Призраки часто прогуливаются днем. Однажды я видел целую компанию — они работали в поле под Петьонвилем, собирали жуков с кофейных деревьев.

Она принимает это к сведению и продолжает:

— *Oui. Oui*⁵. Гаитяне приставляют к работе своих мертвецов. Это хорошо известно.

² Чертов остров — Иль Дю Дьябль, остров у северо-восточного побережья Южной Америки, знаменитая французская каторга. (Здесь и далее прим. перев.)

³ А теперь? Это правда? (фр.)

⁴ Итак. (фр.)

⁵ Да. Да. (фр.)

Мы своих оставляем с их скорбями. И шалостями. Гаитяне такие черствые. По-креольски. И купаться там нельзя — страшные акулы. И москиты: громадные, назойливые. У нас на Мартинике москитов нет. Совсем.

— Я заметил, удивлялся — почему?

— Мы сами удивляемся. Мартиника — единственный остров во всем Карибском море, не страдающий от москитов, и никто не может этого объяснить.

— Может быть, их поедают ваши ночные мотыльки?

Она смеется:

— Или призраки.

— Нет. Думаю, призраки предпочли бы мотыльков.

— Да, пожалуй, мотыльки — более призрачная еда. Будь я призраком, ела бы что угодно, только не москитов. Добавить вам льда в стакан? Абсента?

— Абсента. У нас он недоступен. Даже в Новом Орлеане.

— Моя бабка по отцу — из Нового Орлеана.

— Моя тоже.

Она подливает мне абсент из сверкающего изумрудного графина.

— Тогда мы, возможно, родственники. Ее девичья фамилия — Дюфон. Алуэтт Дюфон.

— Алуэтт?⁶ Неужели? Очень мило. В Новом Орлеане я знал два семейства Дюфонов, но с обоими не в родстве.

— Жаль. Забавно было бы называть вас кузенком. *Alors*. Клодин Поло сказала мне, что вы впервые на Мартинике.

— Клодин Поло?

— Клодин и Жак Поло. Вас познакомили на обеде у губернатора.

— Припоминаю: он высокий, видный мужчина, Первый президент Апелляционного суда Мартиники и Французской Гвианы, к которой принадлежит Чертов остров.

— Поло. Да. У них восемь детей. Он горячий сторонник смертной казни.

— Вы, кажется, путешественник? Как же случилось, что не бывали здесь раньше?

— На Мартинике? Знаете, мне не хотелось. Здесь убили моего хорошего друга.

Красивые глаза мадам смотрят чуть менее дружелюбно. Она медленно произносит:

— Убийства здесь редкость. Мы не буйный народ. Серьезный, но не буйный.

— Серьезный. Да. У людей в ресторанах, на улицах, даже на пляжах очень строгое выражение лиц. Они выглядят озабоченными. Как русские.

— Надо иметь в виду, что рабство отменили здесь только в тысяча восемьсот сорок восьмом году.

Связи я не понимаю, но объяснения не спрашиваю, потому что она уже говорит:

— Кроме того, Мартиника — *très cher*⁷. Кусок мыла, который продают в Париже за пять франков, здесь стоит вдвое дороже. Тут все дороже вдвое, потому что все привозное. Если смутьяны своего добьются и Мартиника станет независимой от Франции, тогда всему этому конец. Мартиника не может существовать без французских субсидий. Мы просто погибнем. *Alors*, кое у кого из нас озабоченные лица. Но в целом вы находите население привлекательным?

— Женщин. Я видел поразительно красивых женщин. Воспитанные, гибкие, с величественной осанкой, с изящным кошачьим телосложением. И есть в них какая-то прелестная агрессивность.

— Это сенегальская кровь. У нас ее много. А мужчины — на ваш взгляд, они не так привлекательны?

— Да.

⁶ Alouette — жаворонок (фр.)

⁷ Очень дорогая (фр.).

— Согласно. Мужчины непривлекательны. По сравнению с нашими женщинами они выглядят незначительными, заурядными, *vin ordinaire*⁸. Понимаете, Мартиника — матриархальное общество. В таких странах, в Индии например, мужчины мало что собой представляют. Вижу, вы смотрите в мое черное зеркало.

Я смотрю. Взгляд то и дело рассеянно обращается к нему, тянется невольно, как к бессмысленному мельканию ненастроенного телевизора. В нем есть какая-то пустая притягательность. Поэтому поверхностно опишу его — в манере тех "новых" французских романистов, которые, расставшись с сюжетом, характером и структурой, ограничиваются длиннейшими, в страницу, описаниями контуров одиночного предмета, механики изолированного движения, стены, белой стены со скиталицей-мухой. Итак: предмет в гостиной мадам — черное зеркало. В высоту оно восемнадцать сантиметров, в ширину пятнадцать. Оно вложено в потертый чехол из черной кожи, наподобие книги. И чехол лежит на столе раскрытый, как роскошное издание, которое можно взять и полистать; но ни читать, ни разглядывать в нем нечего — кроме тайны собственного облика, возвращенного черной поверхностью, погруженного в бездонные глубины, в коридоры мрака.

— Оно принадлежало Гогену, — объясняет хозяйка. — Вы, конечно, знаете, что он жил и работал здесь до того, как поселился среди полинезийцев. Это было его черное зеркало. Вполне обычная вещь у художников девятнадцатого века. Ван Гог таким пользовался. И Ренуар.

— Не совсем понимаю. Пользовались для чего?

— Чтобы освежить зрение. Обновить восприятие цвета, тональных переходов. От работы их глаза уставали, и они отдыхали, глядя в эти черные зеркала. Как гурман на банкете, между изысканными блюдами, чтобы вернуть вкусу остроту, пьет *sorbet de citron*⁹. — Она берет со стола томик с зеркалом и подает мне. — Я часто смотрю в него, когда глаза устают от избытка солнца. Оно успокаивает.

Успокаивает, но и беспокоит. Чернота, когда долго в нее всматриваешься, перестает быть черной, а становится серебристо-синей, дверью в тайные видения; как Алиса, я на пороге путешествия в Зазеркалье, и не так уж хочу его предпринять.

Издали доносится ее голос, дымчатый, безмятежный, вежливый:

— Так у вас здесь убили друга?

— Да.

— Американца?

— Да. Он был очень талантливым человеком. Музыкантом. Композитором.

— А, помню — он писал оперы. Еврей. У него были усы.

— Его звали Марк Блицстайн.

— Но это было давно. По крайней мере, пятнадцать лет назад, если не больше. Насколько я понимаю, вы остановились в новом отеле. "Ля Батай". Как он вам?

— Очень приятный. Там некоторая суматоха — открывают казино. Управляющего казино зовут Шелли Китс. Сначала я решил, что это шутка, но, оказывается, его действительно так зовут.

— В "Ле Фуляре", симпатичном рыбном ресторанчике в Шолшере — это рыбацкая деревня, — работает Марсель Пруст. Марсель — официант. Здешние рестораны вас разочаровали?

— И да, и нет. Они лучше всех остальных карибских, но слишком дорогие.

— Alors. Всё привозное, я же говорю. Мы даже овощей не выращиваем. Местные люди слишком апатичны.

На террасу влетает колибри и беспечно повисает в воздухе.

⁸ Рядовое вино (фр.).

⁹ Лимонный шербет (фр.).

— Но дары моря у нас великолепны.

— И да, и нет. Я никогда не видел таких огромных омаров. Просто киты, доисторические создания. Я заказал омара, но он был безвкусным, как мел, и таким жестким, что у меня выпала пломба. Как калифорнийские фрукты — с виду загляденье, но без всякого аромата.

Она, с невеселой улыбкой:

— Что ж, прошу прощения.

И я сожалею о своих словах, понимаю, что был бестактен.

— На прошлой неделе я обедала в вашей гостинице. На террасе над бассейном. И была шокирована.

— Чем же?

— Купальщицами. Иностранные дамы собрались вокруг бассейна, ничем не прикрытые сверху и мало чем внизу. У вас в стране это допускают? Чтобы практически голые женщины выставляли себя напоказ?

— В общественных местах, таких как бассейны в отелях, — нет.

— Вот именно. И не думаю, что здесь это надо терпеть. Но и туристов нам раздражать накладно. Какими-нибудь туристскими достопримечательностями поинтересовались?

— Вчера мы поехали посмотреть дом, где родилась императрица Жозефина.

— Я никому не советую туда ездить. Этот старик, куратор, — такой болтун! И даже не знаю, на каком языке он хуже всего говорит — на французском, английском или немецком. Скучнейший тип. Как будто сама поездка туда недостаточно утомительна.

Наш колибри улетает. Вдалеке слышатся звуки "стальных оркестров" из железных бочек, тамбурины, пьяные хоры ("Ce soir, ce soir nous danserons sans chemise, sans pantalons" — "Сегодня вечером, сегодня вечером мы танцуем без рубашек, без штанов") — они напоминают нам, что это Карнавальная неделя на Мартинике.

— Обычно, — объявляет моя хозяйка, — я уезжаю с острова на время Карнавала. Это невозможно. Грохот, вонь.

Собираясь на Мартинику с тремя спутниками, я не знал, что мы попадем туда как раз на Карнавальную неделю; уроженец Нового Орлеана, я был сыт такими празднествами. Но мартиникская разновидность оказалась на удивление живой, спонтанной и яркой, как взрыв бомбы на фабрике фейерверков.

— Мы, мои друзья и я, получили удовольствие. Вчера вечером видели чудесный парад — пятьдесят мужчин с черными зонтами, в шелковых цилиндрах; на их торсах фосфоресцирующими красками нарисованы были скелеты. Прелестные старые дамы в париках из золотой канители, с блестками, наклеенными на лица. А мужчины в белых свадебных платьях своих жен! А миллионы детей с горящими свечами, как светляки! Вообще-то мы едва избежали катастрофы. Мы взяли напрокат машину в отеле, въехали в Фор-де-Франс, и как раз, когда ползли в толпе, у нас спустила шина. Нас тут же окружили красные черти с вилами...

Мадам довольна:

— Oui. Oui. Мальчики, одетые красными чертями. Этому обычаю сотни лет.

— Да, но они танцевали на машине. Со страшным ущербом для нее. На крыше отплясывали самбу. А мы не могли ее бросить, боялись, что они совсем ее разгромят. Тогда самый спокойный из моих друзей, Боб Макбрайд, вызвался сменить колесо тут же, на месте. Сложность заключалась в том, что на нем был белый полотняный костюм и он не хотел его испортить.

— Поэтому он разделся. Очень разумно.

— По крайней мере, это было смешно. Наблюдать, как Макбрайд, мужчина весьма солидный, раздевшись до трусов, пытается сменить колесо, а вокруг бурлит карнавальное безумие и красные черти тычут в него вилами. К счастью, бумажными.

— Но мистер Макбрайд справился?

— Если бы нет, сомневаюсь, что злоупотреблял бы сейчас вашим гостеприимством.

— Ничего бы не случилось. Мы не буйный народ.
— Ну что вы! Я не имел в виду, что нам угрожала опасность. Это было просто... приключение.

— Абсента? Un peu?¹⁰

— Чутьочку. Спасибо.

Возвращается колибри.

— Ваш друг композитор?

— Марк Блицштейн.

— Я всегда так думала. Однажды он у меня обедал. Его привела мадам Дерен. В тот вечер был еще Сноудон. Со своим дядей, англичанином, который построил все эти дома в Мустике.

— Оливер Мессел.

— Oui. Oui. Мой муж еще был жив. У мужа был прекрасный слух. Он попросил вашего друга сыграть на рояле. Тот играл немецкие песни. — Она встает, рассказывает по комнате, и я вижу, как изящна ее фигура, как воздушно вырисовывается она под кружевным зеленым парижским платьем. — Это я помню, но не могу вспомнить, как он погиб. Кто убил его?

— Два матроса.

— Здешние? С Мартиники?

— Нет. Два португальских матроса с судна, которое стояло в порту. Он познакомился с ними в баре. Марк работал здесь. Писал оперу и снимал дом. Привел их к себе...

— Да, вспоминаю. Они его ограбили и избили до смерти. Это было ужасно. Кошмарная трагедия.

— Трагическая случайность.

Черное зеркало передразнивает меня: "Зачем ты это сказал? Это не было случайностью".

— Но полиция поймала тех моряков. Их судили и отправили в тюрьму в Гвиане. Не знаю, там ли они до сих пор. Можно спросить у Поло. Он должен знать. Как-никак, он Первый президент Апелляционного суда.

— В сущности, это неважно.

— Неважно? Этим негодяев надо было бы отправить на гильотину.

— Нет. Но я был бы не против увидеть, как они собирают жуков с кофейных деревьев на Гаити.

Оторвав взгляд от демонического блеска зеркала, я вижу, что моя хозяйка вернулась с террасы в сумрачный салон. Звучит фортепьянный аккорд, еще один. Мадам будто пробует ту же мелодию. Скоро собираются любители музыки, хамелеоны, — алые, зеленые, лиловые. Слушатели рассаживаются на терракотовой террасе неровными рядами, напоминая цепочки написанных нот. Моцартовская мозаика.

2. МИСТЕР ДЖОНС

Зимой 1945 года я несколько месяцев снимал комнату в Бруклине. Дом был вполне почтенный — не какая-нибудь дыра, — сложен был из старого известняка, приятно меблирован и содержался в больничной чистоте хозяйками — двумя незамужними сестрами.

В соседней комнате жил мистер Джонс. У меня была самая маленькая комната в доме, а у него самая большая — прекрасная вместительная комната на солнечной стороне, что было очень кстати, ибо мистер Джонс никогда не выходил: все его заботы, связанные с питанием, походами по магазинам, стиркой, взяли на себя пожилые хозяйки. Кроме того, у него бывали гости; с раннего утра до позднего вечера к нему в комнату заходили различные мужчины и

¹⁰ Немножко? (фр.)

женщины, молодые, старые и среднего возраста, — человек по шесть ежедневно. Наркотиками он не торговал и по руке не гадал; нет, они приходили просто поговорить с ним и, очевидно, благодарили его за беседу и советы скромными денежными приношениями. Иными источниками дохода он вроде бы не располагал.

Сам я с мистером Джонсом так и не побеседовал, о чем впоследствии не раз сожалел. Это был представительный мужчина лет сорока. Худощавый брюнет с необычным лицом: бледное, тощее, скулы выдаются, а на левой щеке — родимое пятно, алый изъясн в форме звезды. Он носил очки в золотой оправе, с черными-черными стеклами: он был слеп, да к тому же наполовину парализован — сестры рассказывали, что после несчастного случая в детстве у него отнялись ноги, — и передвигался только на костылях. Носил он всегда отутюженную темно-серую или темно-синюю тройку и скромный галстук — как будто вот-вот отправится в контору на Уолл-стрит.

Но, как я уже сказал, он не покидал дома. Сидел в своем удобном кресле и принимал в светлой комнате гостей. Я не представлял, чего ради к нему шли эти ничем не примечательные люди и что обсуждали с ним; я слишком был занят собственными делами и особенно об этом не задумывался. А когда задумывался, воображал, какой находкой стал для друзей этот понятливый добрый человек, как поверяют они ему свои невзгоды и какое участие находят в таком отзывчивом слушателе — священнике и психоаналитике одновременно.

У мистера Джонса был телефон. Из жильцов у него одного был собственный номер. Телефон звонил не переставая, иногда за полночь, иногда с шести утра.

Я переехал на Манхэттен. Через несколько месяцев я вернулся — забрать оставленный ящик с книгами. Когда хозяйки у себя в "зале" угощали меня чаем с пирожными, я спросил о мистере Джонсе.

Дамы опустили очи долу. Одна кашлянула и сказала: "Его ищет полиция".

Другая сообщила: "Мы заявили о его исчезновении".

Первая добавила: "Месяц назад — двадцать шесть дней — сестра, как обычно, отнесла мистеру Джонсу завтрак. Но его не было. Все вещи были на месте. А он пропал".

"Как же это мог..."

"...Совершенно слепой, беспомощный калека..."

Проходит десять лет.

Морозный, за десять градусов, декабрьский день; я в Москве. Еду в вагоне метро. Пассажиров вокруг мало. Один сидит напротив — мужчина в сапогах, в плотном долгополом пальто, в меховой шапке, какие носят в России. У него яркие, синие, как у павлина, глаза.

Мгновение я еще сомневался, а потом уже не мог отвести взгляд: ни с чем нельзя было спутать это необычное тощее лицо — пускай без черных очков — и эти выступающие скулы с одиноким алым звездообразным родимым пятном.

Я уже думал пересесть и заговорить с ним, но тут поезд остановился, мистер Джонс поднялся и, ступая здоровыми, сильными ногами, вышел из вагона. Двери закрылись прямо у него за спиной.

3. ЛАМПА В ОКНЕ

Однажды меня пригласили на свадьбу. Невеста предложила, чтобы привезла меня из Нью-Йорка пара других гостей, незнакомые мне супруги Робертс. Был холодный апрельский день, и по дороге в Коннектикут Робертсы, люди лет сорока с небольшим, показались мне приятными спутниками — не такими, с кем могло бы захотеть провести долгий выходной день, но неплохими.

На свадьбе, однако, было изрядно выпито, причем треть, наверное, — моими шоферами. Они ушли последними — часов в одиннадцать вечера, и я не без опаски сел к ним

в машину; я знал, что они пьяны, но не догадывался, насколько. Мы проехали километров тридцать; машина заметно виляла, и супруги оскорбляли друг друга в самых неординарных выражениях (это была сцена прямо из "Кто боится Вирджинии Вулф?"). Тут мистер Робертс по понятной причине свернул не туда и заблудился на темной проселочной дороге. Я просил их, а под конец даже умолял выпустить меня, но они были так увлечены своей руганью, что не обращали на меня внимания. В конце концов автомобиль остановился сам (времененно), задев боочиной дерево. Воспользовавшись этим, я выскочил из задней двери и убежал в лес. Вскоре проклятая машина все же уехала, и я остался один в студеной темноте. Уверен, что супруги меня не хватились, да и я, видит Бог, по ним не заскучал.

Но застрять неведомо где холодной ветреной ночью — радости мало. Я двинулся вперед в надежде добраться до шоссе. Шел полчаса, и никаких признаков человеческого обитания не видел. Наконец чуть в стороне от дороги показался каркасный домик с террасой и одним освещенным окном, за которым горела лампа. Я на цыпочках взошел по ступенькам и заглянул в окно: перед камином сидела и читала книгу пожилая женщина с мягкими седыми волосами и круглым крестьянским лицом. На коленях у нее, свернувшись, лежала кошка, и еще несколько спали на полу у ног.

Я постучался в дверь и, когда она открыла, сказал, лязгая зубами:

— Извините, что потревожил, но у меня небольшая авария — нельзя ли воспользоваться вашим телефоном и вызвать такси?

— Вот беда. — Она улыбнулась. — Боюсь, у меня нет телефона. Бедность. Но заходите, пожалуйста. — И когда я вошел в уютную комнату, произнесла: — Боже, вы замерзли, мальчик. Сделать вам кофе? Или чаю? У меня осталось от мужа немного виски — он умер шесть лет назад.

Я ответил, что немного виски выпью с удовольствием.

Пока она доставала его, я грел руки у камина и озирался. Веселенькую комнату населяло шесть или семь кошек разнообразных беспородных мастей. Я посмотрел на заглавие книги, которую читала миссис Келли — таково было имя хозяйки, как я позже узнал. "Эмма" Джейн Остен, моей любимой писательницы.

Вернувшись со стаканом льда и пыльной бутылкой бурбона, она сказала:

— Садитесь, садитесь. У меня редко кто бывает. Правда, со мной кошки. Короче говоря, вы заночуете? У меня уютная гостевая комната, она давно не видала гостей. Утром дойдете до шоссе, вас подбросят до города, а там найдете гараж, чтобы починили вашу машину. До города километров восемь.

Я удивился вслух, как она может жить так обособленно, без транспорта и телефона. Она сказала, что все нужное ей покупает почтальон, ее хороший друг.

— Альберт. Такой милый и верный. Но в будущем году он уходит на пенсию. Не знаю, что мне тогда делать. Ничего, как-нибудь образуется. Может быть, новый добрый почтальон. Скажите лучше, какая у вас приключилась авария?

Когда я объяснил ей, как было дело, она возмутилась:

— Вы поступили совершенно правильно. Я бы не села в машину к человеку, если бы он даже только понюхал хересу. Я мужа так потеряла. Сорок лет прожили, сорок счастливых лет, и его задавил пьяный водитель. Если бы не мои кошки... — Она погладила тигрового кота, мурлыкавшего у нее на коленях.

Мы беседовали у камина, пока у меня не стали слипаться глаза. Беседовали о Джейн Остен ("Ах, Джейн. Но вот несчастье: я столько раз читала все ее книги, что помню их наизусть") и о других замечательных писателях — о Торо, об Уилле Кэсер, о Диккенсе, Льюисе Кэрролле, об Агате Кристи, о Реймонде Чандлере, Готорне, Чехове, Мопассане — это была женщина с хорошим вкусом и широкими интересами; ум светился в ее карих глазах, как маленькая лампа, стоявшая на столе рядом. Мы говорили о суровых коннектикутских зимах, о политиках и далеких странах ("Я никогда не была за границей, но, если бы представился такой случай, поехала бы в Африку. Иногда она мне снится: зеленые холмы, жара, красивые жирафы, стада слонов"), о религии ("Конечно, меня воспитали

католичкой, но теперь — я почти жалею об этом — вера ушла. Должно быть, неумеренное чтение"), о садоводстве ("Я сама выращиваю и консервирую все овощи — по необходимости"). И наконец: "Извините, что разболталась. Не представляете, какое это для меня удовольствие. Вам давно пора спать. Да и мне уже пора".

Она отвела меня наверх и, когда я удобно устроился на двуспальной кровати под блаженным грузом красивых лоскутных покрывал, вернулась, чтобы пожелать мне спокойной ночи и приятных снов. Я лежал и думал о ней. Какая необыкновенная жизнь: старая женщина, одна, посреди безлюдья; ночью к тебе стучится чужой, и ты не только открываешь ему, но приветливо впускаешь в дом и оставляешь на ночлег. Если бы мы поменялись местами, сомневаюсь, что у меня хватило бы на это храбрости, не говоря уже — великодушия.

Утром она накормила меня на кухне завтраком. Я проголодался; горячая овсянка с сахаром и консервированными сливками и кофе показались очень вкусными. Кухня выглядела более убого, чем остальной дом; плита, тархтящий холодильник — всё как будто доживало свой век. Все, кроме большого и довольно современного предмета — морозильника, занявшего целый угол.

А хозяйка развлекала меня разговором:

— Обожаю птиц. Мне совестно, что не могу бросать им зимой крошки. Но нельзя, чтобы они собирались около дома. Из-за кошек. Вы любите кошек?

— Да, когда-то у меня была сиамская кошка, Тома. Она дожила до двенадцати лет, и мы всегда путешествовали вместе. По всему миру. Когда она умерла, я не нашел в себе сил завести другую.

— Тогда вы, наверное, поймете это. Она подвела меня к морозильнику и открыла дверцу. Там не было ничего, кроме кошек: штабеля замороженных, прекрасно сохранившихся кошек — десятки кошек. У меня возникло странное чувство.

— Все мои старые друзья. Покойные. Я просто не могу с ними расстаться. Окончательно. — Она засмеялась и сказала: — Наверное, вы сочтете меня слегка помешанной.

Слегка помешанной. Да, слегка помешанная, думал я, шагая под серым небом по направлению к шоссе. Но лучшая: лампа в окне.

4. МОХАВЕ

В тот зимний вечер у нее было свидание в пять часов с доктором Бентсеном, в прошлом ее психоаналитиком, а ныне — любовником. Когда их отношения из аналитических перешли в эмоциональные, он настоял, из моральных соображений, чтобы она перестала быть его пациенткой. Не сказать, что это было так уж важно. Как аналитик он ей не очень помог, а как любовник... ну, однажды она увидела, как он бежал за автобусом — стокилограммовый, приземистый, пятидесятилетний, курчавый, широкозатый, близорукий манхэттенский врач — и рассмеялась: как она могла полюбить человека с таким дурным характером, такого некрасивого, как Эзра Бентсен? Ответ был: она его не любила, он ей даже не нравился. Но он хотя бы не ассоциировался с отчаянием и покорностью. Она боялась мужа; доктор Бентсен страха не вызывал. А любила она все-таки мужа.

Она была богата; во всяком случае, получала от мужа, человека богатого, солидное содержание и могла снимать однокомнатную квартиру с кухонькой, где принимала любовника, раз, иногда два в неделю, не чаще. Могла покупать подарки, которых он ожидал в этих случаях. Не то чтобы он очень им радовался: запонкам от Вердуры, классическим портсигарам от Пола Флато, неизбежным часам от Картье¹¹ и (что более существенно),

¹¹ Вердура и Картье — ювелирные фирмы, Пол Флато — знаменитый ювелир.

время от времени, наличным, якобы "в долг".

Он ей ни разу не преподнес подарка. Нет, однажды: испанский перламутровый гребень, по его словам, фамильную драгоценность, оставшуюся от матери. Носить его она, конечно, не могла, поскольку волосы стригла — табачного цвета, пушистые, как детский ореол над обманчиво наивным, молодежьавым лицом. Благодаря диете, упражнениям с Джозефом Пилатесом и дерматологическим заботам доктора Орендрайха, она выглядела на двадцать с небольшим. Было ей тридцать шесть.

Испанский гребень. Волосы. Это ей напомнило о Хайме Санчесе и вчерашнем разговоре. Хайме Санчес был ее парикмахером, и хотя знакомы они были едва ли год, успели стать в каком-то смысле добрыми друзьями. Она поверяла ему кое-какие свои секреты, он ей — значительно больше. До недавнего времени Хайме представлялся ей счастливым, чуть ли не в меру благополучным человеком. Он снимал квартиру вместе со своим красивым любовником, молодым дантистом Карлосом. Хайме и Карлос вместе учились в школе в Сан-Хуане, вместе уехали из Пуэрто-Рико и поселились сначала в Новом Орлеане, а потом в Нью-Йорке, и Хайме, талантливый парикмахер, оплатил учение Карлоса на зубоорачебном отделении. Теперь у Карлоса был свой кабинет и клиентура из зажиточных пуэрториканцев и черных.

Но в ходе нескольких последних визитов она заметила, что всегда безоблачный взгляд Хайме Санчеса стал хмурым, белки пожелтели, словно с похмелья, и его умелые руки, обычно спокойные и точные, слегка дрожат.

Вчера, подравнивая ножницами ее прическу, он остановился и стоял, пыхтя, — но не так, как если бы ему не хватало воздуха, а будто сдерживая крик. Она спросила:

— Что случилось? Вам плохо?

— Нет.

Он отошел к раковине и ополоснул лицо холодной водой. А вытираясь, сказал:

— Я убью Карлоса. — И стоял, как бы ожидая вопроса: "За что?" Но она только смотрела на него, и он продолжил: — Разговоры уже бесполезны. Он ничего не понимает. Мои слова ничего не значат. Единственный способ до него достучаться — это убить его. Тогда он поймет.

— Не уверена, что я вас понимаю, Хайме.

— Я никогда не рассказывал вам об Анджелите? О моей двоюродной сестре? Она приехала сюда полгода назад. Всю жизнь влюблена в Карлоса. Ну, с двенадцати лет. А теперь и Карлос в нее влюбился. Хочет на ней жениться и завести полный дом детей.

Она почувствовала себя так неловко, что только и смогла вымолвить:

— Она милая девушка?

— Слишком милая. — Хайме схватил ножницы и возобновил работу. — Нет, серьезно. Она прекрасная девушка, маленькая, как попугайчик, и слишком милая; ее доброта оборачивается жестокостью. Только она не понимает, что это жестокость. Например... — Она взглянула на лицо Хайме, движущееся в зеркале над раковиной, — не то веселое лицо, которое нередко ее очаровывало: зеркало добросовестно отразило растерянность и муку. — Анджелита и Карлос хотят, чтобы я жил с ними, когда они пожениются, — вместе, в одной квартире. Это была ее идея, но Карлос говорит: "Да! да! Мы должны остаться вместе, и мы с тобой будем жить как братья". Вот почему я должен его убить. Никогда он меня не любил, если ему безразлично, каким адом это будет для меня. Он говорит: "Нет, я люблю тебя, Хайме, но Анджелита... это другое". Ничего не другое. Или ты любишь, или нет. Или ты губишь, или нет. Но Карлос никогда этого не поймет. Его ничто не может убедить — только пуля или бритва.

Она хотела засмеяться, но не могла, понимая, что это серьезно; кроме того, она отлично знала, что да, есть такие люди, которых не заставишь признать правду, не заставишь понять иначе, как подвергнув их тяжелейшему наказанию.

Тем не менее она засмеялась, но так, чтобы Хайме не воспринял это как веселье. Это было что-то вроде сочувственного пожатия плечами.

— Хайме, вы никого не можете убить.

Он принялся расчесывать ей волосы и дергал, сам того не замечая; она понимала, что гнев обращен не на нее, а на самого себя.

— Черт! — Потом: — Да. И в этом причина большинства самоубийств. Кто-то тебя мучит. Ты хочешь их убить, но не способен. И мучишься оттого, что любишь, и не можешь их убить, потому что любишь. И вместо этого убиваешь себя.

Уходя, она хотела поцеловать его в щеку, но ограничилась рукопожатием.

— Хайме, я понимаю, какая это банальность. И сейчас вам ничем не поможешь. Но помните: всегда есть кто-то другой. Не застревайте на одном и том же человеке — вот и всё.

Квартира для свиданий находилась на Восточной Шестьдесят пятой улице. Сегодня она пошла туда пешком из дому, их особняка на Бикман-Плейс. Было ветрено, с тротуаров еще не стаял снежок, и в воздухе висело обещание нового. Но она не зябла в пальто, рождественском подарке мужа, — замшевом, соболиного цвета пальто, подбитом соболем.

Квартиру для нее снял родственник на свое имя. Родственник был женат на старой ведьме, жил в Гринвиче и, случалось, посещал квартиру со своей секретаршей, толстой японкой, которая обливала себя оглушительными порциями "Митсуко". Сегодня в квартире воняло ее духами, из чего можно было заключить, что родственник недавно здесь развлекался. А значит, надо сменить простыни.

Сменила и приготовилась. На столик рядом с кроватью положила коробочку, обернутую в гляцевую лазурную бумагу, — в ней лежала золотая зубочистка, купленная у Тиффани, поскольку одной из его досадных привычек было постоянное ковыряние в зубах, причем картонными спичками, которые он менял одну за другой. Она подумала, что золотая зубочистка сделает процесс менее неприятным. На проигрыватель поставила стопку пластинок Ли Уайли и Фреда Астера; налила себе холодного белого вина, разделась догола, отпила из бокала и легла на кровать, подпевая без слов божественному Фреду и прислушиваясь, когда в замке царапнется ключ любовника.

По внешним признакам, оргазмы были мучительными событиями в жизни Эзры Бентсена: он гримасничал, скрипел зубными протезами и скулил, как испуганная собачонка. Услышав хныканье, она, конечно, испытывала облегчение — это означало, что сейчас его потная туша скатится с нее: он был не из тех, кто медлит потом и шепчет нежные комплименты, он сразу скатывался. И сегодня, поступив так же, жадно потянулся к голубой коробочке, зная, что там для него подарок. Открыл ее и хрюкнул.

Она объяснила:

— Это золотая зубочистка.

Он весело фыркнул, что было необычно для него, — чувство юмора у него было скудное.

— Симпатичная штучка, — сказал он и принялся ковырять в зубах. — Знаешь, что было вчера вечером? Я дал пощечину Тельме. Крепкую. И еще в живот ударил.

Тельма была его жена, детский психиатр с отличной репутацией.

— Беда с Тельмой в том, что с ней нельзя договориться. Она не понимает. Иногда это единственный способ что-то ей объяснить. Расквасить ей губу.

Она вспомнила Хайме Санчеса.

— Ты знакома с миссис Роджер Райнландер? — спросил доктор Бентсен.

— С Мери Райнландер? Ее отец был самым близким другом моего отца. Они вместе держали конюшню. Одна ее лошадь выиграла Кентукки-дерби. Но бедняга Мери. Вышла за настоящего мерзавца.

— Так она и мне говорит.

— Да? Миссис Райнландер — новая пациентка?

— Да, свежая. Занятно. Она обратилась ко мне фактически по той же причине, что и ты, — ее ситуация почти идентична твоей.

По той же причине? На самом деле было несколько проблем, которые привели ее к

соблазнению на кушетке доктора Бентсена, — и главная та, что после рождения второго ребенка она больше не могла спать с мужем. Она вышла замуж в двадцать четыре года; муж был на пятнадцать лет старше. Хотя они часто ссорились и ревновали друг друга, первые пять лет брака остались в ее памяти чередой безоблачных дней. Трудности начались, когда он захотел ребенка; если бы она не так его любила, то ни за что не согласилась бы: в детстве она боялась других детей, и до сих пор в обществе ребенка ей бывало не по себе. Но она родила ему сына, а беременность пережила тяжело: даже когда не страдала физически, ей казалось, что страдает, и после родов впала в депрессию, длившуюся больше года. Спала по четырнадцать часов со снотворным, а остальные десять подстегивала себя амфетаминами. Второй ребенок, тоже мальчик, родился по пьяной случайности — хотя она подозревала, что это муж ее перехитрил. Как только поняла, что снова беременна, стала настаивать на аборте; муж сказал, что, если она сделает аборт, он с ней разведется. Но ему пришлось пожалеть об этом. Ребенок родился семимесячным, чуть не умер, и она из-за сильного внутреннего кровоизлияния — тоже; оба несколько месяцев провели в палате интенсивной терапии на краю бездны. С тех пор она никогда не спала с мужем; хотела — но не могла: его голое тело, сама мысль о том, что он будет у нее внутри, вызывали нестерпимый ужас.

Доктор Бентсен носил толстые черные носки с подвязками и никогда не снимал их, "занимаясь сексом". И теперь, всовывая ноги в подвязках в синие шерстяные брюки, лоснящиеся на задку, он сказал:

— Дай сообразить. Завтра вторник. В среду наша годовщина...

— Наша годовщина?

— Наша с Тельмой! Двадцатая! Хочу повести ее в... Скажи, где тут самый лучший ресторан?

— Какая разница? Он очень маленький, очень фешенебельный, и хозяин ни за что не предоставит тебе столик.

Отсутствие чувства юмора дало себя знать:

— Очень странно это слышать. Что значит — не предоставит столик?

— Да то и значит. Достаточно одного взгляда на тебя, и он поймет, что у тебя шерсть на пятках. Есть такие люди, которые не хотят обслуживать людей с шерстяными пятками. Он один из них.

Доктор Бентсен привык к ее манере вставлять незнакомые слова и научился делать вид, будто понимает их значение; ее среда была так же неведома ему, как ей — его окружение, но по слабости характера он не мог в этом признаться.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Может быть, в пятницу? Часов в пять?

Она сказала:

— Нет, спасибо.

Он завязывал галстук и остановился; она все еще лежала на кровати, голая, не прикрывшись простыней; Фред пел "Сам по себе".

— Нет, спасибо, дорогой доктор. Думаю, мы больше не будем здесь встречаться.

Она видела, что он ошарашен. Конечно, это для него потеря — она хороша собой, она была внимательна к нему, нисколько не затруднялась, когда он просил у нее деньги. Он встал на колени перед кроватью и погладил ее по груди. Она заметила усики холодного пота у него под носом.

— Что с тобой? Наркотики? Напилась?

Она рассмеялась и сказала:

— Я пью только белое вино и понемногу. Нет, друг мой. Просто у тебя шерсть на пятках.

Как многие психоаналитики, доктор Бентсен всё воспринимал буквально; на секунду ей показалось, что сейчас он снимет носки и осмотрит свои ноги. Он по-детски огрызнулся:

— Нет у меня шерсти на пятках.

— Есть, есть. Как у лошади. У всех обыкновенных лошадей шерсть на пятках. У чистокровных — нет. У породистой лошади пятки плоские и блестящие. Мои поцелую

Тельме.

— Нахалка. В пятницу?

Пластинка Астера кончилась. Она допила вино.

— Может быть. Я позвоню, — сказала она.

Но она не позвонила и больше не виделась с ним — только раз, год спустя, когда она подсела к нему в "Ла Гринуйе". Он обедал с Мери Райнландер, и ее позабавило, что по счету заплатила миссис Райнландер.

Когда она вернулась домой на Бикман-Плейс, опять пешком, снег, как и собирался, выпал. Входная дверь была светло-желтая, с латунным молотком в форме львиной лапы. Открыла ей Анна, одна из четырех служанок-ирландок, и сообщила, что дети, укатавшись на коньках в Рокфеллеровском центре, поужинали и улеглись.

Слава богу. Значит, она избавлена от получаса игр, рассказывания сказок и поцелуев, которыми обычно завершался день ее детей; если она и не была страстной матерью, то добросовестной была — точно так же, как и ее мать. Было семь часов; муж позвонил, что приедет в половине восьмого. В восемь их ждали к обеду Хейлсы, друзья из Сан-Франциско. Она приняла душ, надушилась, чтобы отбить воспоминания о докторе Бентсене, освежила косметику, которой пользовалась крайне умеренно, надела серую шелковую тунику и серые шелковые лодочки с жемчужными пряжками. Когда на лестнице послышались шаги мужа, она приняла позу перед камином в библиотеке на втором этаже. Поза была изящная, привлекательная, как и сама комната — необычная восьмиугольная комната, с цвета корицы лакированными стенами, желтым лакированным полом, латунными книжными полками (идея была позаимствована у Билли Болдуина¹²), двумя громадными кустами коричневых орхидей в желтых китайских вазах, лошадью работы Марино Марини в углу, таитянским Гогеном над камином, в котором деликатно потрескивал огонь. За стеклянными дверьми открывался вид на сумеречный садик, снежную поземку и освещенные буксиры, плывущие, как фонари, по Ист-Ривер. К камину была повернута роскошная кушетка, обитая кофейного цвета бархатом, а перед ней — лакированный желтый, в цвет пола, столик; на нем стояло серебряное ведерко со льдом, в котором покоился графин, до краев наполненный перцовкой.

Муж помешкал в дверях и одобрительно кивнул ей: он был из тех мужчин, которые действительно замечают, как одета женщина, и с одного взгляда оценивают атмосферу жилища. Ради него стоило одеваться — помимо прочего, она любила его еще и за это. Но гораздо важнее было то, что он походил на ее отца, человека, который был и навсегда останется мужчиной ее жизни. Отец застрелился, и никто не знал почему, — он был джентльменом почти неправдоподобного благоразумия. До того как это случилось, она расторгла три помолвки, но через два месяца после смерти отца встретила Джорджа и вышла за него, потому что и внешне, и манерами он напоминал ей великую утраченную любовь.

Она пошла к нему, и они встретились на середине комнаты. Она поцеловала его в щеку — щека была холодная, как снежинки за окном. Он был крупный мужчина, ирландец, черноволосый и зеленоглазый, красивый, хотя за последнее время сильно прибавил в весе и слегка обрюзг лицом. Внешне он был полон жизни; одно это уже привлекало к нему и мужчин, и женщин. Но при ближайшем рассмотрении в нем можно было угадать скрываемую усталость, отсутствие настоящего оптимизма. Жена мучительно сознавала это — да и как иначе? Главной причиной была она. Она сказала:

— На улице гнусная погода, а у тебя усталый вид. Давай останемся дома и поужинаем у камина.

— Правда, милая, ты не против? Это некрасиво по отношению к Хейлсам. Хотя она и блядь.

— Джордж! Не произноси этого слова. Ты же знаешь, я терпеть его не могу.

¹² Билли Болдуин — художник по интерьеру.

— Извини, — сказал он с искренним сожалением. Он всегда старался ничем не оскорбить ее чувств, она, со своей стороны, тоже — следствие мира, который объединял их и в то же время позволял существовать порознь.

— Я позвоню и скажу, что ты простудился.

— Это не будет враньем. Кажется, так и есть.

Пока она звонила Хейлсам и договаривалась с Анной, чтобы через час им подали на ужин суп и суфле, он крепко приложился к перцовке, и она огнем разлилась у него в животе. Перед тем как вернулась жена, он налил себе скромную порцию и вытянулся на кушетке во весь рост. Она опустила на колени, сняла с него туфли и стала массировать ему ступни: видит бог, у него не шерстяные пятки.

Он закричал:

— Хм. До чего приятно.

— Джордж, я люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Она подумала, не поставить ли пластинку, — но нет, кроме потрескивания огня, тут не нужно было других звуков.

— Джордж?

— Да, милая?

— О чем ты думаешь?

— О женщине по имени Айвори Хантер.

— Ты знаешь эту женщину?

— Это был ее сценический псевдоним. Она танцевала в бурлеске.

Жена засмеялась:

— Что, какой-нибудь студенческий роман?

— Я с ней вообще не знаком. Только раз о ней слышал. Это было летом, когда я уехал из Йеля.

Он закрыл глаза и выпил водку.

— В то лето, когда поехал автостопом в Нью-Мексико и Калифорнию. Помнишь? Тогда мне и сломали нос. В драке, в баре. В Нидлсе.

Ей нравился его сломанный нос — он отчасти компенсировал необыкновенную кротость его лица. Однажды Джордж задумал пойти к хирургу, чтобы ему снова сломали и поправили нос, но она его отговорила.

— Было начало сентября — самое жаркое время в Калифорнии; чуть не каждый день жара под сорок. Надо было проехать на автобусе, хотя бы через пустыню. А я, как дурак, плелся по Мохаве, с двадцатикилограммовым рюкзаком на плечах, и потел, потел, пока во мне не осталось пота. Клянусь, было не меньше шестидесяти пяти в тени. Только тени никакой не было. Песок, мескистовые деревца и раскаленное голубое небо. Один раз проехал большой грузовик, но не остановился. Единственное — он раздавил гремучую змею, которая ползла через дорогу.

Я все думал, что-нибудь подвернется. Гараж. Время от времени проезжали машины, но я стал как будто невидимкой. Начал жалеть себя, понял, что такое полная беспомощность, и понял, как правильно поступают буддисты, отправляя своих монахов нищенствовать. Это — очищение. С тебя сходит последний детский жирок.

И тогда я встретил мистера Шмидта. Я принял его за мираж. Седой старик в полукилометре от меня. Он стоял у дороги, и вокруг него струилось марево. Когда я подошел ближе, увидел, что в руке у него палка, на глазах черные очки, и одет, словно собрался в церковь: белый костюм, белая рубашка, черный галстук, черные туфли. Не глядя на меня и еще издали он громко сказал: "Меня зовут Джордж Шмидт".

Я сказал: "Да. Добрый день".

Он: "А который час уже?"

"Четвертый".

"Значит, я стою здесь два часа, если не больше. Не скажете, где я?"

"В пустыне Мохаве. Километрах в тридцати от Нидлса".

"Это же надо, — сказал он. — Бросить семидесятилетнего слепого человека одного в пустыне. С десятью долларами в кармане, и гол, как сокол. Женщины — как мухи: садятся на сахар и на дерьмо. Я не говорю, что я сахар, но сейчас она точно в дерьме. Меня зовут Джордж Шмидт".

Я сказал: "Да, сэр, вы уже говорили. Я Джордж Уайтлоу".

Он поинтересовался, куда я направляюсь и зачем, и, когда я сообщил, что хочу добраться автостопом до Нью-Йорка, он попросил взять его за руку и помочь идти: может, нам повезет с попуткой.

Забыл сказать, что говорил он с немецким акцентом. Был очень толстый, даже рыхлый, словно всю жизнь провалялся в гамаке, но когда я взял его за руку, она оказалась жесткой, в ней чувствовалась неимоверная сила. Не дай бог, если такими руками тебя возьмут за горло. Он сказал: "Да, у меня сильные руки. Я пятьдесят лет проработал массажистом, последние двенадцать — в Палм-Спрингс. У вас нет воды?"

Я дал ему свою флягу, еще наполовину полную. А он сказал: "Она бросила меня здесь без капли воды. Вот уж чего не ожидал. Хотя надо было бы — при том, как хорошо я знаю Айвори. Это моя жена. Айвори Хантер ее звали. Стриптизерша: она выступала на Чикагской всемирной выставке тысяча девятьсот тридцать второго года и стала бы звездой, если бы не Салли Райн. Айвори придумала танец с веером, а эта Райн украли его. Так рассказывала Айвори. А может, обычная ее брехня. Ой-ой, осторожно, гремучая змея, она где-то рядом, слышу, как она запела. Я ничего на свете не боюсь — только змей и баб. У них много общего. Между прочим, вот что: последней в них умирает хвостовая часть". Проехало две-три машины, я выставял большой палец, а старик сигналил им палкой. Но уж больно странной мы были парой: грязный парень в джинсах и слепой толстяк в парадном костюме. Так бы и остались там, наверное, если бы не грузовик с шофером-мексиканцем. Он стоял на обочине, менял колесо. Знал слов пять — техасско-мексиканских, все матерные, но я неплохо помнил испанский после лета на Кубе у дяди Алвина. Мексиканец сказал мне, что едет в Эль-Пасо и, если нам по пути, он нас возьмет.

Но мистер Шмидт был не в восторге. Я чуть ли не силой втолкал его в кабину. "Ненавижу мексиканцев. Ни одного хорошего еще не встречал. Если бы не мексиканец... Ему всего девятнадцать, а ей, если по коже, на ощупь, я бы сказал, что Айвори — женщина за шестьдесят. Мы поженились два года назад, тогда она говорила, что ей пятьдесят два. Понимаете, я жил в трейлере, в трейлерном лагере, на шоссе Сто одиннадцать. Их там несколько таких, между Палм-Спрингс и Кафидрал-Сити. Соборный город! Самое подходящее название для дыры, где только и есть, что шалманы, да бильярдные, да бары для педерастов. Одно можно сказать в его пользу — там живет Бинг Кросби¹³. Если для вас это что-то значит. Короче говоря, рядом со мной в трейлере живет моя подруга Хельга. С тех пор как умерла моя жена — она умерла в один день с Гитлером, — на работу меня возит Хельга. Она официантка в том же еврейском клубе, где я работаю массажистом. Официанты и официантки в клубе — все высокие немцы-блондины. Евреям это нравится — чтобы ходили по струнке. И вот однажды Хельга говорит мне, что к ней приезжает погостить родственница. Айвори Хантер. Настоящее имя я забыл — оно было на брачном свидетельстве, но я забыл. До этого раза три выходила замуж, наверное, сама уже не помнила девичью фамилию. В общем, Хельга рассказывает мне, что ее родственница Айвори была знаменитой танцовщицей, но сейчас она прямо из больницы и последнего мужа потеряла, потому как год пролежала в больнице с туберкулезом. Поэтому Хельга и позвала ее в Палм-Спрингс. Ради воздуха. Да и деться ей было некуда. Когда она приехала, Хельга в первый же вечер пригласила меня, и эта родственница мне сразу понравилась; разговаривали

¹³ Бинг Кросби — эстрадный и джазовый певец, киноактер.

мы мало, больше слушали музыку, но Айвори мне понравилась. У нее был красивый голос, она говорила медленно и ласково, как медсестрам полагалось бы говорить; сказала, что не курит и не пьет, что принадлежит к Церкви Бога¹⁴, как и я. После этого я стал бывать у Хельги почти каждый вечер".

Джордж закурил сигарету и налил себе еще водки из графина. Она, к своему удивлению, тоже себе налила. Кое-что в рассказе мужа разбудило в ней непреходящую, но обычно подавляемую либриумом¹⁵ тревогу: она не представляла себе, к чему ведут эти воспоминания, но догадывалась, что к чему-то ведут, — Джордж редко болтал просто так.

Он закончил третьим юридический факультет Йеля, но адвокатской практикой не занялся, а поступил на факультет бизнеса в Гарварде и закончил его первым. За последние десять лет ему предлагали министерский пост, должность посла в Англии, или во Франции, или где ему захочется. Но потребность в красной водке, в этой рубиновой безделушке, блестящей при свете камина, возникла у нее из-за тревоги, вызванной тем, как у нее на глазах Джордж превратился в мистера Шмидта: ее муж был несравненным имитатором. Некоторых друзей он умел изобразить с точностью, доводящей до бешенства. Но это не было небрежное артистическое подражательство: он словно впадал в транс, вселялся в душу другого человека.

— "У меня был старый "шевроле", никто на нем не ездил с тех пор, как жена умерла. Но Айвори отдала его отрегулировать, и скоро уже не Хельга возила меня на работу и с работы, а она. Задним числом я понимаю, что у них с Хельгой был сговор, но тогда я не догадывался. Все лагере, все, кто с ней встречался, все говорили: какая приятная женщина, большие голубые глаза, красивые ноги. Я думал: всё от доброты характера, от Церкви Бога, — чего бы иначе она целыми вечерами стряпала обед, прибиралась в доме слепого старика. Как-то вечером мы Слушали по радио "Хит-парад", — она поцеловала меня, погладила по ноге. И вскорости мы уже занимались этим по два раза в день: раз до завтрака и второй — после обеда, а мне-то шестьдесят девять. Но похоже было, она помешалась на моем конце не меньше, чем я на ее п..."

Она выплеснула свою водку в камин, пламя зашипело и расцвело. Но это был тщетный протест: что толку адресовать его мистеру Шмидту?

"Вот так-то. Айвори была п..., с какой стороны ни подойди. Поженились мы ровно через месяц после того, как познакомились. Она мало изменилась — хорошо меня кормила, любила послушать про евреев в клубе, а со спаньем сократился я — сильно сократился, из-за давления и прочего. Но она никогда не жаловалась. Мы вместе читали Библию, и по вечерам она вслух читала журналы, хорошие журналы — "Ридерз дайджест", "Сатердэй ивнинг пост", — пока я не засыпал. Она говорила, то надеется умереть раньше меня, иначе будет горевать и останется нищей. И правда, я мало что мог ей оставить. Страховки нет: что было в банке, я перевел на общий счет, да трейлер переписал на нее. Нет, мы и грубым словом ни разу не обменялись, пока она не разругалась с Хельгой.

Я долго не знал, из-за чего они поцапались. Знал только, что они не разговаривают, а когда спрашивал, в чем дело, она говорила: "Да так". Сама она зла на нее не держала. "Но ты же знаешь, как она пьет". Это правда. Ну, Хельга, я уже говорил, была официанткой в клубе, и вот как-то раз вваливается в массажный кабинет — у меня клиент на столе, лежит, в чем мать родила, а ей плевать, от нее разит, как от водочного завода. Едва на ногах держится. Сказала мне, что ее только что уволили, и вдруг начала ругаться и мочиться. Наорала на меня и обмочила весь кабинет. Сказала, что в трейлерном лагере все надо мной смеются. Сказала, что Айвори — старая блядь и связалась со мной, потому что осталась на бобах и

¹⁴ Церковь Бога — одна из ветвей протестантской церкви в США.

¹⁵ Либриум — транквилизатор.

ничего лучше ей не светило. И что же я за болван? Неужели не знаю, что ее дерет Фредди Фео черт знает с каких пор?

А этот Фредди Фео был бродячий тexasский мексиканец, парень только что из тюрьмы, и комендант трейлерного лагеря взял его разнорабочим. Не могу сказать, что он был стопроцентный педераст, он там со многими бабенками крутил. И с Хельгой в том числе. Она на него запала. Жаркими вечерами они сидели на качелях у ее трейлера, пили чистую текилу, без всяких там лаймов, он играл на гитаре и пел свои мексиканские песни. Айвори мне ее описала — зеленая гитара и на ней его имя выложено стеклянными бриллиантками. Пел, надо сказать, неплохо. Но Айвори твердила, что терпеть его не может, говорила: прохвост, хочет вытянуть из Хельги всё до последнего цента. Сам я, наверное, десятком слов с ним не перекинулся — он мне не нравился из-за запаха. У меня нюх, как у гончей, а от него за сто метров несло бриолином и еще чем-то — Айвори сказала, называется "Вечер в Париже".

Она клялась и божилась, что между ними ничего нет. С ним? Чтобы эта мексиканская мартышка пальцем до нее дотронулась? Сказала, что все оттого, что Фредди Фео Хельгу бортанул, она бесится и ревнует и думает, что он буровит всех подряд от Кет-Сити до Индио. Сказала, ей оскорбительно, что я прислушиваюсь к такому вранью, хотя Хельгу надо скорее жалеть, чем ругать. И сняла обручальное кольцо, что я ей подарил, — его носила моя первая жена, но Айвори сказала, что это неважно: раз я любил Гедду, так тем оно ценнее, — отдала мне кольцо и сказала: если ты мне не веришь, вот тебе кольцо, а я сажусь на первый же автобус — и куда глаза глядят. Ну, я опять надел ей на палец, мы стали на колени и вместе помолились.

Я ей верил — или думал, что верю, — но в голове словно качели: да, нет, да, нет. И Айвори потеряла легкость — раньше в теле у нее была свобода, как в голосе. А теперь одеревенела, как евреи у меня в клубе — вечно ноют и ворчат, что не можешь размассировать их тревоги и огорчения. Хельга нашла работу в "Мирамаре", но в лагере у нас я, когда чуял ее приближение, всегда отворачивался. Один раз она мне шепнула где-то рядом: "А известно тебе, что твоя женушка подарила мексиканцу золотые серьги? Только его любовник не позволил их носить". Не знаю. Каждый вечер Айвори молилась со мной, чтобы Господь нас не разлучал, чтобы мы были здоровы душой и телом. Но я заметил... Теплыми летними ночами, когда Фредди Фео сидел на дворе, пел и играл на гитаре, она могла выключить радио прямо посреди Боба Хоупа или Эдгара Бергена¹⁶ и выйти за дверь, слушать. Говорила, что смотрит на звезды. "Нигде больше таких звезд не увидишь". И вдруг выясняется, что она ненавидит Кет-Сити и Спрингс. Всю эту пустыню, песчаные бури, лето, жару пятидесятиградусную, и некуда податься, если ты не богач и не член "Ракет-клуба". Однажды утром мне об этом объявляет. Говорит, прицепила бы трейлер и уехала куда угодно, лишь бы прохладней. В Висконсин, в Мичиган. Мне эта мысль понравилась; я успокоился насчет того, что у нее ничего нет с Фредди Фео.

Ну, у меня в клубе был клиент, человек из Детройта, он сказал, что, может быть, удастся устроить меня в детройтский спортивный клуб, — твердо не обещает, но может быть, чем черт не шутит. А ей только этого и надо. Подхватила, раз-раз, трейлер на колеса, садик пятнадцатилетний — в распыл, "шевроле" заправлен, все наши сбережения переведены в аккредитивы. Вчера вечером она вымыла меня с головы до пяток, волосы шампунем, и сегодня утром чуть свет выехали.

Я почувствовал: что-то не так, но что — не понял, сразу задремал, как выехали на шоссе. Наверное, она подсыпала мне в кофе снотворных таблеток.

Но, проснувшись, сразу его почуял. Бриолин и дешевые духи. Он прятался в трейлере. Свернулся где-то, как змея. Я подумал: Айвори с парнем убьют меня и оставят стервятникам.

¹⁶ Боб Хоуп — комик, мастер коротких юморесок. Часто выступал перед войсками на фронтах. Эдгар Берген — чревовещатель с куклой. Выступал по радио с острыми диалогами.

Она сказала: "Ты проснулся, Джордж?" И по тому, как она это сказала, по испугу в голосе я понял: она знает, о чем я думаю. Я правильно догадался. Я сказал: "Останови машину". Она спросила: почему. Потому что хочу отлить. Она остановилась, и мне слышно было, что она плачет. Когда я вылезал, она сказала: "Джордж, ты был добр ко мне, но я не знаю, что еще я могла сделать. А у тебя есть профессия. Для тебя всегда найдется место".

Я вылез и правда стал отливать. В это время мотор заработал, и она уехала. Я и не знал, где нахожусь, пока вы не подошли, мистер?.."

"Джордж Уайтлоу". И я ему сказал:

"Это же почти убийство. Бросить слепого беспомощного человека черт знает где. Когда приедем в Эль-Пасо, пойдем в полицию".

Он сказал: "Да нет. У нее и без полиции хватит неприятностей. Айвори села на дерьмо — пусть и сидит. Это она черт знает где. И потом, я ее люблю. Женщина может с тобой так расправиться, а ты ее все равно любишь".

Джордж налил себе еще водки, а она подбросила поленце в камин. Свежее пламя было лишь чуть-чуть ярче ее внезапно вспыхнувших щек.

— Так женщины и делают, — с вызовом произнесла она. — Только сумасшедший... Думаешь, я могла бы сделать что-нибудь похожее?

Выражение его глаз, некое зрительное молчание поразило ее, заставило отвести взгляд, снять вопрос.

— Ну и что с ним стало?

— С мистером Шмидтом?

— С мистером Шмидтом.

Он пожал плечами:

— Последнее, что я видел, — он пил стакан молока в ресторанчике на стоянке грузовиков перед Эль-Пасо. Мне повезло: дальнобойщик довез меня аж до Ньюарка. Я вроде забыл об этом. Но последние несколько месяцев вдруг стал думать, что же случилось с Айвори Хантер и Джорджем Шмидтом? Должно быть, возраст: я почувствовал себя старым.

Она опять опустилась рядом с ним на колени, взяла его за руку, переплела свои пальцы с его пальцами.

— Пятьдесят два года? И чувствуешь себя старым?

Он отстранился. Когда он заговорил, это было бормотание человека, разговаривающего с собой:

— Я всегда был в себе уверен. Шел по улице с ощущением полной свободы. Чувствовал, что люди на меня смотрят — на улице, в ресторане, на вечеринке, — завидуют мне, думают: кто этот человек? Куда бы ни пришел на вечеринку, знал, что половина женщин в комнате будут мои, если захочу. Но все это кончилось. Похоже, что Джордж Уайтлоу стал человеком-невидимкой. Ни одна голова не повернется. На прошлой неделе я два раза звонил Мими Стюарт, и она не отзвонилась. Я тебе не успел сказать, вчера я заглянул к Бадди Уилсону на коктейль-пати. Там было десятка два довольно привлекательных молодых женщин, и все смотрели сквозь меня — для них я усталый старик, почему-то чересчур улыбчивый.

Она сказала:

— Я думала, ты еще встречаешься с Кристиной.

— Открою тебе секрет. Кристина помолвлена с мальчиком Резерфордов из Филадельфии. Яне видел ее с ноября. Он ей подходит; она счастлива, и я рад за нее.

— Кристина! С которым мальчиком Резерфордов? С Кенионом или с Полом?

— Со старшим.

— С Кенионом. Ты знал и не рассказал мне?

— Милая, я много чего тебе не рассказывал.

Это была не совсем правда. Когда они перестали спать друг с другом, они стали обсуждать его романы и даже совместно их устраивать. Алиса Кент: пять месяцев;

закончился, потому что она потребовала развестись и жениться на ней. Систер Джонс: оборвался через год, когда узнал муж. Пат Симпсон: модель из "Вога", отправилась в Голливуд, обещала вернуться и не вернулась. Адель О'Хара: красавица, алкоголичка, неутомимая скандалистка; с ней он сам порвал. Мэри Кемпбелл, Мэри Честер, Джейн Вир-Джонс. Другие. И теперь Кристина.

Некоторых он находил сам, но большинство его романов срежиссировала она — знакомила его с подругами, препоручала его своим наперсницам, чтобы дать ему разрядку, но в понятных границах.

— Ну что ж. — Она вздохнула. — Крестину мы не можем упрекнуть. Кенион — завидный жених.

Но мысль ее работала, елозила, как огонь по поленьям, в поисках имени, чтобы заполнить вакуум. Алиса Коумс: доступна, но слишком скучна. Шарлота Финч: слишком богата, а мужскому достоинству Джорджа противопоставлены женщины — да и мужчины, если на то пошло, — более богатые, чем он. Может быть, Эллисон? Изысканная мисс Гарольд Эллисон, которая сейчас на Гаити — с задачей быстро получить развод...

Он сказал:

— Перестань хмуриться.

— Я не хмурюсь.

— К чему это? Опять силикон, новые счета от Орендрайха. Я предпочел бы видеть человеческие морщины. Неважно, чья это вина. Все мы, случается, бросаем друг друга под пустым небом и сами не понимаем почему.

Эхо, отголоски пустот: Хайме Санчес, Карлос и Анджелита; Хельга и Фредди Фео, Айвори и мистер Шмидт; доктор Бентсен и Джордж, Джордж и она, доктор Бентсен и Мэри Райнландер...

Он слегка сжал ее пальцы между своими, а другой рукой поднял ей подбородок, чтобы посмотреть в глаза. Потом поднес ее руку к губам и поцеловал ладонь.

— Сара, я тебя люблю.

— И я тебя.

Но прикосновение его губ, скрытая угроза заставили ее напрячься. Внизу на лестнице послышалось звяканье столовых приборов на подносе: Анна и Маргарет несли ужин.

— И я тебя люблю, — повторила она притворно сонным голосом и с притворной же вялостью отошла, чтобы задернуть шторы. Тяжелый шелк закрыл ночную реку, освещенные суда, белесые и немые за снежной пеленой, как на японской гравюре с зимним ночным пейзажем.

— Джордж? — Настойчивая просьба, пока не вошли ирландки с вечерними приношениями. — Пожалуйста. Не волнуйся, милый. Мы кого-нибудь подыщем.

5. ГОСТЕПРИИМСТВО

Некогда на деревенском Юге были фермы и фермерши, которые накрывали стол почти для любого прохожего: разъездного проповедника, точильщика, сезонного рабочего — любого угостят сытным обедом. Вероятно, есть еще много таких ферм и фермерш. Определенно есть моя тетя, миссис Дженнингс Картер. Мэри Ида Картер.

Ребенком я подолгу жил на ферме у Картеров; тогда она была маленькой, а теперь это изрядное владение. Дом освещался керосиновыми лампами, воду качали из колодца и носили ведрами, отапливались камином и плитами, а развлекались только тем, что выдумывали сами. По вечерам, после ужина, дядя Дженнингс, видный, энергичный мужчина, частенько садился за пианино вместе со своей хорошенькой женой, младшей сестрой моей матери.

Картеры были работающие люди. Дженнингс с несколькими издолщиками обрабатывал землю при помощи конного плуга. Что до его жены, то у нее дел было выше головы. Я ей

помогал: кормил свиней, доил коров, сбивал масло, сдирал листья с початков, лущил горох и колол орехи. Одной работы я избегал как мог, а когда приходилось ее делать, закрывал глаза: я терпеть не мог сворачивать шеи курам, хотя поесть их был совсем не против. Было это во время Депрессии, но для главной трапезы дня у Мэри Иды всего хватало; обед подавали в полдень; потного мужа с работниками призывали к столу колокольным звоном. Я любил бить в колокол — чувствовал себя при этом могущественным благодетелем.

К этим полуденным трапезам на стол выкладывали горячее печенье, кукурузный хлеб, мед в сотах, курятину, сома или жареную белку, белую фасоль и вигну. Тут-то иногда и являлись гости — иногда жданные, иногда неожиданные. "Ну, — говорила Мэри Ида, заведя на дороге продавца Библий со стертymi ногами, — еще одна Библия нам не нужна. Но еще одну тарелку придется поставить".

Из всех, кого мы кормили, трое навсегда остались в моей памяти. Во-первых, пресвитерианский миссионер, собиравший деньги для своей христианской работы на землях нечестивых. Мэри Ида сказала, что денег дать не может, но будет рада, если он с нами пообедает. Бедняга в этом явно нуждался. В своем пыльном, лоснящемся, порыжелом черном костюме, скрипучих черных похоронных туфлях и черной с прозеленью шляпе, он был тощий, как стебель сахарного тростника. В длинной, красной, морщинистой шее ходил большой, как зуб, кадык. Я в жизни не видел более прожорливого человека. Он в три глотка выпил литр пахты, в одиночку (правда, двумя руками) расправился с целым блюдом курятины, а печений, истекающих маслом и патокой, забросил в себя столько, что я сбился со счета. При этом, уплетая еду, он успевал потчевать нас рассказами, от которых волосы вставали дыбом, — о своих подвигах на безбожных территориях.

— Я вам скажу. Я видел, как людоеды жарят на вертеле черных людей и белых — как вы свинью — и съедают всё до последнего кусочка: пальцы ног, мозги, уши — всё. Один людоед сказал мне, что вкуснее всего жареный новорожденный младенец; на вкус, говорит, как ягненок. А меня не съели, думаю, потому, что на мне мяса мало, костлявый. Видел, как людей вешали за пятки и у них кровь из ушей текла. А раз меня укусила зеленая мамба, самая ядовитая змея на земле. Меня долгонько тошнило, но не умер; черные решили, что я бог, и поднесли мне пальто из леопардовых шкур.

Когда прожорливый проповедник ушел, у Мэри Иды сделалось головокружение; она сказала, что теперь ей месяц будут сниться страшные сны. Но муж ее утешил:

— Ну что ты, милая, неужели поверила этим басням? Он такой же миссионер, как я. Нехристь и врун, вот он кто.

В другой раз мы угощали кандалника, сбежавшего из алабамской тюрьмы в Атморе. Мы, конечно, не знали, что это опасный преступник, приговоренный пожизненно за черт знает сколько вооруженных ограблений. Он просто появился у наших дверей и сказал Мэри Иде, что голоден и не даст ли она ему поесть.

— Что ж, сэр, — сказала она. — Вы пришли куда нужно. Я как раз накрываю к обеду.

Где-то (наверное, стащив с чужой веревки) он раздобыл комбинезон и ношенную синюю рабочую рубашку, вместо своего полосатого наряда. Мне он показался симпатичным, да и остальным тоже; на запястье у него была наколка-цветок, глаза у него были добрые, и разговаривал он мягко. Сказал, что фамилия его Банкрофт (и оказалось, что его действительно так звали). Дядя Дженнингс спросил:

— Вы по какой части работаете, мистер Банкрофт?

— Ну, — протянул тот, — как раз ищу, где устроиться. Как все почти нынче. Я на все руки мастер. У вас для меня не найдется работы?

Дядя сказал:

— Человек мне не помешал бы. Да платить ему нечем.

— Да мне почти ничего и не надо.

— Ну да, — сказал дядя. — А у меня как раз совсем ничего.

Неожиданно — потому что эту тему в доме редко затрагивали — речь зашла о преступлениях. Мэри Ида посетовала:

— Красавчик Флойд. И этот Диллинджер. Разъезжают по стране, людей расстреливают. Грабят банки.

— Ну, не знаю, — ответил Банкрофт. — Мне банков не жалко. А Диллинджер толковый мужик, ничего не скажешь. Мне прямо смешно, как он их грабит, а его не могут взять. — Тут он в самом деле рассмеялся, показав желтые от табака зубы.

— Знаете, мистер Банкрофт, — возразила ему Мэри Ида, — мне немного удивительно слышать от вас такое.

Через два дня Дженнингс поехал на телеге в город и вернулся с бочонком гвоздей, мешком муки и экземпляром "Мобайл реджистер". На первой странице была фотография мистера Банкрофта — "Двустволки Банкрофта", как его по-свойски именовали в полиции. Его схватили в Эвергрине, в пятидесяти километрах от нас. Увидев его фото, Мэри Ида стала быстро обмахиваться веером, словно предупреждая обморок.

— Господи спаси, — ужасалась она. — Ведь он всех нас мог убить.

Дженнингс мрачно сказал:

— За его голову была обещана награда. А мы ее прохлопали. Вот что меня злит.

Потом была девица по имени Зилла Райланд. Мэри Ида нашла ее у ручья в лесу за нашим домом — она купала там рыжего малыша, двухлетнего мальчика. Мэри Ида так это описывала:

— Я ее раньше увидела, чем она меня. Она стояла в воде голая и купала этого красивого мальчика. На берегу лежали ситцевое платье, его одежонка и старый чемодан, перевязанный веревкой. Мальчик смеялся, и она с ним. Потом увидела меня и вздрогнула. Испугалась. Я говорю: "Хороший день. Но жаркий. В воде, наверное, приятно". А она схватила малыша и выбежала из воды. Я говорю: "Вам не надо меня бояться. Я миссис Картер и живу вон там. Зайдите к нам, отдохните". Тут она заплакала; совсем молоденькая, сама еще ребенок. Я спросила: в чем дело, ласточка? Она не отвечает. Надела платье и мальчика одела. Я сказала: "Может быть, я смогу тебе помочь, если объяснишь, что случилось". А она покачала головой и говорит: ничего не случилось. Но мы ведь просто так не плачем, — я ей говорю, — правда ведь? Пойдем со мной в дом, там поговорим. Она и пошла.

Пошла, да.

Когда они показались на тропинке, я сидел на качелях на веранде и читал старую "Сатердэй ивнинг пост". Мэри Ида несла ветхий чемодан, а босая девушка — ребенка. Мэри Ида меня представила:

— Это мой племянник Бадди. А это... извини, ласточка, не расслышала твоего имени.

— Зилла, — потупясь, прошептала девушка.

— Прости, милая. Опять не расслышала.

— Зилла, — опять прошептала она.

— Какое необычное имя, — весело сказала Мэри Ида.

Зилла пожала плечами:

— Мама так меня назвала. И ее так звали.

По прошествии двух недель Зилла все еще жила у нас; она оказалась такой же необыкновенной, как ее имя. Родители ее умерли, муж "сбежал с другой женщиной. Она была толстая, а он любил толсты, говорил, что я чересчур худа, и сбежал с ней, получил развод и женился на ней в Атенсе, в Джорджии. Из родни у меня остался только брат — Джим Джеймс. Поэтому я и приехала сюда, в Алабаму. Последнее, что я слышала, он где-то здесь осел".

Дядя Дженнингс положил все силы, чтобы разыскать Джима Джеймса. И имел на то причину: малыша Зиллы, Джеда, он полюбил, но к самой Зилле испытывал враждебность — дядю раздражали ее тонкий голос и привычка мурлыкать без слуха загадочные мелодии.

Дженнингс — Мэри Иде:

— До каких пор будет торчать у нас эта жиличка?

Мэри Ида:

— Ой, Дженнингс! Тише. Зилла может услышать. Бедняжка. Ей некуда деться.

Так что Дженнингс удвоил усилия. Он привлек к поискам шерифа; он даже заплатил за объявление в местной газете — то есть пошел до конца. Но в округе никто не слышал о Джиме Джеймсе.

Умная женщина Мэри Ида придумала. Она придумала пригласить на ужин, обычно легкий и подававшийся в шесть, соседа, Элдриджа Смита. Не знаю, почему это не пришло ей в голову раньше. Внешности мистер Смит был невзрачной и лет сорока, но он недавно овдовел и остался на ферме с двумя детьми-школьниками.

После первого ужина мистер Смит стал заходить к нам под вечер почти ежедневно. Когда смеркалось, мы оставляли Зиллу и мистера Смита наедине; они качались на скрипучих качелях у нас на веранде, смеялись, разговаривали и шептались. Дженнингса это сводило с ума: мистера Смита он любил не больше, чем Зиллу, и повторные просьбы жены: "Тише, родной. Подождем — увидим" — мало его успокаивали.

Мы ждали месяц. Наконец однажды вечером Дженнингс отвел мистера Смита в сторонку и сказал так:

— Слушай, Элдридж. Как мужчина мужчине — какие у тебя намерения насчет этой порядочной молодой дамы?

Прозвучало это скорее угрозой, нежели чем-нибудь еще.

Мэри Ида сшила на своем ножном "Зингере" свадебное платье. Оно было белое, хлопковое, с пышными рукавами, а на волосы, специально завитые по этому случаю, Зилла надела шелковый бант. Выглядела она на удивление хорошенькой. Венчание происходило прохладным сентябрьским днем под шелковицей, и руководил церемонией его преподобие Л. Б. Персонс. После все угощались пирогами и фруктовым пуншем с местным мускатом. Когда молодые отбыли на телеге мистера Смита, запряженной мулом, Мэри Ида подняла подол юбки, чтобы утереть слезы, а Дженнингс с сухими, как шкура змеи, глазами провозгласил:

— Спасибо тебе, Господи! И пока Ты к нам милостив, мне не помешал бы дождик.

6. ОСЛЕПЛЕНИЕ

Она завораживала меня.

Она всех завораживала, но большинство людей этого стеснялись — в особенности гордые дамы, правившие важными семьями в Садовом районе Нового Орлеана, где жили хозяева больших плантаций, судовладельцы, нефтедобытчики, богатые представители свободных профессий. Не таила своей зачарованности только прислуга этих домов. И конечно, дети, по молодости или простодушию не умевшие скрыть интерес.

Я был из их числа — восьмилетний мальчик, временно живший у родственников в Садовом районе. Тем не менее свой интерес я скрывал, ибо чувствовал некую вину: у меня был секрет, который беспокоил меня, не давал мне покоя, и я боялся поделиться им, открыться кому бы то ни было, не представляя себе, как к этому отнесутся, — столь странной была эта проблема, тревожившая меня уже почти два года. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь еще был в таком же затруднении. С одной стороны, оно могло показаться глупым; с другой...

Я хотел поделиться своей тайной с миссис Фергюсон. Не хотел — чувствовал, что должен. Потому что говорили, будто миссис Фергюсон обладает магическими способностями. Говорили, и многие серьезные люди верили, будто она может укротить блудливых мужей, вынудить предложение у мешкающих поклонников, восстановить потерянную шевелюру, вернуть промотанное состояние. Короче говоря, она была колдуньей и могла исполнять желания. Желание у меня было.

По виду миссис Фергюсон была не настолько умна, чтобы творить чудеса. И даже показывать карточные фокусы. Это была некрасивая женщина лет сорока, а может, и

тридцати: по ее круглому ирландскому лицу, почти без морщин, и по круглым лунообразным глазам, почти лишенным выражения, определить это было трудно. Она была прачкой — вероятно, единственной белой прачкой в Новом Орлеане и мастером своего дела: важные городские дамы вызывали ее, когда во внимании нуждались их самые тонкие кружева, шелка и полотна. Вызывали ее и за другой надобностью — добиться желаемого: нового любовника, определенного мужа для дочери, смерти мужней любовницы, дополнительного пункта в материнском завещании, приглашения быть королевой Комуса¹⁷ — самой пышной части масленичных гуляний. Так что услуг ее искали, и не только прачечных. Основой ее успеха и главным источником доходов была предполагаемая способность просеивать пески грез и извлекать из них серьезное вещество — золотые реалии.

Теперь насчет этого моего желания, озабоченности, донимавшей меня с раннего утра и до позднего вечера: я не мог попросить о нем вот так, с ходу. Требовался подходящий момент, тщательно подготовленный. Она к нам редко приходила, но когда приходила, я вертелся рядом, притворяясь, будто наблюдаю за деликатными движениями ее толстых некрасивых пальцев, перебирающих кружевные салфетки, но на самом деле стараясь попасться ей на глаза. Мы никогда не разговаривали: я был слишком робок, а она слишком глупа. Да, глупа. Я это чувствовал; может быть, и сильная колдунья, миссис Фергюсон была глупой женщиной. Но время от времени мы встречались взглядами, и, при всей ее тупости, напряжение, завороченность, которые она видела в моих глазах, говорили ей, что я хочу быть ее клиентом. Она, вероятно, думала, что мне нужен велосипед или новое духовое ружье; во всяком случае, заниматься такой мелюзгой она не собиралась. Что я мог ей дать? В общем, она опускала уголки своих тонких губ и отводила свои полнолуния в сторону.

В это время, в начале декабря 1932 года, в гости ненадолго приехала моя бабушка по отцу. Зимы в Новом Орлеане промозглые; сырой холодный ветер с реки пробирает до костей. Поэтому бабушка, работавшая учительницей во Флориде, предусмотрительно захватила с собой одолженное у подруги меховое пальто. Оно было из черного каракуля — одежда богатой дамы, каковой моя бабушка не была. Рано овдовев, она сама растила трех сыновей; жизнь ей досталась нелегкая, но она никогда не жаловалась. Она была чудесная женщина, с живым и при этом трезвым умом. Из-за семейных обстоятельств мы редко виделись, но она часто писала и присылала мне подарочки. Она меня любила, и я хотел ее любить, но пока она была жива — а умерла она на десятом десятке, — я держал дистанцию, вел себя равнодушно. Она это чувствовала, но так и не узнала причину моей видимой холодности — ее никто не узнал, потому что причина была частью сложной вины, многогранной, как ослепительный желтый камень на тонкой золотой цепочке, который часто носила бабушка. Жемчуга пошли бы ей больше, но она почему-то очень ценила эту несколько театральную безделушку, выигранную, насколько я знал, ее дедом в карты где-то в Колорадо.

Ценности ожерелье, конечно, не представляло; всякому, кто интересовался, бабушка добросовестно объясняла, что камень, который был размером с кошачью лапку, не самоцвет, не желтый сердолик и даже не топаз, а просто горный хрусталь, умело ограненный и окрашенный в темно-желтый цвет. Но миссис Фергюсон не догадывалась об истинной цене ожерелья, и однажды, во время пребывания бабушки, придя к нам, чтобы накрахмалить белье, толстенная моложавая ведьма была буквально зачарована блестящей стекляшкой на золотой цепочке. Ее невежественные лунные глаза загорелись — это правда, они действительно загорелись. Теперь мне нетрудно было привлечь ее внимание; она разглядывала меня с интересом, прежде отсутствовавшим.

Она стала уходить, и я проследовал за ней в сад, где была вековая аллея глициний — место, таинственное даже зимой, когда зелень скукоживалась и лиственный туннель лишался укрывной тени. Она остановилась там, поманила меня и тихо спросила:

¹⁷ Комус — заключительный бал Масленицы в Новом Орлеане.

— Ты что-то надумал?

— Да.

— Чего-то надо? Одолжения?

Я кивнул; она кивнула, но глаза ее беспокойно бегали — не хотела, чтобы ее застали за разговором со мной.

Она прошептала:

— Сын придет. Он тебе скажет.

— Когда?

Но она прошептала: "Тсс" — и торопливо вышла из сада. Я смотрел ей вслед, пока она, переваливаясь, не скрылась в сумерках. У меня пересохло во рту от мысли, что вся моя надежда — только на эту глупую женщину. Ужин я есть не мог; уснуть не мог до рассвета. К тому, что меня тревожило, прибавилась масса новых тревог. Если миссис Фергюсон сделает то, чего я хочу, как быть тогда с моей одеждой, с моим именем, куда мне деться, кем я буду? Боже правый, от этого можно было сойти с ума! Или я уже сошел? И это тоже меня мучило: я, наверное, сумасшедший, если желаю, чтобы миссис Фергюсон сделала то, чего я хочу. Поэтому я и не мог никому открыться — сочтут сумасшедшим. Если не хуже. Я не знал, что может быть хуже, но инстинктивно чувствовал, что, если мои родные и их друзья и другие ребята назовут меня сумасшедшим, это будет еще полбеда.

Из-за страха и суеверия в сочетании с алчностью прислуга в Садовом районе, самые чванливые няньки и самые надменные мажордомы, когда-либо ступавшие по паркету, говорили о миссис Фергюсон с почтением. Кроме того, говорили о ней тихо — не только из-за ее специфических талантов, но из-за столь же специфической биографии, подробности которой я постепенно выяснил, подслушивая сплетни этих элегантных негров, мулатов и креолов, считавших себя истинной аристократией Нового Орлеана, куда более родовитой, чем их наниматели. Что до миссис Фергюсон, она даже не была "мадам", а только "мамзель" — незамужняя женщина с выводком детей, по меньшей мере шестью, прибывшая из Восточного Техаса, из захолустного поселка, за границей Луизианы, напротив Шривпорта. В возрасте пятнадцати лет ее привязал к коновязи возле почты и публично выпорол кнутом родной отец. Причиной этого ужасного наказания было то, что она родила ребенка, зеленоглазого, но, несомненно, от черного папы. С младенцем, прозванным Москитом, теперь четырнадцатилетним и, по слухам, сущим дьяволом, она приехала в Новый Орлеан, устроилась экономкой к католическому священнику, соблазнила его, родила второго ребенка, сбежала к другому мужчине, и дальше пошло: один любовник за другим, интересные мужчины, которых она могла подцепить, лишь подливая им зелья в вино, — ибо что она собой представляла, за вычетом этих особых способностей? Белая голь из Восточного Техаса, гулявшая с черными, мать шестерых бастардов, прачка, прислуга и больше ничего. Тем не менее ее уважали: даже мадам Жуэ, главная няня семейства Ваккаро, владевшего компанией "Юнайтед фрут", разговаривала с ней учтиво.

Через два дня после беседы с миссис Фергюсон я сопровождал бабушку в церковь и по дороге домой — а до него было всего несколько кварталов — заметил, что за нами кто-то идет: хорошо сложенный парень с табачного цвета кожей и зелеными глазами. Я сразу понял, что это и есть пресловутый Москит, из-за которого пороли его мать, и что он ко мне с вестью. Я ощутил тошноту и вместе с тем хмельной восторг, так что даже засмеялся.

Бабушка весело спросила:

— Вспомнил анекдот?

Я подумал: нет, зато знаю секрет. Но ответил только:

— Там священник смешно сказал.

— Да? Рада, что ты услышал в его словах смешное. Мне проповедь показалась сухой. Но хор был хорош.

Я воздержался от следующего замечания: "Если они так и собираются говорить о грешниках и аде, когда не знают, что такое ад, пусть лучше позовут меня проповедовать. Я бы им кое-что рассказал".

— Тебе хорошо здесь живется? — спросила бабушка, словно обдумывая этот вопрос с самого приезда. — Я знаю, это было тяжело. Развод. Тут пожить, там пожить. Я хочу помочь, да не знаю как.

— Все хорошо. Все классно.

Но мне хотелось, чтобы она замолчала. И она замолчала — нахмурилась. Так что одно желание сбылось. Одно сбылось, и одно осталось.

Когда подошли к дому, бабушка сказала, что у нее разыгрывается мигрень, она попробует остановить ее таблеткой и непродолжительным сном, поцеловала меня и ушла в дом. Я пробежал по саду и затаился под глициниями, как бандит, поджидающий сообщника.

Вскоре появился сын миссис Фергюсон. Он был высок для своего возраста, под метр восемьдесят, и мускулист, как портовый грузчик. Ничего общего с матерью. Не только темная кожа: правильные черты лица с четким костяком — отец его, верно, был красивый мужчина. И, в отличие от миссис Фергюсон, его изумрудные глаза были не бессмысленными кружочками из комиксов, но узкими и злыми — оружие, заряженное и готовое выстрелить. Я не удивился, когда услышал несколько лет спустя, что он убил двух человек в Хьюстоне и умер на электрическом стуле в тюрьме штата Техас.

Он был франт — одет, как взрослые бандюги, околачивавшиеся в портовом районе: панамы, двухцветные туфли, узкий белый полотняный костюм, должно быть, подаренный более худым человеком. Из нагрудного кармана торчала внушительная сигара — "Гавана Касл-Морро", сигара разборчивых джентльменов из Садового района, употребляемая после обеда с абсентом и малиновым бренди. Москит Фергюсон картинно, по-гангстерски закурил сигару, соорудил из дыма безупречное кольцо, пустил его мне в лицо и сказал:

— Пойдешь со мной.

— Сейчас?

— Как принесешь старухино ожерелье.

Тянуть время было бесполезно, но я попытался:

— Какое ожерелье?

— Не болтай ерунды. Давай тащи его, и пойдем кое-куда. Иначе не пойдем. И больше случая не будет.

— Но оно на ней.

Еще одно мастерское кольцо пущено в мою сторону.

— Не мое дело, как ты его стыришь. Давай его сюда. Жду.

— Но, может, быстро не получится. А если совсем не смогу?

— Сможешь. Я тебя дождусь.

Дом, когда я вошел через кухонную дверь, показался мне пустым; он и был пуст: кроме бабушки, все уехали навестить только что вышедшую замуж родственницу на том берегу реки. Окликнув бабушку по имени и не получив ответа, я на цыпочках поднялся по лестнице и послушал у ее двери. Она, наверное, спала. Я рискнул приоткрыть дверь.

Шторы были задернуты, в комнате темно, если не считать жаркого блеска углей в фаянсовой печке. Бабушка лежала в постели, укрывшись до подбородка; таблетку от головной боли она, должно быть, приняла, потому что дышала глубоко и ровно. С осторожностью грабителя, поворачивающего замок банковского сейфа, я отвернул ее стеганое одеяло. На шее у нее ничего не было, бабушка легла спать в одной розовой рубашке. Ожерелье я нашел на бюро, оно лежало перед фотографией трех ее сыновей, в том числе моего отца. Я так давно его не видел, что забыл, как он выглядит, — а после сегодняшнего, уж наверное, и не увидел бы больше. А если и увидел бы, он бы меня не узнал. Но думать об этом мне было некогда. Москит Фергюсон ждал меня, стоял под глициниями, постукивал по земле ногой и сосал свою миллионерскую сигару. Тем не менее я колебался.

Я никогда ничего не крал — ну, несколько шоколадок с прилавка в кино да две-три книжки, которые не вернул в библиотеку. Но тут было дело серьезное. Бабушка простит меня, если узнает, почему мне пришлось украсть ожерелье. Нет, не простит — никто не

простит, если узнают, почему именно я это сделал. Но выбора у меня не было. Москит сказал: если не притащу сейчас, другого случая мне не представится. И то, что беспокоит меня, будет и дальше беспокоить, может быть, всю жизнь, до смерти. И я взял его. Я сунул его в карман и убежал из комнаты, даже не закрыв дверь. Москиту я ожерелье не показал, только сообщил, что оно у меня; глаза у него еще больше позеленели, сделались еще злее, он важно выпустил еще одно кольцо и сказал:

— Ясно, у тебя. Ты прирожденный негодай. Как я.

Сперва мы шли пешком, потом ехали на трамвае по Канал-стрит, обычно людной и веселой, а сейчас жутковатой — магазины закрыты, субботняя тишина окутала улицу как саван. На углу Канал — и Роял-стрит пересели на другой трамвай и проехали через Французский квартал, знакомую местность, где обитали старинные семьи, с родословной почище любых в Садовом районе. Потом опять шли, километр за километром. Жесткие церковные туфли терли, и я уже не знал, где мы идем, — и местность мне не нравилась. Спрашивать Москита Фергюсона было бесполезно — он только улыбался и присвистывал или сплевывал, улыбался и присвистывал. Интересно, свистел ли он по дороге к электрическому стулу?

Я действительно не представлял себе, где мы идем, — этой части города я раньше не видел. Хотя ничего необычного в ней не было, разве что белых лиц поменьше, чем я привык видеть, и чем дальше, тем реже они попадались: случайные белые жители среди черных и креолов. В остальном — обычное скопление скромных деревянных строений, доходных домов с облупившейся краской, частных домов, за немногими исключениями, запущенных. Одним из таких исключений оказался дом миссис Фергюсон.

Дом был старый, но настоящий дом, с семьей или восемью комнатами, и не такого вида, как будто первый же сильный ветер с залива запросто сдует его. Окрашен в безобразный коричневатый цвет, но краска, по крайней мере, не пузырилась от солнца и не шелушилась. Перед домом — ухоженный дворик с раскидистой персидской сиренью и подвешенными к сучьям старыми автомобильными покрывками: детские качели. По двору были разбросаны и другие детские вещи: трехколесный велосипед, ведрышки и совки для песочных пирожков — имущество безотцового потомства миссис Фергюсон. На цепи, привязанной к столбу, сидел щенок-дворняга; увидев Москита, он запрыгал и залаял.

Москит сказал:

— Пришли. Открой дверь и ступай в дом.

— Один?

— Она тебя ждет. Делай, что говорю. Иди прямо. Если она там трахается, понаблюдай — я через это стал чемпионом-трахальщиком.

Последнее замечание, мне совершенно непонятное, сопровождалось смешком, однако я последовал его инструкции и, подойдя к входной двери, оглянулся. Это казалось невозможным, когда я оглянулся, Москита во дворе уже не было, и больше я никогда его не видел, — а если и видел, то не помню.

Дверь вела прямо в гостиную. По крайней мере, эта комната была обставлена как гостиная (кушетка, мягкие кресла, две плетеные качалки, кленовые столики), хотя пол покрыт кухонным линолеумом, коричневым — возможно, под цвет дома. Когда я вошел, миссис Фергюсон качалась в одной качалке, а в другой — миловидный молодой креол, немногими годами старше Москита. На столе между ними стояла бутылка рома, и оба пили из стаканов. Молодой человек, которого мне не представили, сидел в нижней рубашке и не вполне застегнутых моряцких брюках клеш. Ни слова не говоря, он перестал качаться, встал и, прихватив бутылку с ромом, вышел в коридор. Миссис Фергюсон прислушивалась, пока где-то не закрылась дверь.

После чего спросила:

— Где оно?

Я потел. Сердце вело себя странно. Ощущение было такое, будто я пробежал сто километров и за эти несколько часов прожил тысячу лет. Миссис Фергюсон остановила

качалку и повторила вопрос:

— Где оно?

— Тут. У меня в кармане.

Она протянула толстую красную руку ладонью вверх, и я положил на нее ожерелье. Ром уже изменил обычно бессмысленное выражение ее глаз; ослепительный желтый камень подействовал еще сильнее. Она уставилась на него и поворачивала так и эдак; я старался не смотреть, старался думать о чем-нибудь другом и почему-то спросил себя: остались ли у нее на спине шрамы, отметины от кнута?

— Я что, должна сама догадаться? — спросила она, не сводя глаз со стекла на тонкой золотой цепочке. — Ну? Я должна сказать тебе, зачем ты здесь? Чего ты хочешь?

Она не знала, не могла догадаться, и вдруг мне захотелось, чтобы она и не узнала. Я сказал:

— Я люблю танцевать чечетку.

Она на секунду отвлеклась от новой блестящей игрушки.

— Я хочу стать чечеточником. Хочу убежать из дому. Хочу поехать в Голливуд и сниматься в картинах. — В этом была доля правды: в моих фантазиях о побеге Голливуд занимал важное место. Но секрет, о котором я все же решил умолчать, был совсем другой.

— Ну-у, — протянула она. — Ты хорошенький, для кино подойдешь. Для мальчика чересчур хорошенький.

Значит, все-таки догадалась. Я услышал свой крик:

— Да! Да! В том-то и дело!

— В чем? И не ори. Я не глухая.

— Я не хочу быть мальчиком. Я хочу быть девочкой.

Началось со странного звука, придушенного бульканья, оно поднялось из глубины горла и разрешилось смехом. Узкогубый рот растянулся, потом раскрылся; пьяный смех выхлестнул из нее, как рвота, и будто окатил меня — смех, звучавший так, как пахнет рвота.

— Миссис Фергюсон, миссис Фергюсон, вы не поняли. Я очень беспокоюсь. Все время беспокоюсь. Со мной что-то неправильно. Поймите, пожалуйста.

Она продолжала трястись от смеха, и ее качалка тряслась вместе с ней. Тогда я сказал:

— Вы глупая. Глупая, тупая. — И хотел вырвать у нее ожерелье.

Смех оборвался, словно в нее ударила молния; лицо у нее сделалось, как грозовая туча, яростным. Но заговорила она тихо, шипя по-змеиному:

— Ты сам не знаешь, чего хочешь, мальчик. Я покажу тебе, чего ты хочешь. Смотри на меня. Смотри сюда. Я покажу, чего ты хочешь.

— Не надо. Я ничего не хочу.

— Открой глаза, мальчик.

Где-то в доме плакал младенец.

— Смотри на меня, мальчик. Смотри сюда.

Она хотела, чтобы я смотрел на желтый камень. Она держала его над головой, слегка раскачивая. Казалось, он вобрал в себя весь свет из комнаты, наполнился убийственным сиянием, а все остальное погрузилось в темноту. Качался, вертелся, слепил, слепил.

— Я слышу, плачет ребенок.

— Ты слышишь себя.

— Глупая женщина. Глупая. Глупая.

— Смотри сюда, мальчик.

Вертелосьслепиловертелосьслепиловертелось...

Все еще был день, все еще воскресенье, и я, в Садовом районе, стоял перед нашим домом. Не знаю, как я сюда попал. Наверное, кто-то привел меня, но не знаю кто: последнее, что я запомнил, был смех миссис Фергюсон.

Из-за пропажи ожерелья, конечно, поднялся шум. Полицию не вызывали, но дом перевернули вверх дном, обыскали каждый сантиметр. Бабушка была очень расстроена. Но

если бы даже камень был драгоценным и, продав его, бабушка могла бы обеспечить себя на весь остаток жизни, я все равно не донес бы на миссис Фергюсон. Потому что, если бы донес, она могла бы разгласить то, что я ей сказал, — а я этого больше никому не говорил, никогда. В конце концов решили, что в дом пробрался вор и унес ожерелье, пока бабушка спала. На самом деле так оно и было. Когда бабушкин визит завершился и она вернулась во Флориду, все вздохнули с облегчением. Надеялись, что печальная история с пропажей камня скоро забудется.

Но она не забылась. Сорок четыре года канули, а она не забылась. Я немолодой человек, с затеями и причудами. Моя бабушка умерла в здравом уме и твердой памяти, несмотря на очень преклонный возраст.

О ее смерти мне сообщила по телефону родственница и спросила, приеду ли я на похороны. Я ответил, что дам ей знать. Я заболел от горя, был безутешен — абсурдно, несуразно. Бабушка не была моим любимым человеком. Но как же я горевал! Однако на похороны не поехал и даже цветов не послал. Я остался дома и выпил литр водки. Я был очень пьян, но помню, как подошел к телефону: звонил отец, он назвался. Его старческий голос дрожал — но не только от тяжести лет; отец дал выход гневу, копившемуся полвека, и, не услышав ни слова в ответ, сказал: "Сукин сын, она умерла с твоей фотокарточкой в руке". Я сказал: "Мне жаль" — и повесил трубку. Что еще я мог сказать? Как я мог объяснить, что все эти годы любое упоминание о бабушке, любое ее письмо, всякая мысль о ней вызывали из забвения миссис Фергюсон. Ее смех, ее ярость, вертящийся, слепящий желтый камень: ослепление, ослепление.

II. САМОДЕЛЬНЫЕ ГРОБИКИ

Документальный рассказ об одном американском преступлении

Март 1975 года

Городок в небольшом западном штате. Вокруг — множество крупных ферм и скотоводческих ранчо; в городке, где проживает менее десяти тысяч человек, — двенадцать церквей и два ресторана. На главной улице все еще стоит унылый, безмолвный кинотеатр, хотя за последние десять лет в нем не показали ни одного фильма. Когда-то в городе была гостиница, но ее закрыли, и теперь приезжий может найти себе пристанище только в мотеле "Прерия".

Мотель чистенький, комнаты хорошо отапливаются — вот, пожалуй, и все, что можно о нем сказать. Человек по имени Джейк Пеппер живет там почти пять лет. Джейк — пятидесятивосьмилетний вдовец, отец четырех взрослых сыновей. Он среднего роста, сохраняет прекрасную форму и выглядит на пятнадцать лет моложе своего возраста. У него красивое, открытое лицо, барвинковые голубые глаза и подвижные тонкие губы, которые причудливо изгибаются иногда в улыбке, иногда — по иному поводу. Секрет юношеской моложавости Джейка — не в его худощавой подтянутой фигуре, не в тугих щеках цвета спелого яблока и не в шаловливой, слегка загадочной усмешке, а в волосах, которые могли бы принадлежать его младшему брату: коротко остриженные, торчащие в разные стороны русые вихры так непокорны, что он не в силах их причесать, а просто приглаживает, смачивая водой.

Джейк работает детективом в Бюро расследований штата. Мы познакомились через нашего общего приятеля, детектива из другого штата.

В 1972 году Джейк написал мне, что расследует убийство, которое, по его мнению, могло бы представить для меня интерес. Я позвонил ему, и мы проговорили по телефону три часа подряд. Меня очень заинтересовал его рассказ, но, когда я предложил ознакомиться с делом на месте, он испугался и объяснил, что это преждевременно и может повредить расследованию, однако обещал держать меня в курсе событий. Затем целых три года мы

перезванивались с ним каждые два-три месяца. Работа Джейка продвигалась с большим скрипом, поскольку все следы были ловко запутаны, и, казалось, зашла в тупик. В конце концов Джейк позволил мне приехать и взглянуть на все своими глазами.

И вот в один по-зимнему холодный мартовский вечер мы сидели с Джейком Пеппером в его комнате в мотеле на продуваемой ветром окраине маленького западного городка. Комната показалась мне вполне уютной, особенно после долгого пути. Почти целых пять лет она служила Джейку домом; он соорудил здесь полки, на которых расставил фотографии своих близких — сыновей и внуков, а также множество книг, и в том числе немало томов о Гражданской войне. Подбор книг свидетельствовал об уме и вкусе владельца, который был явно неравнодушен к Диккенсу, Мелвиллу, Треллопу и Марку Твену.

Джейк сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, подле него стоял стакан с виски. Перед ним была разложена шахматная доска, и он рассеянно передвигал по ней фигуры...

Т. К. Удивительно, что об этом деле, по-видимому, никто ничего не знает. Оно почти не получило огласки.

ДЖЕЙК. На то были свои причины.

Т. К. Мне так и не удалось представить себе все дело в полной последовательности. Оно похоже на составную картинку, в которой не хватает половины деталей.

ДЖЕЙК. С чего же начать?

Т. К. С самого начала.

ДЖЕЙК. Подойди к письменному столу и выдвинь нижний ящик. Видишь эту маленькую картонную коробку? Взгляни, что там внутри.

(В картонке я обнаружил миниатюрный гробик. Это была изящная вещица, искусно вырезанная из легкого бальзамника. Гробик не был никак отделан, а когда я приподнял крышку на петлях, то обнаружил в нем какой-то предмет. Это была фотография — самый обыкновенный снимок мужчины и женщины среднего возраста, которые переходили через улицу. С первого взгляда было ясно, что они не позировали и что снимок сделан без их ведома.)

Я считаю, что все началось именно с этого маленького гробика.

Т. К. А кто изображен на фотографии?

ДЖЕЙК. Джордж Робертс и его жена. Джордж и Амелия Робертс.

Т. К. Ага, понятно, мистер и миссис Робертс. Первые жертвы. Он был адвокатом?

ДЖЕЙК. Да, адвокатом, и однажды утром (а именно десятого августа тысяча девятьсот семидесятого года) он получил по почте подарок. Вот этот гробик. С фотографией внутри. Робертс был веселый, беспечный человек, он показал подарок коллегам в суде и представил его как шутку. Но месяц спустя Джорджа и Амелии не стало.

Т. К. Когда ты приехал расследовать дело?

ДЖЕЙК. Сразу же. Через час после того, как их нашли, я выехал сюда вместе с другими агентами Бюро. Когда мы прибыли, тела еще находились в машине. Змеи — тоже. Этого зрелища я никогда не забуду. Никогда.

Т. К. Расскажи, как все произошло.

ДЖЕЙК. У Робертсов не было детей. Врагов у них тоже не было. К ним все прекрасно относились. Амелия работала вместе с мужем, его секретарем. У них была одна машина, на ней они всегда ездили на работу. В то утро, когда это случилось, было очень душно. Стояла изнурительная жара. Наверное, они изрядно удивились, когда, подойдя к машине, увидели, что все стекла подняты. Тем не менее они сели в машину — каждый со своей стороны, — а как только сели — бац! На них молниеносно набросился клубок гремучих змей. Мы нашли в машине девять крупных гремучих змей... Им был впрыснут амфетамин, и, обезумев от него, они искусали Робертсов где только можно: шею, плечи, уши, щеки, руки. Несчастные люди! Их головы распухли и походили на огромные окрашенные в зеленый цвет маски из тыквы, какие вырезают в канун Дня Всех Святых. Робертс, очевидно, скончался мгновенно. Надеюсь, так оно и было, — это единственное, на что остается надеяться.

Т. К. Гремучие змеи не очень-то распространены в здешних местах. Во всяком случае, такого большого размера. Их, очевидно, привезли сюда.

ДЖЕЙК. Вот именно. Привезли со змеиной фермы из Ноталеса, в Техасе. Но я расскажу тебе позже, как узнал об этом.

(За окном на земле все еще лежал снежный покров. Весной даже не пахло, и сильные порывы ветра, бившие в оконные стекла, напоминали о том, что на дворе зима. Но я почти не слышал шума ветра, в ушах не утихало страшное шипение клубка гремучих змей. В полумраке автомобиля, стоявшего под раскаленным солнцем, мне виделись извивающиеся змеи и головы двух людей — они разбухали от яда, приобретая зеленый оттенок. Я прислушивался к ветру, надеясь, что он унесет с собой навязчивое видение.)

ДЖЕЙК. Нам, правда, неизвестно, получили ли гробик Бакстеры. Но я уверен, что получили, иначе нарушился бы замысел преступника. Однако они об этом никому не сказали, а мы не обнаружили никаких следов гробика.

Т. К. Возможно, он сгорел во время пожара. Но с Бакстерами, кажется, была еще одна пара?

ДЖЕЙК. Хоганы из Талсы. Друзья Бакстеров, которые остановились у них проездом. Убийца не собирался их прикончить. Они попали случайно в эту историю. Вот послушай, как это произошло: Бакстеры строили красивый новый дом, но готов был только подвал. В других частях дома еще шли строительные работы. Рой Бакстер был состоятельным человеком и вполне мог снять на время строительства весь этот мотель. Но предпочел жить у себя в подвальном помещении, куда ход был только через люк.

Это случилось в декабре, через три месяца после убийства Робертсов. Доподлинно известно лишь то, что Бакстеры пригласили чету друзей из Талсы провести с ними вечер в подвале. А перед самым рассветом там вспыхнул огромный пожар, и обе четы сгорели. Буквально дотла.

Т. К. Разве они не могли выбраться через люк?

ДЖЕЙК (скривив губы и фыркнув). Нет, черт побери! Поджигатель, точнее убийца, завалил люк глыбами цемента. Сам Кинг Конг¹⁸ не смог бы сдвинуть их с места.

Т. К. Но совершенно очевидно, что существовала некая связь между пожаром и клубком гремучих змей.

ДЖЕЙК. Теперь легко говорить об этом. Но будь я проклят, если тогда смог хоть как-то соединить оба дела. Мы впятером вели расследование и узнали о Джордже и Амелии Робертс, о Бакстерах и Хоганах больше, чем они сами знали о себе. Держу пари, Джордж Робертс и не подозревал, что его жена в пятнадцать лет родила ребенка и отдала его на воспитание приемным родителям.

Конечно, в таком небольшом местечке почти все так или иначе знают друг друга хотя бы в лицо. Но мы не смогли обнаружить ничего, что связывало бы жертвы между собой. Никакого мотива преступления. Не существовало причины — во всяком случае мы не смогли ее найти, — объяснявшей, почему кому-то потребовалось убивать этих людей. (Он посмотрел на шахматную доску, раскурил трубку и отхлебнул из стакана виски.) Все эти люди были мне незнакомы. Я ничего не слышал о них, пока они не погибли. Но вот следующим оказался мой друг Клем Андерсон. Норвежец по происхождению, родители которого стали американскими гражданами. Он получил здесь в наследство от отца ранчо — весьма приличный кусок земли. Мы вместе учились в колледже, хотя он был еще на первом курсе, когда я заканчивал колледж. Он женился на моей давнишней подруге, замечательной девушке, единственной, у кого я видел глаза цвета настоящей лаванды. Словно из аметиста. Порой, когда на меня уже после женитьбы находила тоска, я принимался говорить об Эми и ее аметистовых глазах, и моей жене это не очень-то нравилось. Так или иначе, Клем и Эми поженились, обосновались здесь и завели семерых детей. Я был у них на обеде вечером

¹⁸ Огромная обезьяна, персонаж американских фильмов ужасов.

накануне его убийства, и Эми сказала мне, что жалеет лишь об одном — что у нее не может быть больше детей.

Я частенько встречался с Клемом с тех пор, как приехал сюда расследовать это дело. Он отличался буйным нравом и крепко выпивал, но был умен и рассказал мне уйму всякой всячины об этом городишке.

Однажды вечером он позвонил мне в мотель. Голос его звучал как-то странно. Сказал, что ему необходимо срочно повидаться со мной. Я предложил ему тут же приехать. Думал, что он пьян, но он был не пьян, а испуган. И знаешь почему?

Т. К. Санта-Клаус прислал ему подарок.

ДЖЕЙК. Ага. Но, видишь ли, он не понимал, в чем дело. Что это могло значить. Возможная связь между гробиком и убийством с помощью гремучих змей не разглашалась. Мы держали все в строгом секрете. И с Клемом я никогда об этом не говорил.

Но когда он вошел в эту самую комнату и показал мне гробик — точную копию того, который получили Робертсы, — я понял, что мой друг в большой опасности. Гробик был отправлен ему по почте в ящике, обернутом в грубую бумагу, имя и адрес написаны печатными буквами. Черными чернилами.

Т. К. А в нем была его фотография?

ДЖЕЙК. Да. И я расскажу тебе, что было на ней, поскольку снимок имеет прямое отношение к тому, как убили Клема. Я даже думаю, что убийца как бы хотел подшутить, намекнуть, что ли, каким образом погибнет Клем.

На фотографии Клем сидит в автомобиле, похожем на джип. Это — необычная машина, которую он сам смастерил. Без крыши и ветрового стекла — ничего, что прикрывало бы водителя. Просто мотор и четыре колеса. Клем сказал, что впервые видит эту фотографию и представить себе не может, кто и когда его снял.

Передо мной стояла трудная дилемма: открыть ли ему тайну и сказать, что семья Робертс получила такой же гробик незадолго до смерти и что Бакстеры, возможно, тоже получили подобный подарок, или нет? С какой-то точки зрения было бы лучше ничего не говорить, установить за Клемом тщательное наблюдение, и тогда он, не сознавая опасности, мог бы легче навести нас на след убийцы.

Т. К. Но ты решил сказать ему.

ДЖЕЙК. Да, сказал. Так как, имея в руках второй гробик, был уверен, что убийства между собой связаны. И считал, что Клем должен знать, как именно. Обязательно должен.

Но когда я объяснил ему, что означал гробик, он совершенно сник. Мне даже пришлось ударить его по щеке, чтобы привести в чувство. Но и тогда он стал вести себя совсем как малое дитя — лег на кровать и заплакал, причитая: "Меня кто-то собирается убить. Но почему? Почему?" Я сказал ему: "Слушай, никто тебя не убьет. Я обещаю тебе. Но подумай хорошенько, Клем, что у тебя общего с людьми, которые недавно отправились на тот свет. Что-то должно же быть. Хотя бы сущие пустяки". Но на все мои расспросы он только повторял: "Не знаю. Не знаю". Я заставил его проглотить добрую порцию виски, он выпил и заснул. Ночь провел у меня и наутро встал спокойным. Но и тогда он не вспомнил, что могло связывать его с другими жертвами и почему он оказался замешан в одну с ними историю. Я просил его никому не рассказывать о полученном гробике, даже жене, и велел не беспокоиться, так как немедленно выпишу дополнительно двух агентов, которые будут за ним приглядывать.

Т. К. Сколько же времени прошло, прежде чем гробовщик исполнил свою угрозу?

ДЖЕЙК. О, я думаю, он вдоволь наслаждался выжиданием. Он дразнил свою жертву, как рыболов, который поймал форель и сунул ее в банку с водой. Бюро отозвало дополнительных агентов, и в конце концов даже сам Клем, видимо, забыл об угрозе. Прошло полгода. Однажды мне позвонила Эми и пригласила к ним на обед. Был теплый летний вечер. В воздухе порхало множество светлячков. Дети гонялись за ними, ловили и запихивали в кувшин.

Когда я уходил, Клем пошел проводить меня до машины. Вдоль дороги, на которой

стояла машина, протекала узкая речушка. Клем сказал: "Да, так вот, по поводу связи, о которой ты говорил. Я на днях вдруг вспомнил. Это — река". Я спросил, какая река, и он ответил: та самая, что течет перед нами. "История довольно сложная и, пожалуй, глупая. Я расскажу тебе о ней в следующий раз, когда мы увидимся". Но я больше его не увидел. Во всяком случае, живым.

Т. К. Как будто бы тот подслушал вас.

ДЖЕЙК. Кто — тот?

Т. К. Санта-Клаус. Разве не странно, что после стольких месяцев Клем Андерсон наконец вспоминает про реку и на следующий же день, не успев объяснить тебе почему, погибает от руки убийцы?

ДЖЕЙК. Ты достаточно вынослив?

Т. К. Вполне.

ДЖЕЙК. Я покажу тебе кое-какие фотографии. Но лучше налейка вначале хорошую порцию виски. Это тебе пригодится.

(Три черно-белые глянцевые фотографии были сделаны ночью с помощью вспышки. На первой из них на узкой дороге, проходящей через ранчо, был снят самодельный джип Клема Андерсона. Он лежал на боку с включенными фарами. На второй фотографии ту же дорогу перегораживал обезглавленный торс: мужчина без головы, в сапогах, джинсах и кожаной куртке. На третьей фотографии — голова жертвы. Сама гильотина или опытный хирург не смогли бы отделить ее от туловища так ровно. Она лежала среди листьев, словно ее забросил туда злой шутник. Глаза у Клема Андерсона были открыты, но вовсе не походили на глаза мертвеца, в них застыл спокойный взгляд, и, если бы не глубокий порез поперек лба, его лицо казалось бы таким же умиротворенным, таким же не обезображенным насилием, как и голубые норвежские глаза, словно принадлежащие невинному младенцу. Пока я разглядывал фотографии, Джейк, опершись на мое плечо, тоже смотрел на них.)

ДЖЕЙК. Это произошло под вечер. Эми ждала Клема к ужину. Она послала одного из сыновей ему навстречу, на шоссе. Мальчик и нашел его. Вначале он увидел опрокинутую машину. Потом, подальше, примерно в ста метрах от нее, обнаружил тело. Мальчик бросился бегом домой, и Эми позвонила мне. Я ругал себя последними словами. Когда мы приехали на место происшествия, один из моих агентов нашел голову. Она находилась довольно далеко от тела. Лежала почти на том месте, где Клем наткнулся на проволоку.

Т. К. Да, кстати о проволоке. Я так и не понял, отчего именно проволока. Это так...

ДЖЕЙК. Хитроумно?

Т. К. Нет, скорее нелепо.

ДЖЕЙК. Что же тут нелепого? Наш приятель придумал прекрасный способ обезглавить Клема Андерсона. Убить его без свидетелей.

Т. К. Я полагаю, в таком случае нужен точный математический расчет. А для меня все, что связано с математикой, непостижимо.

ДЖЕЙК. Да, джентльмен, содеявший это, обладает, конечно, математическим складом ума. Во всяком случае, ему пришлось все очень тщательно вымерить.

Т. К. Он натянул проволоку между двумя деревьями?

ДЖЕЙК. Между деревом и телеграфным столбом. Крепкую стальную проволоку, острую, как лезвие бритвы. Фактически невидимую даже при дневном свете. А в темноте, когда Клем свернул с шоссе и поехал на своей развалюхе по узкой дороге, он тем более не мог заметить ее. Проволока пришлась ему там, где должна была прийтись — точно под подбородком. И, сам видишь, срезала ему голову так же легко, как девушка обрывает лепестки у ромашки.

Т. К. Но замысел мог не удался.

ДЖЕЙК. Что из того? Что значит для преступника неудачная попытка? Он предпринял бы еще одну и продолжал до тех пор, пока не добился бы своего.

Т. К. Вот уж действительно невероятно, что он всегда добивается своего.

ДЖЕЙК. Это так, и не так. Но мы вернемся к этому позднее.

(Джейк засунул фотографии в конверт. Он взял трубку, затянулся и прочесал пальцами непокорные вихры. Я молчал, так как понимал, что на душе у него скверно. В конце концов я спросил, не устал ли он и не лучше ли мне уйти. Он ответил, что нет — всего лишь девять часов, а спать он ложится не раньше полуночи.)

Т. К. Ты теперь здесь совсем один?

ДЖЕЙК. Слава богу, нет. Иначе сошел бы с ума. Работаю вместе с двумя другими агентами. Но до сих пор ответственность за расследование несу я. Да и сам этого хочу. Слишком много я уже вложил сил. И намерен поймать нашего приятеля, даже если это окажется моим последним делом. Должен же он совершить ошибку. Впрочем, кое в чем он уже просчитался. Но признаюсь откровенно, с доктором Парсонсом он разделался без промаха.

Т. К. С судебным врачом?

ДЖЕЙК. Да, с ним. С этим тощим горбуном-коротышкой.

Т. К. Подожди-ка. Ведь вначале ты думал, что это самоубийство.

ДЖЕЙК. Знай ты доктора Парсонса, ты бы тоже решил, что это самоубийство. У него было немало причин, чтобы покончить с собой. Или чтобы прикончили его. У Парсонса жена красавица, он поймал ее на морфии и вынудил выйти замуж. Был одинок, как волк. Занимался абортми. И более десятка рехнувшихся старух оставили ему все свое состояние. Вот какой отъявленный негодяй этот доктор Парсонс!

Т. К. Значит, тебе он был не по нутру.

ДЖЕЙК. Да, его никто не любил. Но я, пожалуй, напрасно сказал, что у Парсонса было много причин, чтобы покончить с собой. На самом деле у него вовсе не было для этого причин. Судьба ему улыбалась, и небо над его головой круглые сутки было голубое. Единственное, что беспокоило его, — это язва. Он постоянно страдал от несварения желудка и вечно таскал с собой бутылки с минеральной водой. Выдувал пару бутылок в день.

Т. К. И однако, все были удивлены, когда узнали, что доктор Парсонс покончил с собой?

ДЖЕЙК. Да нет, никто не думал, что доктор Парсонс покончил с собой. Во всяком случае, вначале.

Т. К. Извини, Джейк. Но я снова сбит с толку.

(Трубка у Джейка потухла, он выбил из нее пепел и достал сигару, которую, однако, не зажег: он обычно не курил их, а грыз, как собака грызет кость.)

Поначалу скажи мне, сколько времени прошло между похоронами? Похоронами Клема Андерсона и доктора Парсонса?

ДЖЕЙК. Четыре месяца или около того.

Т. К. А Санта-Клаус прислал доктору подарок?

ДЖЕЙК. Подожди, подожди. Не спеши. В тот день, когда умер Парсонс — мы ведь думали, что он умер, просто-напросто скончался, — работавшая с ним сестра нашла его на полу в кабинете. Другой врач, практикующий в городе, Альфред Скиннер, предположил, что у него был сердечный приступ, и сказал, что необходимо вскрытие, чтобы определить в точности.

В тот же вечер мне позвонила медсестра Парсонса и сказала, что со мной хочет поговорить миссис Парсонс. Я ответил, что сейчас же выеду к ней.

Миссис Парсонс приняла меня в своей спальне, где, как я думаю, она проводит почти все время, прикованная к постели радостями, доставляемыми ей морфием.

Она вовсе не выглядит больной в обычном понимании этого слова. Она хороша собой и кажется вполне здоровой. Щеки розовые, кожа гладкая и белая, почти молочной белизны. Но глаза ее блестели, и зрачки были расширены.

Она лежала в постели, опираясь на грудь подушек в кружевных наволочках. Я обратил внимание на ее ногти — длинные, тщательно наманикюренные, и руки тоже были удивительно красивые. Однако в руках она держала вещь отнюдь не красивую.

Т. К. Подарок?

ДЖЕЙК. В точности такой же, как и других.

Т. К. И что она тебе сказала?

ДЖЕЙК. "Я думаю, моего мужа убили". Но произнесла эти слова очень спокойно; она не выглядела ни расстроенной, ни взволнованной.

Т. К. Под воздействием морфия.

ДЖЕЙК. Нет, не только поэтому. Она производит впечатление человека, который уже свел счеты с жизнью и смотрит на все издалека, безо всякого сожаления.

Т. К. Понимала ли она, что означает гробик?

ДЖЕЙК. Нет, не понимала. Да и муж ее тоже. Как судебный врач округа, он должен был входить в число лиц, ведущих расследование, однако мы не доверяли ему. И он ничего не знал о гробиках.

Т. К. Тогда почему же она думала, что ее мужа убили?

ДЖЕЙК (хмурясь и грызя сигару). Из-за гробика. По ее словам, муж показал ей гробик несколько недель назад. Он не воспринял его всерьез. Решил, что гробик прислал кто-то из его врагов, вздумав таким образом выказать ему свою неприязнь. Миссис Парсонс же, по ее словам, как только увидела гробик и фотографию мужа в нем, поняла, что над ним нависла опасность. Как ни странно; но я думаю, что она любила его. Такая красивая женщина — такого противного уroda-горбуна.

Когда мы с ней распростились, я взял гробик с собой, внушив ей, что она ни в коем случае не должна рассказывать кому-либо об этой истории. Ну, а затем оставалось ждать результатов вскрытия. Результаты же оказались таковы: смерть от отравления, возможно самоубийство.

Т. К. Но ты-то знал, что его убили.

ДЖЕЙК. Знал я, и знала миссис Парсонс. А все остальные считали, что это самоубийство. Большинство людей думает так и по сей день.

Т. К. Какой же яд выбрал наш приятель?

ДЖЕЙК. Жидкий никотин. Очень чистый, сильный и быстродействующий яд, без цвета и запаха. Мы не знаем точно, каким образом яд был введен, но я подозреваю, что его смешали с излюбленной минеральной водой доктора. Один приличный глоток — и вам конец.

Т. К. Жидкий никотин... Я никогда не слышал об этом яде.

ДЖЕЙК. Что же, он не имеет такой известности, как, скажем, мышьяк. К слову, о нашем приятеле: на днях я наткнулся у Марка Твена на высказывание, которое поразительно ему подходит. (Порывшись на книжной полке, Джейк нашел нужный том и, шагая по комнате, начал читать вслух каким-то совершенно чужим, Хриповатым, сердитым голосом.) "Из всех существ, которые были созданы, человек — самое отвратительное. Из всех живущих на земле ему одному свойственна злоба — самый низменный из всех инстинктов, страстей и пороков, самый мерзкий. Человек — единственное на свете существо, способное причинять боль просто так, без оснований, сознавая, что он ее причиняет. Среди всех созданий на земле он один обладает подлым умом". (Джейк захлопнул книгу и швырнул ее на кровать.) Отвратительный. Злобный. С подлым умом. Да, сэр, эти определения прекрасно подходят мистеру Куинну, хотя и не характеризуют его полностью. Мистер Куинн — человек разнообразных талантов.

Т. К. Ты никогда не упоминал этого имени раньше.

ДЖЕЙК. Я сам узнал его только полгода тому назад. Но это — точно он. Куинн.

(Джейк несколько раз ударил крепким кулаком по ладони. Он походил на обозленного, разуверившегося во всем заключенного, который долгое время провел в тюрьме. Он и в самом деле был много лет здесь заточен из-за этого дела, а настоящая злость настаивается так же долго, как настоящее виски.)

Роберт Хоули Куинн, эсквайр. Весьма уважаемый джентльмен.

Т. К. Но этот джентльмен совершает ошибки. Иначе ты не узнал бы, что он и есть наш приятель.

ДЖЕЙК (молчит, он не слышит моих слов).

Т. К. Не из-за змей ли? Ведь ты говорил, что они со змеиной фермы в Техасе. Раз ты узнал об этом, то тебе должно быть известно, кто купил их.

ДЖЕЙК (успокоившись, зевая). Что ты говоришь?

Т. К. Кстати, зачем змеям был впрыснут амфетамин?

ДЖЕЙК. А как ты сам думаешь, зачем? Конечно, для стимулирования, чтобы разозлить их. Это все равно что бросить зажженную спичку в бак с бензином.

Т. К. Не понимаю, право, не понимаю, как он умудрился сделать змеям инъекцию и подложить их в машину и при этом они не искусали его самого.

ДЖЕЙК. Его научили, как это делается.

Т. К. Кто же?

ДЖЕЙК. Женщина, которая продала ему змей.

Т. К. Женщина?

ДЖЕЙК. Владелица змеиной фермы в Ногалесе. Тебе это кажется странным? Мой закадычный друг женился на девушке, которая работает в полицейском управлении в Майами, она специалист по глубоководному нырянию. Лучший механик по автомашинам из тех, кого я знаю, — женщина.

(Нас прервал телефонный звонок. Джейк взглянул на свои ручные часы и улыбнулся; его улыбка, спокойная, непринужденная, говорила о том, что он не только хорошо знает, кто ему звонит, но и с удовольствием услышит голос на другом конце провода.)

Хэлло, Адди. Да, он здесь. Говорит, что в Нью-Йорке уже весна, а я сказал, что ему следовало бы там и оставаться. Да ничего особенного. Пропустили вместе по паре стаканчиков и обсуждаем сама знаешь что. Завтра воскресенье? А я-то думал, что четверг. Может, я уже свихнулся? Ну конечно, мы с удовольствием придем на обед. Об этом ты не беспокойся, Адди. Ему понравится все, что бы ты ни приготовила. Ты же самый потрясающий кулинар по обе стороны Скалистых гор — к востоку и к западу. Нечего устраивать из этого целую историю. Да. Хорошо, может быть, испечешь свой знаменитый пирог с изюмом, покрытый сверху яблоками? Запри получше двери и спи спокойно. Я тоже. Ты знаешь об этом. *Buenas noches!*¹⁹

(Он повесил трубку, но на лице его все еще светилась радостная улыбка. Потом он зажег сигару и с удовольствием затянулся. Указал на телефон и хмыкнул.)

Это и была та самая ошибка, которую совершил мистер Куинн, — Аделаида Мейсон. Она приглашает нас завтра на обед.

Т. К. Кто такая эта миссис Мейсон?

ДЖЕЙК. Не миссис, а мисс. Замечательный кулинар.

Т. К. А помимо этого?

ДЖЕЙК. Адди Мейсон принесла мне то, чего я ждал все это время. Она — моя большая удача.

Ты знаешь, у моей жены отец был методистским священником. Она очень придирчиво следила за тем, чтобы вся наша семья ходила в церковь. Я же старался там бывать как можно реже, а после ее смерти и вовсе туда не заглядывал. Полгода тому назад Бюро собиралось прикрыть это дело. Мы потратили на него массу времени и уйму денег. Восемь убийств и никакого ключа, который мог бы открыть связь между жертвами и помочь найти что-либо похожее на мотив преступления. Ничего, кроме этих трех самодельных гробиков.

И я сказал себе: "Нет, так дальше не пойдет. Здесь наверняка есть какой-то замысел и вполне объяснимая причина". И вот я стал ходить в церковь. Делать-то по воскресеньям здесь все равно нечего. Гольфа, и того нет. И я стал молиться: Боже, не допусти, чтобы этот сукин сын вышел сухим из воды!"

На главной улице есть одно местечко под названием "О'кей кафе". Всем известно, что

¹⁹ Спокойной ночи! (исп.)

меня можно найти там почти каждое утро между восемью и девятью часами. Я завтракаю за боковым столиком, а затем болтаюсь в кафе еще некоторое время, читаю газеты или разговариваю с разными людьми — в основном с местными дельцами, которые заглядывают туда выпить чашку кофе. В ноябре, в День благодарения, я завтракал там как обычно. Я оказался почти в одиночестве, так как день был праздничный. Настроение у меня было премерзкое: Бюро решительно настаивало, чтобы я прекратил расследование и уехал из города. Видит Бог, я и сам был не прочь распрощаться с этим проклятым городишком! Мне страшно хотелось уехать. Но мысль о том, что я брошу дело и оставлю убийцу — сущее дьявольское отродье — плясать на всех этих могилах, вызывала у меня глубокое отвращение. Однажды, когда я думал об этом, меня даже стошнило. Честное слово!

И тут в кафе неожиданно зашла Аделаида Мейсон. Она направилась прямо к моему столику. Я встречал ее не раз, но мы никогда не общались. Она учительница, преподает в начальных классах. Живет здесь со своей овдовевшей сестрой Мэрили. Адди Мейсон сказала мне: "Мистер Пеппер, вы, наверное, не собираетесь провести весь День благодарения в "О'кей кафе"? Если у вас нет других планов, отчего бы вам не пообедать у нас дома с моей сестрой и со мной?" Адди женщина не из нервных, но, несмотря на приветливую улыбку, она казалась взволнованной. Я подумал тогда, что, быть может, она считает неудобным для незамужней женщины приглашать в дом малознакомого мужчину. Но прежде чем я успел ей ответить, она добавила: "Сказать по правде, мистер Пеппер, у меня к вам дело. Мне хотелось бы обсудить его с вами. И если вы придете, мы сможем это сделать во время обеда. Вас устроит — ровно в полдень?"

Никогда в жизни я не пробовал лучшей еды: вместо обычной индейки они подали диких голубей с салатом и отличное шампанское. За обедом Адди поддерживала живой, увлекательный разговор. Она вовсе не выглядела нервной, чего нельзя было сказать о ее сестре.

После обеда мы сидели в гостиной и пили кофе с бренди. Адди извинилась, вышла из комнаты, и, когда вернулась, в руках у нее был...

Т. К. Держу пари — гробик!

ДЖЕЙК. Она подала его мне и сказала: "Вот что я хотела бы обсудить с вами".

(Джейк выпустил изо рта с тонко очерченными губами кольцо дыма, за ним еще одно. Наступило молчание, нарушаемое лишь завыванием ветра, пытавшегося проникнуть в окно. Затем Джейк вздохнул.)

Ты проделал сегодня немалый путь. Может, пора и на покой?

Т. К. Ты что же, хочешь бросить меня здесь одного?

ДЖЕЙК (серьезно, но со своей загадочной лукавой усмешкой). Только до завтра. Думаю, что тебе надо услышать рассказ Адди из ее собственных уст. Пошли, я провожу тебя в твою комнату.

(Странно, но я свалился в постель как подкошенный. Я и в самом деле проделал большой путь, меня беспокоил гайморит и одолевала усталость. И все же через несколько минут я проснулся, а скорее — очутился в странном состоянии полусна-полубодрствования; в голове моей, как в подвешенном хрустальном ромбе, всё кружились по спирали одни и те же образы: голова человека среди листвы, окна машины, обрызганные ядом, змеиные глаза, сверкавшие во влажной духоте автомобиля, вырывающийся из-под земли огонь, обгоревшие кулаки, стучащие в дверь подвала, туго натянутая проволока, блестящая в сумерках, голова среди листьев, огонь и снова огонь, бесконечно растекающийся, как река... река... река... И тут зазвонил телефон.)

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Как ты там? Уж не собираешься ли проспать весь день?

Т. К. (в темной комнате со спущенными шторами, не понимая, где он находится и что с ним). Алло?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Это Джейк Пеппер. Помнишь такого подлюгу с подлыми голубыми глазами?

Т. К. А, Джейк! Сколько времени?

ДЖЕЙК. Начало двенадцатого. Адди Мейсон ждет нас у себя примерно через час. Отправляйся сейчас же под душ и одевайся потеплее. На улице идет снег.

(Шел густой снег. Его хлопья были настолько тяжелые, что не плыли по воздуху, а падали прямо на землю, покрывая ее пушистым слоем. Когда мы отъехали в машине Джейка от мотеля, он включил дворники. Главная улица, уныло-серая, запорошенная снегом, была пуста, и ее безжизненность оживляли лишь мерцавшие огни одиноких светофоров. Все вокруг было закрыто, даже "О'кей кафе". Нам невольно передалась тоскливая тишина снегопада — мы оба молчали. Но я чувствовал, что у Джейка прекрасное настроение, словно он ожидает чего-то очень приятного. Дышащее здоровьем лицо сияло, и от него исходил, пожалуй, слишком сильный аромат лосьона, употребляемого после бритья. Хотя волосы его были, как всегда, взлохмачены, одет он был тщательно, но совсем не так, как если бы собирался в церковь. Галстук красного цвета подходил бы к более парадному случаю. Не спешил ли он на свидание к любимой женщине? Такая мысль пришла мне в голову еще накануне вечером, когда я слышал, как он разговаривал с мисс Мейсон: его голос звучал по-особому, как-то очень интимно.

Но стоило мне увидеть Аделаиду Мейсон, и я выкинул эту мысль из головы. Как бы одинок ни был Джейк, как бы он ни скучал, женщина показалась мне слишком уж неинтересной. Таково, по крайней мере, было первое впечатление. Она выглядела немного моложе своей сестры Мэрили Коннор, которой было лет под пятьдесят; лицо у Адди, несмотря на его приветливость и любезность, было по-мужски тяжелое, и она поступала мудро, не пользуясь косметикой, которая лишь сильнее подчеркивала бы его мужеподобность. Больше всего привлекала в ней чистота: казалось, ее коротко остриженные каштановые волосы, ногти и кожа — все промыто свежим весенним дождем. Обе сестры родились в этом городе, где прожило четыре поколения их семьи, и Аделаида после окончания местного колледжа работала учительницей в школе; невольно напрашивался вопрос: почему она — при ее уме, характере и образованности — не попыталась найти более широкого поля для применения своих способностей, а остановилась на обучении шестилетних школьников. "Знаете, — сказала она мне, — я вполне счастлива. Я занимаюсь тем, что доставляет мне большое удовольствие. Обучать первоклассников, быть с детьми с самого начала школы — очень интересно. Ведь в первых классах мне приходится преподавать все предметы. В том числе учить детей хорошим манерам, а это так важно. Лишь немногие из моих учеников усваивают их дома".

Нескладный старый дом, который достался сестрам в наследство от родителей, своим теплым уютом, мягкими тонами красок и своеобразием обстановки явно отражал вкусы младшей сестры, так как миссис Коннор, будучи вполне приятной дамой, отнюдь не обладала взыскательным взглядом и воображением Аделаиды Мейсон.

Гостиная, выдержанная преимущественно в голубых и белых тонах, была полна цветущих комнатных растений; в ней стояла огромная викторианская клетка для птиц, в которой обитало с полдюжины певчих канареек. В столовой преобладало сочетание желтых, белых и зеленых тонов, светлый сосновый пол был натерт до зеркального блеска, в большом камине пылали поленья. Кулинарные способности мисс Мейсон даже превзошли хвалебные отзывы Джейка. Она накормила нас поразительно вкусным тушеным мясом, приготовленным по-ирландски, и превосходным пирогом с изюмом и яблоками; к обеду было подано также красное и белое сухое вино и шампанское. Муж миссис Коннор оставил ей приличное состояние.

За обедом мое первоначальное мнение о младшей из хозяек начало меняться. Да, безусловно, она и Джейк понимали друг друга с полуслова. И это выдавало интимность их отношений. Наблюдая за Адди пристальнее и оценивая ее глазами Джейка, я начал понимать причину его явного к ней влечения. Конечно, лицо ее ничего особенного собой не представляло, но плотно обтянутая серым трикотажным платьем фигура была действительно недурна, а держалась она так, будто была поразительно хорошо сложена и могла соперничать с самой соблазнительной кинозвездой. Покачивание бедер, плавные движения

пышного бюста, грудной голос и изящные жесты рук — все было удивительно привлекательно, удивительно женственно, но женственно в меру. Она влекла к себе своей манерой держаться так, будто была неотразима. При взгляде на эту женщину казалось, что за ее плечами множество необычайных любовных приключений, даже если на самом деле ничего подобного не было.

Когда обед закончился, Джейк посмотрел на Адди таким взглядом, словно тут же хотел увести ее в спальню: их чувства были столь же остры, как та стальная проволока, что отрезала голову Клему Андерсону. Однако Джейк просто достал сигару, а мисс Мейсон подошла, чтобы зажечь ее. Я рассмеялся.)

ДЖЕЙК. Ты что?

Т. К. Ну точь-в-точь как в романе Эдит Уортон "Дом радости". Там женщины постоянно зажигают мужчинам сигары.

МИССИС КОННОР (в защиту сестры). Здесь это вполне принято. Наша мать всегда зажигала отцу сигары, несмотря на то, что не терпела их запаха. Правда, Адди?

АДДИ. Да, Мэрили. Джейк, налить тебе еще кофе?

ДЖЕЙК. Сядь и посиди спокойно, Адди. Мне ничего больше не надо. Обед был великолепный, и тебе пора передохнуть. Адди, а как ты относишься к запаху сигар?

АДДИ (смущенно). Мне очень нравится запах хороших сигар. Если бы я курила, то только гитары.

ДЖЕЙК. Давай-ка вспомним о прошедшем Дне благодарения, когда мы сидели здесь так же, как сейчас.

АДДИ. И когда я показала тебе гробик?

ДЖЕЙК. Я хочу, чтобы ты все рассказала моему другу, как тогда рассказала мне.

МИССИС КОННОР (отодвигаясь вместе со стулом). О, прошу вас! Неужели нужно постоянно говорить об одном и том же? У меня от этого по ночам кошмары.

АДДИ (встав и обняв сестру за плечи). Хорошо, Мэрили, мы не будем говорить об этом. Мы перейдем в гостиную, а ты поиграешь нам на рояле.

МИССИС КОННОР. Это все так отвратительно. (Взглянув на меня.) Я уверена, вы подумаете, что я порядочная нюня. Да, так оно и есть. К тому же я слишком много выпила за обедом.

АДДИ. Дружочек, тебе бы следовало прилечь отдохнуть.

МИССИС КОННОР. Отдохнуть? Сколько раз я тебе говорила, что мне снятся кошмары. (Успокаиваясь.) Ну да, конечно. Мне надо отдохнуть. Извините меня.

(После ухода сестры Адди налила себе в бокал красного вина, подняла его, и вино заискрилось пурпуром в отблесках пламени камина. Ее карие глаза в свете полыхавшего в камине огня или свечей на столе меняли свою окраску, становясь по-кошачьи желтыми.

Чуть поодаль в клетке распевали канарейки, и снег, бивший в окна, как полощущаяся на ветру рваная кружевная занавеска, еще больше подчеркивал уют комнаты, тепло огня и красный цвет вина.)

АДДИ. Ну, так я расскажу о себе.

Мне сорок четыре года, но замужем я не была. Я дважды совершила кругосветное путешествие и часто во время летних каникул бываю в Европе. Но, сказать по правде, до этого года, точнее до прошедшего Дня благодарения, со мной не приключалось ничего особенного, если не считать того, что однажды разбушевавшийся пьяный матрос пытался изнасиловать меня на шведском грузовом судне. У нас с сестрой на почте есть свой абонентский бокс — здесь это называют ящик, — не потому, что мы получаем уйму корреспонденции, а потому, что подписываемся на много журналов. Одним словом, возвращаясь из школы домой, я зашла на почту и обнаружила в нашем ящике довольно большой, но очень легкий пакет. Он был обернут в старую мятую бумагу, которую, видно, до этого уже использовали, и перевязан старым шпагатом. Судя по штемпелю, отправитель пакета был местный. На бумаге четкими печатными буквами было выведено мое имя. Еще до того, как открыть пакет, я подумала, что это, должно быть, какая-нибудь ерунда. Вам,

конечно, уже известно о гробиках?

Т. К. Да, я видел один из них.

АДДИ А я тогда о них ничего не знала. Да и никто не знал. Джейк и его агенты держали это в тайне.

(Она взглянула на Джейка и, запрокинув голову, выпила одним глотком вино из бокала, — она сделала это удивительно изяшно, показав красивый изгиб шеи. Джейк бросил на нее ответный взгляд и пустил в ее сторону кольцо дыма; это плывущее по воздуху овальное кольцо, казалось, несло с собой любовное послание.)

Открыла я пакет только поздно вечером, так как, возвратясь домой, обнаружила сестру на полу около лестницы: она свалилась и растянула себе лодыжку. Я забыла о посылке и вспомнила о ней, только когда собралась лечь спать. Поначалу я решила, что она вполне может подождать до утра. Лучше бы я не изменила своего решения — по крайней мере, не провела бы бессонную ночь.

Потому что... Потому что я пережила потрясение. Однажды я получила поистине отвратительное анонимное письмо, оно особенно огорчило меня потому, что, между нами говоря, значительная часть того, о чем писал автор, была правдой. (Смеясь, она слова наполнила свой бокал.) На этот раз потрясение вызвал не сам гробик, а вложенная в него фотография. Снимок был сделан недавно: я стою на ступеньках у входа на почту. Это показалось мне гнусным вторжением в мою личную жизнь, похожим на кражу, — сфотографировать человека, когда он об этом даже не подозревает. Я вполне сочувствую тем африканцам, которые боятся фотографироваться, опасаясь, что фотограф может таким образом выкрасть их душу. Я была потрясена, но не напугана. Испугалась моя сестра. Когда я показала полученный мной подарок, она спросила: "Ты не думаешь, что это имеет какое-то отношение к другим случаям?" Под "другими случаями" она подразумевала то, что произошло в городе за последние пять лет: убийства, несчастные случаи, самоубийства — как хотите, разные люди называли это по-разному.

Я старалась забыть о посылке, отнеся ее к категории анонимных писем, но чем больше я думала, тем чаще мне в голову приходила мысль о том, что догадка моей сестры, возможно, верна. Посылку явно прислала не ревнивая женщина, полная злобного недоброжелательства. Это было дело рук мужчины. Мужчина смастерил этот гробик. Твердая мужская рука вывела на посылке мое имя. И все в целом было задумано как угроза. Но в связи с чем? Я подумала, может быть, мистер Пеппер знает. И я пошла к мистеру Пепперу. К Джейку. На самом-то деле я была увлечена им.

ДЖЕЙК. Продолжай-ка свой рассказ.

АДДИ. Хорошо. Я отправилась к нему с этой историей специально, чтобы вскружить ему голову.

ДЖЕЙК. Это же не так.

АДДИ (печально, глухим голосом, разительно отличающимся от беспечного щебетания канареек). Да, не так. Ибо к тому времени, когда я решила поговорить с Джейком, я пришла к заключению, что кто-то в самом деле собирается убить меня, и уже довольно ясно представила себе, кто именно, несмотря на то, что повод был невероятный. Я бы сказала — пустячный.

ДЖЕЙК. Он не кажется таким уж невероятным или пустячным. Особенно после того, как познакомишься с повадками этого чудовища.

АДДИ (не слушая его, ни к кому не обращаясь, будто читая таблицу умножения своим ученикам). Про жителей маленьких городков обычно говорят, что все они знают друг друга. Но я никогда не видела родителей некоторых моих учеников. Мимо меня по улицам ежедневно проходят люди, которых я совершенно не знаю. Я исповедую баптизм, и наш приход не слишком велик, но иных прихожан я вам не назову по имени, даже если приставите мне пистолет к виску.

Но я говорю об этом вот по какой причине: когда я стала вспоминать людей, которые скоростижно скончались, то вдруг обнаружила, что знаю их всех. За исключением пары из

Талсы, приехавшей в гости к Эду Бакстеру и его жене.

ДЖЕЙК. Хоганы.

АДДИ. Да. Но они-то не имели никакого отношения к делу. Посторонние люди, случайно попавшие в преисподнюю. В буквальном смысле этого слова. Это вовсе не означает, что кто-либо из остальных принадлежал к числу моих близких друзей — исключение, пожалуй, составляют только Клем и Эми Андерсон. Все их дети учились у меня.

Однако я знала также и других: Джорджа и Амелию Робертс, Бакстеров, доктора Парсонса. Знала довольно хорошо. В связи с одним делом... (Она устремила взгляд в бокал с вином, рассматривая мерцание рубинового напитка, подобно цыганке, гадающей на магическом кристалле или на зеркале.) В связи с рекой... (Она подняла бокал к губам и снова с поразительным изяществом осушила его.) Вы видели нашу реку? Еще нет? Да, конечно, сейчас для этого не лучшее время года. Но летом она хороша. Намного лучше всего остального, что здесь есть. Ее называют у нас Голубой рекой, и она действительно голубая. Это не голубизна Карибского моря, по тем не менее цвет очень чистый, а дно у реки песчаное, и есть тихие глубокие заводи для купания. Она берет начало в горах к северу от нас и течет по равнине мимо расположенных по берегам ранчо. Река здесь — основной источник орошения; у нее два притока, две речушки, которые называются — Большой и Малый Братцы.

Все неприятности начались именно из-за этих двух притоков. Многие владельцы ранчо, орошаемых их водами, считали, что русло Голубой реки надо немного отвести в сторону, с тем чтобы расширить притоки — Большого и Малого Братцев. Естественно, владельцы тех ранчо, земли которых орошаются водами Голубой реки, выступали против этого предложения. И резче всех возражал Боб Куинн, владелец ранчо Б.К., через которое протекает наиболее широкая и глубокая часть Голубой реки.

ДЖЕЙК (плюнув в огонь). Роберт Хоули Куинн, эсквайр..

АДДИ. Раздоры по поводу реки продолжались много лет. Все отлично понимали, что если даже расширение притоков нанесет ущерб Голубой реке — с точки зрения обилия ее вод и красоты пейзажа, — оно все равно будет справедливым и логичным. Но семье Куиннов и другим владельцам ранчо, расположенных по берегам Голубой реки, всегда удавалось различными способами помешать принятию каких-либо мер.

Однако особую остроту эта проблема приобрела после двух лет сильной засухи. Владельцы ранчо, дальнейшее существование которых целиком зависело от вод Большого и Малого Братцев, подняли невероятный гвалт. Засуха причинила им большой урон, они потеряли уйму скота и теперь во весь голос требовали свою долю вод Голубой реки.

В конце концов городской совет принял решение создать специальный комитет, чтобы тот разобрался в этом вопросе. Не знаю, по какому принципу выбирали членов комитета. У меня, во всяком случае, не было никаких особых оснований войти в него. Помню только, что мне позвонил старый судья Хэтфилд — он теперь в отставке и живет в Аризоне — и спросил, не соглашусь ли я поработать в комитете, вот и все. Первое заседание мы провели в январе семидесятого года в суде, в зале совещаний. Кроме меня в комитет вошли Клем Андерсон, Джордж и Амелия Робертс, доктор Парсонс, Бакстеры, Том Генри и Оливер Джейгер...

ДЖЕЙК (мне). Джейгер — начальник почты. Чокнутый малый.

АДДИ. Не такой уж чокнутый. Ты говоришь так, потому что...

ДЖЕЙК. Потому что он действительно чокнутый.

(Адди была явно смущена. Какое-то время она разглядывала свой бокал, потянувшись за бутылкой, чтобы налить себе вина, но, обнаружив, что бутылка пуста, извлекла из небольшой сумочки, лежавшей у нее на коленях, изящную серебряную коробочку, наполненную голубыми таблетками вапиума, и, проглотив одну из них, запила глотком воды. А Джейк еще убеждал меня, что Адди не из нервных!)

Т. К. А кто такой Том Генри?

ДЖЕЙК. Другой чудак. Пожалуй, еще чуднее, чем Оливер Джейгер. У него здесь заправочная станция.

АДДИ. Да, нас было девять человек. Мы заседали раз в неделю в течение двух месяцев. Обе стороны — те, кто был за, и те, кто был против проекта, — посылали в комитет представителей, чтобы изложить свои доводы. Многие владельцы ранчо приходили сами поговорить с нами и рассказать о своем положении.

Но среди них не было мистера Куинна. Нет, от Боба Куинна мы не услышали ни единого слова, хотя владелец ранчо Б.К. понес бы наибольший урон, если бы мы проголосовали за изменение русла "его" реки. Я объясняла это тем, что он занимает слишком высокое положение, слишком могуществен для того, чтобы возиться с нами — каким-то глупым, ничего не значащим комитетом. Боб Куинн ведет переговоры с самим губернатором, конгрессменами, сенаторами; он полагает, что все эти парни у него в кармане. И поэтому ему не важно, какое решение мы примем. Его высокопоставленные дружки все равно наложат на решение вето.

Однако дело обернулось иначе. Комитет проголосовал за то, чтобы отвести Голубую реку как раз в том месте, где она попадает во владения Куинна. Это, конечно, не означало, что он остался бы совсем без воды, нет, он просто перестал бы владеть той львиной ее долей, которая доставалась ему раньше.

Решение было бы принято единогласно, если бы Том Генри не выступил против. Ты прав, Джейк, Том Генри — чокнутый малый. Поэтому голоса разделились — восемь против одного. Наше решение получило широкую поддержку: оно никому не причиняло вреда, но было весьма полезно для многих, и политические дружки Куинна ничего не могли поделать — во всяком случае, если хотели остаться на своих постах.

Через несколько дней после того, как комитет принял решение, я столкнулась с Бобом Куинном на почте. Он с нарочитой любезностью приподнял шляпу и, улыбаясь, спросил меня о здоровье.

Я, разумеется, не думала, что он при встрече плюнет мне в лицо, но все же никогда раньше не видела с его стороны такой подчеркнутой вежливости. Нельзя было даже подумать, что он затаил злобу. Затаил злобу? Какое там — потерял рассудок!

Т. К. Как выглядит этот мистер Куинн?

ДЖЕЙК. Не говори ему!

АДДИ. Почему же?

ДЖЕЙК. Да так.

(Он подошел к камину и бросил остаток сигары в огонь. Повернувшись спиной к камину, он стоял, слегка расставив ноги и скрестив руки; я до сих пор не считал Джейка тщеславным, но тут он явно слегка позировал, стремясь выглядеть импозантнее, что ему вполне удалось. Я засмеялся.)

Ты что?

Т. К. А теперь ты как из романа Джейн Остин. В ее романах обольстительные мужчины всегда греют зады у камина.

АДДИ (смеясь). О, Джейк, это верно, верно!

ДЖЕЙК. Я не читаю дамской литературы. Никогда не читал и не буду читать.

АДДИ. Именно по этой причине я открою еще бутылку вина и выпью все сама.

(Джейк подошел к столу, сел рядом с Адди, взял ее руку в свою, их пальцы переплелись. Это произвело на нее чересчур явное действие: лицо ее вспыхнуло, по шее пошли красные пятна. Джейк же, казалось, не замечал ее, не замечал того, что делал. Он смотрел на меня так, словно в комнате, кроме нас, никого не было.)

ДЖЕЙК. Выслушав все это, ты, конечно, решил, что дело наконец распутано. Убийца — мистер Куинн.

Так думал и я. В прошлом году после того, как Адди рассказала мне то, что ты сейчас услышал, я вылетел из этой маленькой берлоги словно медведь, которого пчела укусила в задницу. Прямоком в столицу штата. Невзирая на День благодарения, мы созвали совещание

Бюро в полном составе. Я изложил все как по нотам: вот вам мотив преступления, вот вам парень, совершивший его. Никто из собравшихся не возразил, за исключением начальника, который сказал: "Полегче, Пеппер. Человек, которого вы обвиняете, не какая-нибудь там букашка. Да и где у вас состав преступления? Все построено на голых рассуждениях. На догадках". Все тут же с ним согласилось, заявив, что у меня нет никаких доказательств виновности Куинна.

Я так обозлился, что разорался па них: "Какого черта, вы думаете, я сюда явился? Нам надо объединить усилия и собрать необходимые доказательства. Я уверен, что это сделал Куинн". А шеф ответил: "Я был бы поосторожнее в выражениях, говоря об этом с другими. Бог мой, вы добьетесь того, что нас всех вышвырнут с работы".

АДДИ. На следующий день, когда Джейк вернулся сюда, я хотела сфотографировать его. Мне приходилось в силу моей профессии наказывать изрядное количество мальчишек, но ни один из них не выглядел таким несчастным, каким был в тот день Джейк.

ДЖЕЙК. Что и говорить, мне действительно было не очень-то весело.

Бюро, правда, в конечном счете поддержало меня, и мы начали выверять все факты из жизни Роберта Хоули Куинна с самого появления его на свет. Но нам приходилось действовать крайне осторожно. Шеф нервничал, как преступник в камере смертников. Я хотел получить ордер на обыск ранчо Б.К., имеющихся там домов, всего владения в целом. Шеф не разрешил. Он даже не позволил мне допросить этого человека.

Т. К. Знал ли Куинн, что вы подозреваете его?

ДЖЕЙК (фыркнув). Узнал тут же. Кто-то из канцелярии губернатора все ему выложил. Возможно, даже сам губернатор. Да и парни из нашего Бюро, наверное, тоже рассказали ему обо всем. Я никому не доверяю. Во всяком случае, тем, кто связан с этим делом.

АДДИ. Весь город узнал об этом с быстротой молнии...

ДЖЕЙК. Из-за Оливера Джейгера. И Тома Генри. Да и по моей вине. Поскольку оба они состояли в речном комитете, я полагал, что их следует ввести в курс дела, обсудить с ними действия Куинна и предупредить по поводу гробиков. Оба обещали мне, что будут держать все в секрете. Но, рассказав им о своих подозрениях, я мог бы с тем же успехом изложить их перед собранием городских жителей.

АДДИ. В школе один из учеников поднял руку и объявил: "Мой папа рассказывал маме, что кто-то послал вам гроб, какие бывают на кладбищах. Сказал, что это сделал мистер Куинн". Мне пришлось ответить ему: "Что ты, Бобби, твой папа просто шутит, рассказывает маме сказки".

ДЖЕЙК. Из тех, что распространял Оливер Джейгер! Этот негодяй оповестил буквально весь мир. И ты говоришь, что он не чокнутый?

АДДИ. Ты считаешь его чокнутым, потому что он именно так думает о тебе. Он и в самом деле полагает, что ты ошибаешься и преследуешь невинного человека. (Глядя на Джейка, но обращаясь ко мне.) Оливер никогда не вышел бы победителем в конкурсе на привлекательную внешность и сообразительность. Однако он вполне разумно мыслит — любит, правда, посплетничать, но человек добрый. Джейгер в родстве с семьей Куинна. Боб Куинн его троюродный брат. Вероятно, оттого-то он так рьяно и защищает Куинна. По мнению Оливера — а здесь это мнение разделяет большинство людей, — если даже и существует какая-то связь между решением комитета по поводу Голубой реки и случившимися в городе смертями, то почему указывать пальцем именно на Боба Куинна? Ведь он не единственный, у кого ранчо на берегу Голубой реки и кто мог бы затаить обиду. Почему не Уолтер Форбс? Или Джим Йоханссен. Или семья Тробги. Наконец, Миллеры. Райли. Почему именно Боб Куинн? По какой причине подозревать именно его?

ДЖЕЙК. Это сделал он.

АДДИ. Да, он. Мы знаем это. Но ты даже не можешь доказать, что гремучих змей купил он. Да если бы и мог...

ДЖЕЙК. Я охотно бы выпил виски.

АДДИ. Сейчас, сэр. А вам тоже?

ДЖЕЙК. (после того, как Адди вышла выполнить его просьбу). Она права. Мы не можем доказать, что змей купил он, несмотря на то, что нам это известно. Понимаешь, я с самого начала полагал, что змеи приобретены в одном из тех хозяйств, где их разводят ради яда, который продают в медицинские лаборатории. В основном этим занимаются во Флориде и Техасе, однако змеиные фермы разбросаны по всей стране. В последние годы мы разослали запросы большинству из них, но так и не получили ни одного ответа.

Однако в глубине души я чувствовал, что гремучие змеи из Техаса. Мое предположение было логично: к чему тащиться во Флориду, когда можно достать змей почти рядом? Как только Куинн оказался в центре расследования, я решил начать с дела о змеях, то есть именно с того дела, которому в свое время не придали должного значения, главным образом потому, что оно требовало дополнительных усилий и расходов на поездки. Когда же нашего шефа надо заставить выложить деньги — черт побери, легче разгрызть грецкий орех вставными зубами. Но я знаю одного парня — опытного следователя из Техасского бюро, которому я в свое время оказал кое-какие услуги. Я послал ему фотографии Куинна, те, что мне удалось раздобыть, а также фотографии гремучих змей — всех девяти, подвешенных на веревке после того, как мы прикончили их.

Т. К. Как же вы их убили?

ДЖЕЙК. Из дробовиков. Размозжили им головы.

Т. К. Я однажды убил гремучую змею. Садовой мотыгой.

ДЖЕЙК. Ну этих-то гадов ты не смог бы прикончить мотыгой. Даже всадить в них вилы. Самая маленькая из них была длиной в семь футов.

Т. К. Змей было девять. Столько же, сколько членов комитета, решавшего проблему Голубой реки. Довольно странное совпадение.

ДЖЕЙК. Билл, мой приятель из Техаса, — парень решительный. Он исколесил весь Техас вдоль и поперек, потратив почти весь свой отпуск на посещение ферм, где разводят змей, и разговоры с теми, кто этим занимается. Примерно месяц тому назад он позвонил мне и сказал, что, кажется, разыскал того, кто мне нужен, — техасскую мексиканку, владелицу змеиной фермы в Ногалесе по имени миссис Гарсиа. Это приблизительно в десяти часах езды отсюда. Если ехать на машине со скоростью девяносто миль в час. Билл обещал встретить меня на месте.

Адди поехала со мной. Мы добрались туда за ночь и позавтракали утром вместе с Биллом в гостинице "Холидэй". После завтрака мы посетили миссис Гарсиа. Некоторые змеиные фермы служат приманкой для любознательных туристов, но ее ферма выглядит иначе. Она стоит в стороне от автостреды и совсем небольшая: Однако змеи у миссис Гарсиа оказались весьма незаурядные. Пока мы находились у нее, она то и дело вытаскивала из клеток огромных гремучих змей, обворачивала их вокруг своей шеи или рук и при этом смеялась, показывая крепкие золотые зубы. Поначалу я принял ее за мужчину: у нее могучее телосложение Панчо Вильи и она носит бриджи с молнией впереди.

На одном глазу у нее катаракта, да и другим глазом она видит неважно. Но, тем не менее, она без колебаний опознала Куинна по фотографии. Сказала, что он был у нее на ферме не то в июне, не то в июле 1970 года (Робертсы погибли 5 сентября 1970 года) вместе с молодым мексиканцем. Они приезжали на небольшом грузовике с мексиканским номером. По ее словам, с Куинном она не беседовала, поскольку он не произнес ни слова, просто слушал, как с ней договаривается мексиканец. Сказала, что у нее нет привычки спрашивать покупателя, для каких целей он покупает ее товар, но мексиканец сам сообщил ей, что ему нужна дюжина больших гремучих змей для какого-то религиозного обряда. Это не вызвало у нее удивления — она привыкла к тому, что люди здесь часто покупают змей для ритуальных церемоний. При этом мексиканец спросил, может ли она гарантировать, что купленные им змеи сумеют напасть на быка весом в тысячу фунтов и убить его. Она ответила, что это вполне возможно в том случае, если змеям предварительно впрыснуть стимулирующее средство — амфетамин.

Она сама показала ему, как это делается, а Куинн стоял и наблюдал. Нам она тоже

показала: взяла шест, примерно в два раза длиннее кнутовища, гибкий, как ивовый прут, с кожаной петлей на конце; поймала в петлю змею, подняла ее в воздух и всадила в брюхо шприц. Потом дала мексиканцу потренироваться — у него все прекрасно получилось.

Т. К. Видела ли она этого мексиканца раньше?

ДЖЕЙК. Нет... Я попросил миссис Гарсиа описать его, но, по ее словам, он напоминал обычного молодого мексиканца от двадцати до тридцати лет из любого пограничного городка. Он расплатился с хозяйкой, она упаковала змей в отдельные контейнеры, и покупатели уехали.

Миссис Гарсиа была очень любезна, более того — услужлива. До тех пор, пока мы не спросили ее о самом главном: готова ли она дать нам письменное показание под присягой, что один из двух людей, купивших у нее змей летом тысяча девятьсот семидесятого года, был Роберт Хоули Куинн. Тут ее любезность как рукой сняло. Ответила, что ничего подобного она не подпишет.

Я объяснил ей, что эти змеи были использованы для убийства двух людей. Видели бы вы ее лицо! Она вошла в дом, заперла дверь на замок и опустила ставни на окнах.

Т. К. Ее письменные показания... Они не имели бы достаточного юридического веса.

ДЖЕЙК. Их все же можно было бы предъявить Куинну хотя бы для того, чтобы начать следствие. Скорее всего, змей в машину Робертсов подложил мексиканец; Куинн, конечно, нанял его именно для этой цели. Но знаете? Держу пари, что мексиканца уже нет в живых. Похоронен где-нибудь в пустынной прерии. Не без участия мистера Куинна.

Т. К. Но в биографии Куинна обязательно должно быть что-нибудь, свидетельствующее о том, что он склонен к патологической жестокости!

ДЖЕЙК (кивает утвердительно). Этот джентльмен прекрасно знаком с убийством.

(Адди принесла виски. Он поблагодарил ее и поцеловал в щеку. Она села рядом с ним, и снова их руки встретились, пальцы переплелись.)

В здешних краях Куинны — одна из старейших семей. Боб Куинн — старший из трех братьев. Ранчо Б.К. принадлежит им всем, но подлинный хозяин — Боб.

АДДИ. Нет, владелица ранчо — его жена. Он женился на своей кузине Хуаните Куинн. Мать у нее была испанка, и у Хуаниты темперамент горячей кобылки. Их первый ребенок скончался при рождении, и она не пожелала больше иметь детей. Однако всем известно, что у Боба Куинна есть дети. От другой женщины, в другом городе.

ДЖЕЙК. Он отличился во время войны. Был полковником в морской пехоте. Люди утверждают — хотя сам Куинн никогда об этом не говорит, — что он собственноручно истребил больше японцев, чем атомная бомба, сброшенная на Хиросиму.

Но и вскоре после войны он прикончил кое-кого, хотя и не в столь патриотических целях. Однажды поздно вечером он вызвал на свое ранчо шерифа, чтобы тот забрал два трупа. Он утверждал, что поймал двух парней за кражей скота и застрелил на месте. Это была его версия, и никто не стал ее оспаривать, но всяком случае публично. Однако на самом деле эти парни были не конокрады, а картежники из Денвера. Они специально приехали к Куинну за обещанным долгом, но вместо денег получили заряд в спину.

Т. К. А ты его спрашивал об этом?

ДЖЕЙК. Кого?

Т. К. Куинна.

ДЖЕЙК. Не спрашивал. Строго говоря, я его прямо о деле никогда не спрашивал.

(Губы Джейка искривила циничная усмешка. Он позвенел льдом в стакане, отпил немного виски и хрипло откашлялся, словно горло ему забила мокрота.)

В последнее время я беседовал с ним подолгу. А в первые пять лет не встречался ни разу. Только видел его издали и знал, кто он такой.

АДДИ. Зато сейчас они неразлучны, как два закадычных приятеля.

ДЖЕЙК. Адди.

АДДИ. Что ты, Джейк! Я ведь только шучу.

ДЖЕЙК. Тут не до шуток. Для меня это настоящая пытка.

АДДИ (сжав его руку). Я знаю. Прости, пожалуйста.

(Джейк осушил стакан и со стуком опустил его на стол.)

ДЖЕЙК. Пытка — смотреть на него, слушать его, смеяться над его шутками. Я не терплю его. Он тоже не терпит меня. И мы оба это знаем.

АДДИ. Дай-ка я тебе налью еще немного виски.

ДЖЕЙК. Сиди спокойно.

АДДИ. Пожалуй, надо взглянуть, как там Мэрили. Все ли в порядке.

ДЖЕЙК. Сиди спокойно.

(Но Адди хотелось уйти из комнаты, ей было неловко оттого, что Джейк злится и глухая злоба искажает его черты.)

АДДИ (выглядывая из окна). Снег больше не идет.

ДЖЕЙК. В "О'кей кафе" по утрам в понедельник многолюдно. После выходных дней все заглядывают туда, чтобы узнать, нет ли каких-либо новостей. Владельцы ранчо, дельцы, шериф со своей бандой, служащие суда. Но в понедельник после того Дня благодарения там было особенно много народу. Сидели даже друг у друга на коленях и галдели как на базаре.

Легко догадаться, о чем они болтали. Еще бы: Том Генри и Оливер Джейгер потратили всю субботу и воскресенье, чтобы распусть слух о том, что Джейк Пеппер, парень из Бюро расследований, обвиняет Боба Куинна в убийстве. Я сидел за своим столиком и делал вид, будто ничего не замечаю. Но, конечно, заметил: когда вошел сам Боб Куинн, в кафе все замерли.

Он протиснулся к столику, где сидел шериф, шериф обхватил его за плечи, рассмеялся и выкрикнул ковбойское приветствие. Большинство из присутствующих громко вторило ему: "Эй, Боб! Привет, Боб!" Да, сэр, посетители, находившиеся в "О'кей кафе", все как один были за Боба Куинна. И я тут же почувствовал, что, если даже сумею неопровержимо доказать, что этот человек совершил несколько убийств, толпа все равно линчует меня еще до того, как я арестую его.

АДДИ (прижимая ладонь ко лбу, словно у нее болела голова). Он прав. На стороне Боба Куинна весь город. Вот почему моя сестра не любит, когда мы говорим об этом. Она говорит, что Джейк ошибается и что мистер Куинн — прекрасный человек. По ее мнению, убийства совершал доктор Парсонс и по этой причине покончил с собой.

Т. К. Но доктора Парсонса давно не было в живых, когда вы получили свой гробик.

ДЖЕЙК. Мэрили — милая, но не очень сообразительная женщина.

(Адди сняла свою руку с руки Джейка, как бы осуждая его за сказанное, не слишком, правда, сурово. Джейк встал из-за стола и стал ходить по комнате. Звук его шагов по полированному сосновому полу гулко отдавался в тишине.)

Итак, вернемся к "О'кей кафе". Когда я собрался уходить, шериф схватил меня за руку. Типичный самонадеянный болван из ирландцев. Мерзкий, как само дьявольское отродье. Говорит мне: "Эй, Джейк. Познакомься с Бобом Куинном. Боб, это — Джейк Пеппер из Бюро расследований". Я подал руку Куинну. Куинн сказал мне: "Я много о вас слышал и знаю, что вы играете в шахматы. А мне трудно найти себе партнера. Как насчет того, чтобы сыграть?" Я ответил, что не возражаю, и тогда он спросил: "Завтра подойдет? Приходите около пяти. Мы выльем по стаканчику и сыграем пару партий".

Вот с этого и началось. На следующий день я отправился на ранчо Б.К. Мы проиграли часа два подряд. Куинн играет лучше меня, но мне все же удалось несколько раз выиграть, поэтому игра была довольно острой. Он большой любитель поболтать. Говорит о чем угодно — о политике, женщинах, сексе, ловле форелей, пищеварении, о своей поездке в Россию, о скоте и пшенице, о том, что лучше джин или водка, о Джонни Карсоне, о сафари в Африке, о религии, Библии, Шекспире, о гениальности генерала Макартура, об охоте на медведей, о проститутках в Рено и Лас-Вегасе, о бирже, о венерических болезнях, о смертной казни (он — за нее), о футболе, бейсболе, баскетболе — словом, обо всем на свете. Обо всем, кроме причины, по которой я нахожусь в этом городе.

Т. К. То есть он не хочет говорить о расследуемом деле?

ДЖЕЙК (перестав ходить по комнате). Не то что не хочет, а просто ведет себя так, словно оно не существует. Я показал ему фотографии Клема Андерсона. Думал, что прошибу его и он что-нибудь да скажет. Хоть как-то отреагирует. Но он тут же уткнулся в шахматную доску, сделал ход и отпустил какую-то мерзкую шутку.

Итак, мистер Куинн и я ведем эту двойную игру вот уже несколько месяцев. Сегодня попозже я тоже еду к нему. И ты (указав пальцем на меня) поедешь со мной.

Т. К. А примут меня там?

ДЖЕЙК. Я сказал ему о тебе сегодня утром по телефону. Он спросил только одно: играешь ли ты в шахматы?

Т. К. Играть-то играю, но предпочел бы поглядеть, как играете вы.

(В камине свалилось горящее полено, и, привлеченный его треском, я уставился на огонь, думая о том, отчего Джейк не дал Адди описать внешность Куинна, рассказать, как тот выглядит. Я старался представить его себе, но не получалось. На ум приходил отрывок из Марка Твена, что прочитал мне Джейк: "Из всех существ, которые были созданы, человек — самое отвратительное... ему одному свойственна злоба... из всех созданий на земле он один обладает подлым умом". Голос Адди вывел меня из тягостного раздумья.)

АДДИ. О боже, опять идет снег. Правда, совсем небольшой. Снежинки как будто плавают в воздухе. (За-тем, словно возобновление снегопада навело ее на мысли о смерти и быстротечности времени.) Вы знаете, прошло уже почти пять месяцев. Слишком большой для него срок. Обычно он так долго не ждет.

ДЖЕЙК (взволнованно). Адди, о чем ты?

АДДИ. Мой гробик. Вот уже почти пять месяцев, как я его получила. Я говорю, что он обычно так долго не ждет.

ДЖЕЙК. Адди, но я же здесь. С тобой ничего не случится.

АДДИ. Да, Джейк, конечно. Я думаю об Оливере Джейгере. Интересно, когда он получит свой гробик. Только представьте себе: Оливер — начальник почтамта. Начнет сортировать полученную почту и... (Ее голос вдруг сильно задрожал: звучащую в нем взволнованную грусть еще острее подчеркивало беспечно-веселое пение канареек.) Но это произойдет не так скоро.

Т. К. Почему же?

АДДИ. Сначала Куинн заполнит мой гроб.

Мы уехали от Адди в шестом часу. Ветер стих, снег больше не шел, воздух был окрашен янтарным отблеском заката и бледным сиянием восходившей луны. Полная луна поднималась вверх по небу, точно круглое белое колесо или белая безликая маска, угрожающе заглядывающая к нам в стекла машины. В конце Главной улицы, там, где город переходит в прерию, Джейк указал мне на заправочную станцию: "Вот эта и принадлежит Тому Генри. Том Генри, Адди и Оливер Джейгер — их осталось только трое из всех членов речного комитета. Я говорил тебе, что Том Генри чудак, которому везет. Проголосовал против всех остальных. Его оставят в покое. Том Генри гробика не получит".

Т. К. "Гроб для Димитриоса".

ДЖЕЙК. О чем ты?

Т. К. Это книга Эрика Эмблера. Увлекательный детективный роман.

ДЖЕЙК. Роман? (Я утвердительно кивнул, и он состроил гримасу.) И ты читаешь такую чушь?

Т. К. Грэм Грин был первоклассный писатель, пока не попал в сети Ватикана. После этого он уже не создал ничего равного своему "Брайтонскому утесу". Мне нравится Агата Кристи, я люблю ее книги. И Рэймонд Чэндлер — отличный стилист, настоящий поэт. Даже если сюжеты у него никудышные.

ДЖЕЙК. Чушь. Все они пустые фантазеры, садятся за пишущую машинку и стучат, что бог на душу положит, — вот и все.

Т. К. Значит, Том Генри не получит гробика. А как насчет Оливера Джейгера?

ДЖЕЙК. Тот-то получит. Однажды утром, когда он будет снова по почте, опорожня мешки с поступившей почтой, он найдет в одном из них коричневую картонку с собственным именем. Неважно, что он приходится троюродным братом Бобу Куинну, неважно и то, что он поет ему осанну. Преподобный Боб не подумает пощадить Джейгера за то, что тот его славословит. Насколько я знаю преподобного Боба, от него этого не дождешься. Скорее всего он уже поработал своим острым ножичком, сделал знакомую маленькую безделицу и засунул туда снимок Оливера Джейгера...

(Голос Джейка дрогнул, он замолчал, а нога его непроизвольно нажала на тормоз: машину занесло, она дернулась в сторону, но выровнялась, — и мы поехали дальше. Я понял, в чем дело. Он, как и я, вспомнил патетическую фразу Адди: "...сначала Куинн заполнит мой гроб". Я попытался придержать язык, но он отказывался мне повиноваться.)

Т. К. Но это значит...

ДЖЕЙК. Включи-ка лучше фары.

Т. К. Это значит, что сначала умрет Адди.

ДЖЕЙК. Черт побери, нет! Я знал, что ты это скажешь! (Он ударил ладонью по рулю.) Я окружил ее плотной стеной. Дал ей тридцативосьмикалиберный револьвер, которым пользуются детективы, и научил стрелять. Ей ничего не стоит всадить пулю между глаз с расстояния в сто ярдов. Она обучилась каратэ и может расколоть доску ребром ладони. Адди умна, ее не очень-то проведешь. И к тому же здесь я. Я слежу за ней. Слежу и за Куинном. И другие агенты тоже.

(Сильные эмоции, как, например, страх, граничащий с ужасом, могут поколебать логику даже таких трезвомыслящих людей, как Джейк Пеппер, чьи меры предосторожности не спасли Клема Апдерсона. Я не собирался спорить с ним по этому вопросу, по крайней мере теперь, когда им владело безрассудство, но почему он, считая, что Оливер Джейгер обречен, был так уверен, что Адди в безопасности и с ней ничего не случится? Ведь если Куинн, останется верен своему плану, он непременно уберет со сцены Адди, отправит ее на тот свет, прежде чем приступит к выполнению заключительной части своего замысла — пошлет гробик начальнику местной почты, своему троюродному брату и стойкому защитнику.)

Т. К. Я слышал, что Адди совершила кругосветное путешествие. Думаю, что сейчас самое время снова его повторить.

ДЖЕЙК (резко). Она не может уехать отсюда. Во всяком случае сейчас.

Т. К. Вот как? Но она вовсе не похожа на человека, желающего покончить с собой.

ДЖЕЙК. Ты понимаешь, во-первых, у нее школа, а занятия там кончаются только в июне.

Т. К. Бог мой, Джейк! Как ты можешь говорить о занятиях?

(Несмотря на спустившиеся сумерки, я различил смущение на его лице, но он тут же крепко сжал челюсти.)

ДЖЕЙК. Мы уже обсуждали этот вопрос. Говорили, что она могла бы отправиться вместе с Мэрили в морской круиз. Но она не хочет никуда ехать. Говорит: "Акуле нужна приманка. Акулу без приманки не поймает".

Т. К. Значит, Адди служит приманкой. Как овца, которая ждет, когда на нее набросится тигр.

ДЖЕЙК. Поосторожней. Мне не очень-то нравится твое сравнение.

Т. К. А как бы ты сам это назвал?

ДЖЕЙК (молчит).

Т. К. (молчит).

ДЖЕЙК. Куинн, конечно, не забыл об Адди. Он собирается исполнить свое обещание. И вот, когда он предпримет попытку, мы и пристукнем его. Поймаем прямо на сцене при свете прожекторов. Конечно, есть некоторый риск, но его не избежать. Ведь понимаешь, если сказать по правде, это — единственный шанс поймать его.

(Я прислонился головой к стеклу; в памяти возникла красивая шея Адди в то мгновение, когда она, запрокинув голову, одним глотком выпила ослепительно игравшее в свете огня красное вино. Мне стало не по себе, и я почувствовал неприязнь к Джейку.)

Т. К. Мне нравится Адди. Она настоящий человек, одно только непонятно: отчего она так и не вышла замуж?

ДЖЕЙК. Можешь не волноваться по этому поводу.

Адди выходит замуж за меня.

Т. К. (по-прежнему уйдя в свои мысли, вспоминая, как Адди пила вино). Когда?

ДЖЕЙК. Летом, когда получу отпуск. Мы никому об этом не говорили. Кроме Мэрили. Поэтому, понимаешь, Адди в безопасности. Я не допущу, чтобы с ней что-нибудь случилось: я люблю ее и собираюсь на ней жениться.

(Летом... до лета — целая вечность. Белая полная луна плыла высоко в небе над покрытыми искрящимся снегом прериями. Выли койоты. В холодных заснеженных полях коровы в поисках тепла тесно жались друг к другу. Иногда животные держались парами. Я обратил внимание на двух пятнистых телят, стоявших бок о бок, словно каждый из них заботливо оберегал другого, как Джейк и Адди.)

Т. К. Ну что ж, поздравляю! Прекрасно. Я уверен, что вы будете счастливы.

Вскоре показалась высокая, обнесенная колючей проволокой ограда, похожая на ограду концентрационного лагеря. Она шла по обеим сторонам шоссе, а за ней лежало ранчо Б.К., простиравшееся примерно на десять тысяч акров. Я опустил стекло, и в машину ворвался ледяной ветер, остро пахнуло свежим снегом и старым слежавшимся сеном.

— Нам сюда, — сказал Джейк, когда мы, свернув с шоссе, въезжали в широко распахнутые деревянные ворота. У входа свет фар упал на красиво вычерченную надпись: "Б.К. Владелец ранчо Р. Х. Куинн". Под именем владельца была изображена пара скрещенных томагавков — не ясно, то ли эмблема ранчо, то ли семейный герб. В любом случае зловещая пара томагавков выглядела вполне подходяще.

Узкая дорога, по обеим сторонам которой стояли голые деревья, была не освещена; лишь изредка в темноте сверкали глаза животных. Мы переехали через деревянный мост, загромыхавший под тяжестью машины, и я услышал шум воды, глухое журчание потока и сообразил, что это и есть Голубая река, но я не видел ее: она была скрыта деревьями и снежными сугробами; мы ехали дальше, и нас сопровождал шум воды, так как река — то зловеще-безмолвная, то вдруг разрывавшая тишину грохотом водопада — протекала вдоль дороги.

Дорога стала шире. Теперь сквозь ветки деревьев проникали лучи электрического света. Красивый мальчик со светлыми развевающимися волосами, верхом на лошади без седла, помахал нам рукой. Мы проехали мимо небольших одноэтажных домишек, освещенных изнутри и гудящих разноголосицей телевизионных передач, — то были дома работников. Впереди, в отдалении, стоял особняк мистера Куинна. Это было большое деревянное белое двухэтажное здание, во всю длину которого тянулась застекленная веранда. Дом казался пустым, так как окна в нем были темные.

Джейк нажал на клаксон. И тотчас же в ответ, словно грянули приветственные фанфары, яркий поток света залил веранду и в окнах нижнего этажа засветились лампы. Парадная дверь открылась, из дома вышел человек и стал у входа в ожидании нас.

Джейк представил меня владельцу ранчо Б.К., и я так и не понял, отчего мой приятель не захотел, чтобы Адди описала мне Куинна. Хотя хозяин ранчо не принадлежал к числу тех, кого просто не замечают, во внешности его не было ничего особенного, и все же вид его поразил меня: я знал мистера Куинна. Я мог поклясться всеми святыми, что когда-то, безусловно очень давно, уже встречался с Робертом Хоули Куинном и мы вместе принимали участие в какой-то страшной истории, настолько неприятной, что судьбе было угодно вычеркнуть ее из моей памяти.

Он носил дорогие сапоги на довольно высоком каблуке, но даже и без них этот человек

был ростом более шести футов, и если бы он держался прямо, не сутулясь и не пригибая плечи, то его высокая фигура казалась бы красивой. У него были длинные обезьяньи руки, спускавшиеся до колен, и длинные, гибкие, до странности аристократические пальцы. Я вспомнил, как когда-то был на концерте Рахманинова. Руки Куинна походили на руки Рахманинова. У Куинна было широкое, но исхудалое лицо со впалыми, загрубевшими от ветра щеками, оно напоминало лицо идущего за плугом средневекового земледельца, на плечи которого обрушились все беды мира. Только Куинн вовсе не выглядел тупым крестьянином, обремененным непосильным грузом забот. Он носил очки в тонкой металлической оправе, и эти профессорские очки и светящиеся за толстыми стеклами серые глаза выдавали его: глаза — подозрительные, умные, хитро-озорные — были начеку и говорили о самодовольной убежденности их владельца в превосходстве над другими людьми. Голос и смех его звучали приветливо, притворно-радушно. Но он не был притворщиком. Перед нами был человек, одержимый идеей, устремленный к достижению цели, человек, поставивший перед собой задачу, которая превратилась для него в крест, в религию, стала неотъемлемой частью его самого. Нет, это был не притворщик, а фанатик, и внезапно, пока все мы еще стояли на веранде, в моей памяти всплыло, где и при каких обстоятельствах я видел раньше мистера Куинна.

Он протянул длинную руку Джейку, а другой провел по взлохмаченной, убеленной сединой гриве, которую носил на манер американских пионеров, — она была для него слишком длинной: подобные ему владельцы ранчо выглядят обычно так, словно они стригутся и моют голову у парикмахера каждую субботу. Из ноздрей и ушей у него торчали пучки седых волос. Я заметил пряжку на его ремне: на ней были изображены два скрещенных томагавка, покрытых позолотой и красной эмалью.

КУИНН. Привет, Джейк. А я уже сказал Хуаните: "Знаешь, милочка, этот негодяй, видно, перепугался снегопада и не придет".

ДЖЕЙК. И это вы называете снегопадом?

КУИНН. Да я так, шучу, Джейк. (Обращаясь ко мне.) Видели бы вы, какой у нас иногда выпадает снег! В пятьдесят втором году я целую неделю выбирался из дому только через чердачное окно. Потерял семьсот голов скота. И все — из породы "Санта Гертруда". Ха-ха. Вот это было времечко. Ну как, сэр, вы играете в шахматы?

Т. К. Примерно так же, как говорю по-французски. Un peu²⁰.

КУИНН (похохатывая и хлопая себя по ляжкам с притворной радостью). Знаем мы вас. Явился городской умник разделить нас, деревенских парней, под орех. Держу пари, вы можете обыграть и меня и Джейка одновременно, да еще вслепую.

(Мы прошли с ним по широкому коридору с высоким потолком в огромную комнату, напоминавшую собор, с громоздкой, тяжелой испанской мебелью — шкафы, стулья, столы и зеркала в стиле барокко своими размерами были под стать помещению. Пол был выложен мексиканской плиткой кирпичного цвета и устлан небольшими индейскими коврами. Одна из стен была сложена из необработанных гранитных блоков и напоминала стену пещеры; в стене находился камин таких огромных размеров, что в нем легко можно было зажарить пару быков, поэтому уютно потрескивающий в нем огонь казался таким же неприметным, как ветка в лесу.

Однако сидевшую у огня женщину нельзя было назвать неприметной. Куинн представил ее мне: "Моя жена Хуанита". Она кивнула, однако не оторвалась от экрана стоявшего перед ней телевизора, он работал с выключенным звуком, и она смотрела на дурацкое дерганье безмолвных фигур в какой-то шумной телевизионной викторине. Кресло, в котором она устроилась, в свое время смело могло украсить тронный зал какого-нибудь иберийского замка, на коленях у нее лежала желтая гитара, а рядом с хозяйкой — дрожащая

²⁰ Немного (фр.).

крохотная собачонка мексиканской породы чихуахуа.

Джейк и хозяин дома уселись за столик с великолепным комплектом шахматных фигур из черного дерева и слоновой кости. Я последил за началом игры, прислушался к их легкой болтовне и поразился: Адди была права — они действительно походили на двух приятелей, двух закадычных друзей. Потом я снова отошел к камину, желая получше рассмотреть сидевшую там Хуаниту. Я присел возле нее на каменной плите у камина и стал мысленно подыскивать тему для разговора. Поговорить о гитаре? Или о дрожащей собачонке, ревниво лающей на меня?)

ХУАНИТА КУИНН. Пепе! Глупая букашка!

Т. К. Не беспокойтесь, я люблю собак.

(Она взглянула на меня. Ее прямые, неестественно черные волосы, разделенные пробором посередине, плотно прилегали к узкому черепу. У Хуаниты было маленькое, с кулачок, лицо с мелкими, близко посаженными чертами. И все же голова выглядела чрезмерно крупной по сравнению с туловищем. Она не была полной женщиной, но имевшийся у нее лишний вес отложился в одном месте — в области желудка. У Хуаниты были красивые, стройные ноги, обутые в индейские мокасины, искусно расшитые бисером. Букашка снова залаяла, но на этот раз хозяйка не обратила на нее никакого внимания. Она снова уткнулась в телевизор.)

Интересно, отчего вы смотрите передачу, выключив звук?

(Ее скучающие глаза, напоминавшие тусклый оникс, снова обратились ко мне. Я повторил вопрос.)

ХУАНИТА КУИНН. Вы любите текилу?

Т. К. Я знаю маленький кабачок в Палм-Спрингс, где делают великолепный коктейль с текилой.

ХУАНИТА КУИНН. Настоящий мужчина пьет ее в чистом виде. Без лимонного сока. Без соли. Хотите выпить?

Т.К. С удовольствием.

ХУАНИТА КУИНН. Я тоже. Но у нас текилы нет. Мы ее не держим. Иначе я бы все время пила, совсем разрушила печень и...

(Она щелкнула пальцами, желая изобразить ожидавший ее конец. Затем взяла в руки желтую гитару, ударила по струнам и заиграла какую-то довольно сложную незнакомую мелодию, с явным удовольствием мурлыча ее себе под нос. Она закончила петь, и лицо ее снова сжалось я кулачок.)

Раньше я пила каждый вечер. Каждый вечер — по бутылке текилы перед сном и спала как младенец. И никогда не болела, прекрасно выглядела и отлично себя чувствовала. А теперь все иначе. Без конца простуды, головные боли, артрит, совсем пропал сон. И все из-за того, что доктор запретил пить текилу. Но не судите слишком поспешно. Я вовсе не пьяница. Можете преспокойно вылить все вина и виски мира в Большой каньон. Я люблю только текилу. И больше всего — темно-желтого цвета. (Она указала на телевизор.) Вы спрашиваете, отчего я выключила звук? Я включаю его только для того, чтобы послушать сообщение о погоде. А остальное просто смотрю и стараюсь представить себе, о чем там говорят. Когда я слушаю, меня тут же клонит ко сну. А когда стараюсь догадаться, о чем идет речь, то спать не хочется. Мне нельзя засыпать, по крайней мере до полуночи. Иначе совсем не сомкну глаз. Где вы живете?

Т. К. В основном в Нью-Йорке.

ХУАНИТА КУИНН. Мы обычно ездили в Нью-Йорк каждый год или раз в два года. Останавливались в "Рейнбау рум" — там теперь обзорная площадка панорамы Нью-Йорка. Но поездки туда стали неинтересны, да и вообще меня ничто уже больше не привлекает. Муж говорит, что вы старый друг Джейка Пеппера.

Т. К. Да, знаком с ним вот уже десять лет.

ХУАНИТА КУИНН. Отчего он думает, что мой муж связан с той историей?

Т. К. С какой историей?

ХУАНИТА КУИНН (с удивлением). Вы должны были слышать о ней. Так почему же Джейк Пеппер думает, что мой муж в ней замешан?

Т. К. Разве Джейк думает, что ваш муж замешан?

ХУАНИТА КУИНН. Так говорят. Мне сказала сестра...

Т. К. А что думаете вы сами?

ХУАНИТА КУИНН (приподняв свою собачонку и прижав ее к груди). Мне жалко Джейка. Он, наверное, очень одинок. И, конечно, заблуждается, ничего здесь нет. Лучше бы забыть обо всем. А ему — уехать домой. (Закрыв глаза, страшно усталым голосом.) А вообще-то кто знает? Да и кто станет тревожиться? Во всяком случае, не я, "Нет, не я, нет, не я", — молвит кролику змея.

Позади нас за шахматным столиком возникло какое-то оживление. Куинн, празднуя свою победу над Джейком, громко похвалялся: "Этот сукин сын думал, что расставил мне здесь ловушку, но после хода ферзем великий Пеппер сам сел в галашу! — Его хриплый баритон раскатисто звучал под сводами комнаты, словно голос оперного певца. — Теперь ваша очередь, молодой человек, — позвал он меня. — Я хочу сыграть по-настоящему, как равный с равным. Старик Пеппер мне и в подметки не годится". Я принялся отказываться, так как перспектива игры с Куинном отнюдь не вдохновляла меня, представляясь утомительно-скучной. Я, наверное, относился бы к ней иначе, если бы был уверен, что смогу выиграть — успешно разбить этот оплот самомнения. Однажды в подготовительной школе я вышел победителем на шахматном чемпионате, но с тех пор прошла целая вечность, и мои познания в шахматной игре давно перекочевали в запасники мозга. И все же, когда Джейк подозвал меня и уступил свое место, я не отказался и, оставив Хуаниту Куинн у безмолвно мерцавшего экрана, уселся напротив ее мужа. Джейк встал позади меня — его присутствие действовало ободряюще. Однако Куинн, почувствовав неуверенность и нерешительность моих первых ходов, списал меня со счета как слабого противника и возобновил с Джейком ранее начатый разговор, судя по всему, о фотоаппаратах и фотографии.

КУИНН. Очень хороши "крауты". Я всегда работал с камерами "краут", "лейками", "роллефлексами". Но японцы утерли нос всем. Сейчас вот купил новый японский аппарат — размером с колоду карт, он делает до пятисот снимков на одной пленке.

Т. К. Я знаю этот аппарат. Мне приходилось иметь дело со многими фотографами, и я видел, как они работали с ним. Такой аппарат есть у Ричарда Ааведона. По его словам, он ничего собой не представляет.

КУИНН. По правде говоря, я еще не испытал свой. Надеюсь, что ваш приятель ошибается. Я выложил за эту штуку столько денег, что мог бы вполне купить призового быка.

(Я вдруг почувствовал, как пальцы Джейка сжали мое плечо, и понял, он хочет, чтобы я продолжил разговор на эту тему.)

Т. К. Что, фотография — ваше хобби?

КУИНН. Да смотря по настроению. Все началось с того, что мне надоело платить так называемым профессиональным фотографам за снимки моего призового скота. Снимки эти мне нужны для того, чтобы рассылать их различным скотоводам и покупателям. Я решил, что могу их делать сам ничуть не хуже, чем фотографы, да еще и экономить на этом денежки.

(Пальцы Джейка понуждали меня продолжать разговор.)

Т. К. А портретов вы делали много?

КУИНН. Каких портретов?

Т. К. Портретов людей.

КУИНН (с усмешкой). Я не назвал бы это портретами. Так, обычные снимки. Помимо скота я в основном фотографирую природу. Пейзажи. Грозы. Разные времена года здесь, на ферме. Пшеницу, когда она зеленеет, и позже, когда колосья наливаются золотом. Мою реку — у меня есть роскошные снимки половодья на моей реке.

(Река. Я насторожился, услышав, как Джейк откашлялся, словно хотел заговорить, но

вместо этого его пальцы еще настойчивее понукали меня продолжать. Я поиграл пешкой, мешкая с ходом.)

Т. К. В таком случае вы делаете много цветных фотографий?

КУИНН (кивая). Да, и по этой причине сам проявляю. Если отсылаешь снимки в лабораторию, никогда не знаешь, что получишь обратно.

Т. К. Значит, у вас есть собственная фотолаборатория?

КУИНН. Если ее так можно назвать. Ничего особенного.

(Джейк снова откашлялся, на этот раз с явным намерением вступить в разговор.)

ДЖЕЙК. Боб! Вы помните те фотографии, о которых я вам рассказывал в связи с гробиками? Они были сняты аппаратом, делающим моментальные снимки.

КУИНН молчит.

ДЖЕЙК. "Лейкой".

КУИНН. Но только не моей. Моя старая "лейка" пропала в дебрях Африки. Ее спер какой-то черномазый. (Глядит на шахматную доску, и на лице его появляется напускной испуг.) Ну что за мерзавец! Черт бы его побрал!.. Посмотрите-ка, Джейк. Ваш приятель почти сделал мне мат. Почти...

Получилось так: из глубин подсознания всплыло былое умение, я двигал вперед свою армию из черного дерева с явной, хотя и произвольной уверенностью, и мне действительно удалось создать для короля Куинна угрожающее положение. С одной стороны, я сожалел о своем успехе, так как Куинн использовал его, чтобы избежать расспросов Джейка и перевести разговор с темы фотографии, приобретшей внезапную остроту, на шахматы. С другой стороны, у меня поднялось настроение: играя столь прилично, я вполне мог выиграть партию. Куинн почесывал подбородок, его серые глаза целиком сосредоточились на доске: спасение короля стало для него священным долгом. А у меня в глазах шахматная доска вдруг начала расплываться, принимая неясные очертания, мысли уходили вглубь напластований, мирно покоившихся на дне моей памяти примерно в течение полувека.

Стояло лето. Мне было пять лет, и я жил с родственниками в небольшом городке штата Алабама. Недалеко от города, как и здесь, протекала река, но грязная, заросшая, вызывавшая у меня отвращение из-за того, что в ней было полным-полно водяных щитомордников и усачей. Хотя я терпеть не мог их усаые морды, но любил их есть жареными, обмакивая в кетчуп. У нас была кухарка, которая часто готовила рыбу. Ее звали Люси Джой²¹, но мне редко приходилось встречаться с такими невеселыми людьми, как она. Это была здоровенная негритянка, молчаливая и серьезная; казалось, она жила только в ожидании воскресенья — по воскресеньям она пела в хоре какой-то заброшенной церквушки. Но однажды с Люси произошла удивительная перемена. Мы были с ней вдвоем на кухне, когда она вдруг принялась рассказывать мне про некоего преподобного Бобби-Джо Сноу — Люси описывала его с таким восторгом, что ее рассказ воспламенил мое воображение. По словам кухарки, Сноу был известный евангелист, настоящий чудотворец, который должен скоро приехать в наш город, его ожидали здесь на следующей неделе, он будет произносить проповеди, крестить людей и спасать их души! Я умолял Люси взять меня с собой, чтобы поглядеть на него, и она, улыбаясь, обещала, что возьмет. На самом же деле ей было просто необходимо, чтобы я пошел вместе с ней. Этот преподобный Сноу был белый, на его проповеди черные не допускались, и Люси сообразила, что ее не прогонят лишь в том случае, если она приведет крестить белого мальчика. Вполне естественно, что Люси не обмолвилась об этом ни словом, и меня ожидал сюрприз. На следующей неделе по дороге на собрание, где выступал с проповедью преподобный, я представлял себе такую картину: я увижу собственными глазами, как спустившийся с небес святой будет исцелять слепых и хромых. Но как только я понял, что мы направляемся к реке, меня охватило беспокойство;

²¹ Joy — радость, веселье (англ.).

когда же мы пришли туда и я увидел массу людей, всех этих жалких белых бедняков из глухих деревень, которые горланили и приплясывали, я не захотел идти дальше. Тут Люси рассвирепела и втолкнула меня в изнемогавшую от зноя толпу. Вокруг звенели колокольцы, дергались в пляске тела, но среди общего шума я ясно различал один голос — баритон; человек то пел, то что-то громко выкрикивал. Люси тоже пела, стонала и дергалась. Вдруг какой-то незнакомец неожиданно посадил меня к себе на плечо, и я увидел человека, голос которого выделялся среди всех других. Он стоял по пояс в воде, в белой одежде, у него были убеленные сединой волосы, спутанные и мокрые, а вздетые к небу длинные руки словно умоляли о чем-то полуденное солнце, висевшее во влажном воздухе. Я старался рассмотреть его лицо, так как понял, что это и есть преподобный Бобби-Джо Сноу, но, прежде чем я что-то увидел, мой благодетель сбросил меня на землю в мерзкое месиво из пляшущих в экстазе ног, ходящих ходуном рук и сотрясаемых тамбуринов. Я просил отвести меня домой, но Люси, опьяненная великолепием зрелища, цепко держала меня за руку. Нестерпимо жгло солнце, к горлу подкатывала тошнота. Меня не вырвало, но я принялся кричать, отбиваться кулаками и плакать. Люси подталкивала меня к реке, и толпа расступалась, освобождая нам дорогу. Я сопротивлялся изо всех сил, пока не очутился на самом берегу реки и не остановился там как вкопанный; пораженный тем, что увидел. Стоявший в реке человек в белой одежде держал на руках упиравшуюся девочку, он произнес что-то из Священного Писания, затем быстро погрузил ее в воду, а потом вытащил. Она кричала и плакала и, шатаясь, с трудом взобралась на берег. Тогда длинные руки преподобного потянулись ко мне. Я укусил Люси за руку, пытаюсь вырваться, но какой-то парень с красной шеей схватил меня и потянул к воде. Я закрыл глаза, в нос ударил запах волос Иисуса, и тут я почувствовал, как руки преподобного опускают меня куда-то в черную глубину реки, а затем — спустя целую вечность — снова извлекают на свет божий. Мои глаза открылись, и я увидел серые глаза маньяка. Его широкое, но изможденное лицо приблизилось к моему, и он поцеловал меня в губы. Я услышал громкий смех и громоподобный крик: "Мат!"

КУИНН. Мат!

ДЖЕЙК. Черт побери, Боб. Он дал вам выиграть просто из вежливости.

(Поцелуя как не бывало, и лицо преподобного исчезло, уступив место совершенно такому же лицу Куинна. Итак, пятьдесят лет тому назад в Алабаме я впервые увидел мистера Куинна. Или, во всяком случае, его двойника — евангелиста Бобби-Джо Сноу.)

КУИНН. Ну как, Джейк? Согласны проиграть еще один доллар?

ДЖЕЙК. Только не сегодня. Мы завтра утром едем в Денвер. Мой друг должен попасть на самолет.

КУИНН (обращаясь ко мне). Черт побери! Да разве так гостят! Приезжайте сюда снова. Приезжайте-ка летом, и я возьму вас с собой на ловлю форели. Теперь, правда, уже не то, что прежде. Бывало, забросишь удочку и тут же вытащишь шестифунтовую рыбину. Так было, пока не испакостили мою реку.

(Мы ушли, не попрощавшись с Хуанитой Куинн, которая спала крепким сном и громко храпела. Куинн проводил нас до машины. "Будьте осторожны!" — предупредил он, помахав нам рукой, и стоял на дороге, пока машина не исчезла из виду.)

ДЖЕЙК. Благодаря тебе я еще кое-что узнал. Теперь мне ясно, что фотографии проявлял он сам.

Т. К. Хорошо, но почему ты не позволил Адди рассказать мне, как он выглядит?

ДЖЕЙК. Это могло бы повлиять на твое первое впечатление. А мне хотелось, чтобы ты посмотрел на него свежим взглядом и сказал свое мнение.

Т. К. Передо мной был человек, которого я уже видел раньше.

ДЖЕЙК. Ты — Куинна?

Т. К. Нет, не Куинна. Но кое-кого, очень на него похожего. Его двойника.

ДЖЕЙК. Объясни по-человечески.

(Я рассказал ему о памятном летнем дне и моем крещении. Мне самому было вполне понятно сходство между Куинном и преподобным Сноу и то, что связывало этих людей, но я

говорил слишком взволнованно и запутанно и не сумел передать свои мысли — я почувствовал, что Джейк разочарован. Он ожидал от меня трезвой, непредвзятой оценки, глубокого проникновения в сущность Куинна, что помогло бы ему, Джейку, утвердиться в его представлении о характере этого человека и мотивах его действий.

Я замолчал, огорченный тем, что разочаровал Джейка. Но когда мы выехали на автостраду, ведущую к городу, Джейк сказал мне, что, хотя мои воспоминания о крещении довольно туманны и путанны, он все же понял, что я хотел сказать.)

Значит, Боб Куинн думает, что он сам Господь Бог.

Т. К. Не думает, а уверен в этом.

ДЖЕЙК. Есть у тебя сомнения в его виновности?

Т. К. Нет, никаких. Куинн — именно тот человек, который мастерит гробики.

ДЖЕЙК. И однажды он смастерит свой собственный гроб. Иначе мне не быть Джейком Пеппером.

В последующие месяцы я звонил Джейку примерно раз в неделю и, как правило, по воскресеньям, чтобы поболтать и с ним, и с Адди. Джейк обычно начинал разговор словами: "Извини, старина, ничего нового сообщить не могу". Но в одно из воскресений Джейк сказал мне, что они с Адди назначили день свадьбы на десятое августа. А Адди добавила: "Мы надеемся, что вы приедете на свадьбу". Я обещал приехать, хотя дата свадьбы совпадала с ранее намеченной трехнедельной поездкой в Европу, — ничего, я постараюсь уладить свои дела. Однако в конечном счете планы пришлось изменить не мне, а жениху и невесте, так как агент из Бюро расследований, который должен был заменить Джейка на время его поездки в свадебное путешествие ("Мы собираемся в Гонолулу!"), заболел гепатитом и свадьбу отложили до первого сентября. "Вот не везет, — сказал я Адди. — Но я к тому времени вернусь и буду у вас непременно".

В начале августа я вылетел на швейцарском самолете в Швейцарию и пролодырничал несколько недель в альпийской деревне, загорая на солнце среди вечных снегов. Я спал, ел и перечитал всего Пруста, погружаясь в его романы как в прибрежную волну, когда не знаешь, куда она тебя вынесет. Но в своих мыслях я довольно часто возвращался к мистеру Куинну: иногда он являлся мне во сне, то в своем собственном облики — и тогда серые глаза его блестели за очками в металлической оправе, то в виде преподобного Сноу, облаченного в белые одежды.

Краткое пребывание в горах на альпийском воздухе действует бодряще, но длительный отдых может вызвать клаустрофобию и необъяснимую депрессию. И вот однажды, когда на меня напала такая хандра, я заказал машину, перебрался через перевал Сен-Бернар в Италию и поехал в Венецию. Ну, а в Венеции — вечный праздник с костюмами и масками, там вы уже не вы и не отвечаете за свои поступки. Так было и со мной: некто вместо меня приехали Венецию в пять часов вечера, а к полуночи уже сел в поезд, отправлявшийся в Стамбул. Все началось в баре "Гарри", где часто зарождаются шальные планы. Стоило мне заказать порцию мартини, как через вращающуюся дверь в бар ввалился — кто бы вы думали? — сам Джанни Паоли, весьма бойкий журналист, с которым я познакомился в Москве, где он работал корреспондентом одной из итальянских газет, — за бутылкой водки мы разгоняли с ним скуку московских ресторанов. Джанни находился в Венеции по пути в Стамбул, он собирался выехать Восточным экспрессом в полночь. После шести порций мартини он уговорил меня отправиться вместе с ним. Поездка длилась двое суток, поезд тащился по извилистым дорогам Югославии и Болгарии, но наше впечатление об этих странах свелось к тому, что мы увидели из окна купе спального вагона. Мы покидали купе лишь для того, чтобы пополнить наши запасы вина и водки.

Комната кружилась. Останавливалась. Снова кружилась. Я выбрался из постели. У меня мучительно звенело в голове, точно она была набита осколками стекла. Но я мог стоять, мог идти и даже вспомнил, где я: в отеле "Хилтон" в Стамбуле. Неуверенной походкой я добрался до балкона, выходящего на Босфор. Там, греясь на солнце, завтракал

Джанни Паоли и читал парижскую газету "Геральд трибюн". Щурясь от солнца, я взглянул на дату в газете. Первое сентября. Отчего эта дата так остро взволновала меня, вызвав тошноту, чувство вины и раскаяния? Боже ты мой, я пропустил свадьбу! Джанни не мог взять в толк, отчего я так расстроен (сами итальянцы вечно бывают расстроены, но не понимают, отчего расстраиваются другие); он налил водки в свой апельсиновый сок, протянул мне стакан и посоветовал: "Пей, напейся хорошенько, но сначала пошли им телеграмму". Я в точности последовал его совету. Телеграмма гласила: "Задержан непредвиденными обстоятельствами, желаю вам всяческого счастья в этот радостный день". Позже, когда я пришел в себя, прекратил пить и руки мои перестали дрожать, я написал им коротенькое письмо: мне не хотелось лгать, я не стал объяснять, по каким обстоятельствам задержался, а просто сообщил, что вылетаю в Нью-Йорк в ближайшие дни и позвоню по телефону, как только они вернутся из свадебного путешествия. Я адресовал письмо мистеру и миссис Джейк Пеппер и, поручив портье отправить его по почте, почувствовал облегчение, точно с моих плеч свалилась гора; я думал о том, как выглядела Адди с цветком в волосах, о том, как они с Джейком прогуливаются в сумерках по пляжу Вайкики: где-то рядом шумит море, а над ними — звезды; я думал и о том, могут ли у Адди в ее возрасте быть дети.

Но вернулся домой я не скоро. Случилось так, что я встретил в Стамбуле старого приятеля — археолога, занимавшегося раскопками на Анатолийском побережье, в Южной Турции, и он пригласил меня с собой, сказав, что мне там будет интересно, и оказался прав — мне действительно было интересно. Я ежедневно купался, обучился турецким народным танцам, пил "узо" и ночи напролет танцевал на открытом воздухе в местной таверне. Я провел на море две недели, затем отправился пароходом в Афины, а оттуда самолетом в Лондон, где мне предстояла примерка костюма у портного. Только в октябре, когда в Нью-Йорке уже почти наступила осенняя пора, я открыл дверь своей квартиры.

Приятель, заходивший поливать цветы, разложил полученную корреспонденцию аккуратными стопками на моем столе в кабинете. Там лежало несколько телеграмм, и я стал просматривать их, даже не сняв пальто. В одной оказалось приглашение на Хэллоуин²². Я распечатал вторую, там под текстом "Срочно позвони мне" стояла подпись: Джейк. Телеграмма была отправлена шесть недель назад — двадцать девятого августа. Не позволяя себе думать о том, что упорно лезло в голову, я поспешно отыскал номер телефона Адди и набрал его. Никто не ответил. Тогда я заказал разговор с Джейком в мотеле "Прерия". Нет, мистер Пеппер в настоящее время здесь не проживает — телефонистка предложила мне установить с ним связь через Бюро расследований штата. Я позвонил туда; какой-то круглый идиот заявил, что детектив Пеппер находится в отпуске и мне не могут сообщить, где именно ("это противоречит существующим правилам"). Я назвал свою фамилию и добавил, что звоню из Нью-Йорка, но тот никак не отреагировал; когда же я сказал: "Послушайте, это очень важно", — мерзавец повесил трубку.

Мне нестерпимо хотелось оправиться, пока я добирался домой из аэропорта Кеннеди, но я забыл об этом, как только увидел письма, лежавшие на столе в кабинете. Меня подсознательно потянуло к ним. Я перебрал пачки с профессиональной быстротой служащего, сортирующего почту, отыскивая конверт с почерком Джейка. И нашел его. На конверте — это был служебный конверт Бюро расследований — стоял штемпель с датой: десятое сентября; письмо было отправлено из главного города штата. За скупыми строчками письма, написанного твердым мужским почерком, скрывалась трагедия, пережитая его автором.

"Сегодня получил твое письмо из Стамбула. Я читал его на трезвую голову, чего сейчас сказать не могу. В августе, в тот день, когда скончалась Адди, я послал тебе телеграмму с просьбой позвонить мне. Но, очевидно, ты находился тогда в Европе. Я хотел сообщить тебе

²² Хэллоуин — отмечаемый 31 октября канун Дня Всех Святых, когда по домам ходят ряженые. В этот день принято вырезать маски из тыкв и освещать их изнутри свечами.

следующее: Адди больше нет. До сих пор не верю этому и не поверю, пока не узнаю, что случилось на самом деле. За два дня до нашей свадьбы они с Мэрили купались в Голубой реке. Адди утонула, но Мэрили не видела, как это произошло. Мне трудно писать об этом. Я должен отсюда уехать. Иначе боюсь что-нибудь натворить. В любом случае Мэрили Коннор будет знать, где найти меня. Искренне твой..."

МЭРИЛИ КОННОР. Алло! О, ну конечно, я сразу же узнала ваш голос.

Т. К. После обеда я звонил вам через каждые пол-часа.

МЭРИЛИ. Откуда вы?

Т. К. Из Нью-Йорка.

МЭРИЛИ. Какая у вас там погода?

Т. К. Идет дождь.

МЭРИЛИ. Здесь тоже дождь, но он нам нужен. У нас было очень засушливое лето. Ходили в пыли с головы до ног. Вы говорите, что звонили мне?

Т. К. Вплоть до самого вечера.

МЭРИЛИ. А я была дома. Боюсь, что у меня неважно со слухом. Правда, я спускалась в подвал и поднималась на чердак, так как укладываю вещи. Теперь, когда я осталась одна, дом для меня слишком велик. У нас есть кухня — тоже вдова, как и я, — она купила во Флориде часть дома, и я собираюсь перебраться к ней. Как у вас дела? Вы говорили с Джейком?

(Я объяснил ей, что только вернулся из Европы и не могу отыскать Джейка; она сказала, что он у одного из своих сыновей в Орегоне, и дала номер телефона.)

Бедный Джейк. Он так тяжело перенес смерть Адди. И в какой-то мере винит себя. О? В самом деле, вы ничего не знали?

Т. К. Джейк написал мне письмо, но я получил его только сегодня. Не могу даже сказать, как я сожалею...

МЭРИЛИ (ее голос звучит испытующе). Вы ничего не знали об Адди?

Т. К. До сегодняшнего дня — нет.

МЭРИЛИ (подозрительно). А что сообщил вам Джейк?

Т. К. Что она утонула.

МЭРИЛИ (настойчиво, как если бы мы вели спор друг с другом). Да, она утонула. И мне все равно, что думает Джейк. Боба Куинна там не было. Он не мог иметь никакого отношения к этому делу.

(Я слышал, как она глубоко вздохнула, затем последовала длительная пауза, словно она считала до десяти, пытаясь успокоиться.)

Если кто-то и виноват, так это я. Я предложила поехать купаться в Песчаную бухту. А Песчаная бухта даже не принадлежит Куинну. Она находится на ранчо Миллера. Мы с Адди всегда ездили туда поплавать. В бухте тень, и можно спрятаться от солнца. К тому же это самое безопасное место на Голубой реке — с тихой заводью, где мы научились плавать, когда были маленькие. В тот день мы оказались в Песчаной бухте одни, мы вошли в воду вместе, и Адди сказала, что через неделю она будет купаться в Тихом океане. Адди плавала хорошо, а я быстро устаю. Поэтому я слегка освежилась в воде и, расстелив полотенце под деревом, стала читать один из журналов, что мы прихватили с собой. Адди осталась в воде. Она крикнула мне: "Я проплыву по излучине и посижу на камнях водопада". Река за Песчаной бухтой делает крутой изгиб, за которым ее пересекает каменная гряда, образуя небольшой водопад — высотой не более двух футов. В детстве мы очень любили сидеть на этой гряде и наблюдать, как из-под наших ног устремляется вниз вода.

Я увлеклась чтением и не заметила, как пролетело время. Очнулась только, когда стала замерзать и увидела, что солнце садится за горы. Я не беспокоилась об Адди, так как думала, что она еще сидит у водопада. Но все же через некоторое время я спустилась к воде и стала звать: "Адди! Адди!" Я решила, что ей вздумалось подразнить меня. Тогда я взобралась по откосу на высокий берег Песчаной бухты, откуда виден водопад и вся река к северу. Но там

никого не оказалось. Адди не было видно. И тут под водопадом я заметила что-то белое, вроде лилии, покачивающейся на поверхности. И вдруг я поняла, что это вовсе не лилия, а рука, на которой поблескивает бриллиант — кольцо с маленьким бриллиантом, Джейк подарил его Адди по случаю помолвки. Я сбежала вниз, вошла в реку и стала пробираться вдоль каменистой гряды. Вода была очень чистая и место не слишком глубокое. Мне было ясно видно под водой лицо Адди и ее волосы, запутавшиеся в ветвях затонувшего дерева. Я схватила Адди за руку и потянула изо всех сил, но напрасно — мне не удалось сдвинуть Адди с места. Почему-то — и нам никогда не удастся узнать почему — она свалилась с камней, и ее волосы запутались в ветвях дерева, не позволяя подняться на поверхность. "Случайная смерть в результате утопления". Таково было заключение судебного врача. Алло?

Т. К. Да, я слушаю.

МЭРИЛИ. Моя бабушка Мейсон никогда не произносила слова "смерть". Когда кто-нибудь умирал, особенно из дорогих ей людей, она всегда говорила, что их "отозвали назад". Она не хотела считать, что они погребены и ушли навсегда, а думала, что их "отозвали назад", в счастливое детство, в мир реальных вещей. У меня такое же чувство по отношению к сестре. Адди отозвали назад, и она находится среди всего того, что любила. Среди детей. Детей и цветов. А также птиц. И диких растений, которые она находила в горах.

Т. К. Я очень сожалею, миссис Коннор. Я...

МЭРИЛИ. Ничего, дорогой мой, ничего.

Т. К. Могу я быть чем-нибудь полезен?..

МЭРИЛИ. Что ж, очень мило, что вы позвонили. А когда будете говорить с Джейком, передайте ему от меня привет.

Я принял душ, поставил бутылку бренди возле постели, залез под одеяло, снял телефон с ночного столика, установил его на животе и набрал номер в Орегоне, который мне дала Мэрили. Ответил сын Джейка; сказал, что отца нет дома и неизвестно, когда он вернется. Я попросил, чтобы Джейк позвонил мне, как только появится — в любое время. Я набрал полный рот бренди и подержал напиток во рту, дабы унять стучавшие зубы. Потом проглотил бренди, и оно тонкой струйкой стекло по горлу. Я погружался в сон, словно в журчащую воду речной излучины; итак, в конечном счете все возвращалось к реке, все сводилось к ней. Куинн мог раздобыть гремучих змей, никотин, стальную проволоку, поджечь дом, но за всем этим стояла река, и теперь река потребовала новой жертвы — Адди. Я видел во сне ее волосы — они запутались в речных водорослях и, словно свадебная вуаль, застилали лицо утопленницы, неясно видневшееся под водой.

Резкий звонок прервал мой сон: это был телефон, громко трещавший на моем животе, где он так и остался стоять после того, как я задремал. Я знал, что это Джейк. Прежде чем снять трубку, я налил себе хорошую порцию бренди, чтобы окончательно проснуться.

Т. К. Джейк?

ДЖЕЙК. Итак, ты наконец вернулся в Штаты?

Т. К. Сегодня утром.

ДЖЕЙК. Ну что ж, свадьбу ты все же не пропустил.

Т. К. Я получил твое письмо, Джейк, я...

ДЖЕЙК. Нет, нет, пожалуйста, не произноси речей.

Т. К. Я звонил миссис Коннор, Мэрили. Мы с ней долго разговаривали.

ДЖЕЙК (настороженно). Да?

Т. К. Она рассказала мне обо всем, что случилось...

ДЖЕЙК. Ну нет, не обо всем! Будь я проклят, если это так!

Т. К. (задетый резким тоном его ответа). Но, Джейк, она сказала мне...

ДЖЕЙК. Да. Что же она сказала?

Т. К. Она сказала, что это был несчастный случай.

ДЖЕЙК. И ты поверил? (По его насмешливо-мрачному тону я догадался, какое у него выражение лица: жесткий взгляд, тонкие подвижные губы искажены гримасой.)

Т. К. Судя по тому, что она рассказала, только так и можно объяснить происшедшее.

ДЖЕЙК. Да она же не знает, что случилось. Ее не было на месте происшествия. Она лежала на пляже и читала журналы.

Т. К. Но если это опять Куинн...

ДЖЕЙК. Да, так что же?

Т. К. Он должен быть колдуном.

ДЖЕЙК. Совсем не обязательно. Я не в состоянии говорить об этом сейчас. Может быть, немного позже. Случилось нечто такое, что может ускорить развязку. В этом году Санта-Клаус появился необычно рано.

Т. К. Неужели речь идет о Джейгере?

ДЖЕЙК. Да, сэр. Начальник почты получил свою посылку.

Т. К. Когда?

ДЖЕЙК. Вчера. (Он засмеялся, но не от удовольствия, а от возбуждения или прилива энергии.) Плохая новость для Джейгера, но весьма недурная для меня. Я собирался пробыть здесь День благодарения. Но, понимаешь, я буквально сходил с ума. Передо мною неизменно захлопывались все двери. Я думал только об одном: "Неужели он оставит в покое Джейгера? Неужели не даст мне последнего шанса?" Позвони мне завтра вечером в мотель "Прерия". Я буду уже там.

Т. К. Джейк, подожди минутку. Это, наверное, все же несчастный случай. Я говорю об Адди.

ДЖЕЙК (с преувеличенным терпением, как если бы он обучал неграмотного туземца). Ну что ж, я тебе подброшу кое-какие мыслишки перед сном: песчаная бухта, где произошел этот "несчастный случай", принадлежит человеку по имени А. Д. Миллер. К ней ведут два пути. И наиболее краткий — проселочная дорога, которая проходит через поместье Куинна прямо к ранчо Миллера. Так вот именно по этой дороге женщины ехали к реке.

Adios, amigo!²³

Новость, которую он мне сообщил перед сном, естественно, не дала мне уснуть до рассвета. В воспаленном мозгу возникали и исчезали какие-то видения, словно я мысленно монтировал кинофильм.

Адди и ее сестра едут на машине по автостраде. Затем сворачивают на грунтовую дорогу, принадлежащую Куинну. Хозяин ранчо стоит на веранде дома или, возможно, у окна, — одним словом, он замечает машину, вторгнувшуюся в его владения, узнает сидящих в ней двух женщин и догадывается, что они едут купаться к Песчаной бухте. Он решает отправиться вслед за ними. Машиной, верхом на лошади или пешком — так или иначе он достигает кружным путем места, где купаются женщины. И прячется там среди тенистых деревьев, растущих над Песчаной бухтой. Мэрили лежит на полотенце и читает журналы. Адди — в воде. Он слышит, как Адди говорит сестре: "Я проплыву вдоль излучины и посижу на камнях водопада". Идеальная возможность: Адди окажется одна, безо всякой защиты, вне поля зрения сестры. Куинн дожидается момента, когда она целиком поглощена зрелищем падающей воды. Тогда он скользит вниз по откосу (тому самому, по которому позже спустилась в поисках сестры Мэрили). Адди не слышит его шагов — их заглушает шум падающей воды. Но рано или поздно она должна заметить Куинна. И, конечно, как только заметит его, почувствует опасность и закричит. Но нет, он вынудит ее молчать, пригрозив ей оружием. Адди слышит какой-то шум, поднимает глаза и видит, как Куинн быстро движется по каменистой гряде с направленным на нее револьвером; он сбрасывает Адди в реку под самым водопадом, ныряет вслед за ней, тянет вниз и держит под водой —

²³ Прощай, друг! (исп.)

последнее крещение.

Так могло быть.

Однако рассвет и возобновившийся шум нью-йоркского уличного движения поубавили мой пыл и способность к лихорадочным фантазиям: я погрузился в глубокую обескураживающую пучину реальности. У Джейка не было иного выбора: как и Куинн, он поставил перед собой одну, захватившую его целиком и превратившуюся в гражданский долг цель — доказать, что Куинн виновен в десяти злодейских убийствах и, в частности, в смерти той милой, приветливой женщины, на которой Джейк собирался жениться. Но если Джейк не выдвинул более убедительной версии, чем та, которую мне подсказывало воображение, то было бы лучше, если бы я обо всем забыл и спокойно уснул, положившись на вполне разумное заключение судебного врача: случайная смерть в результате утопления.

Через час меня разбудил рев реактивного самолета. Я не выспался, не отдохнул и был раздражен и голоден как волк. И, конечно же, из-за моего длительного отсутствия в холодильнике все оказалось несъедобным: прокисшее молоко, черствый хлеб, почерневшие бананы, протухшие яйца, высохшие апельсины, вялые яблоки, гнилые помидоры, подернутый плесенью шоколадный торт. Я приготовил чашку кофе, добавил в него бренди и, подкрепившись этим напитком, просмотрел скопившуюся корреспонденцию. К моему дню рождения — тридцатого сентября — несколько друзей прислали поздравительные открытки. Одна из них была от нашего общего с Джейком друга, вышедшего на пенсию детектива Фреда Уилсона, который и познакомил меня с Джейком. Я знал, что Фреду было известно дело, которое вел Джейк, и что Джейк часто консультировался с ним, но по какой-то причине мы никогда не обсуждали хода расследования с Фредом, и я решил теперь исправить это упущение, позвонив ему по телефону.

Т. К. Алло! Я хотел бы поговорить с мистером Уилсоном!

ФРЕД УИЛСОН. Я у телефона.

Т. К. Фред? У тебя такой голос, словно ты зверски простужен.

ФРЕД. Еще бы! У меня такая простудища, доложу тебе!

Т. К. Спасибо за поздравление.

ФРЕД. Черт побери. Из-за этого можно было бы не тратить деньги!

Т. К. Понимаешь, мне хотелось поговорить с тобой о Джейке Пеппере.

ФРЕД. Ну и ну, телепатия все-таки, наверное, существует. Я только что думал о Джейке, когда зазвонил телефон. Ты знаешь, Бюро выставило его в отпуск. Они хотят, чтобы Джейк бросил расследование.

Т. К. Но он снова приступил к нему.

(Я передал Фреду наш разговор с Джейком накануне вечером, и Фред задал мне несколько вопросов, в основном о смерти Адди Мейсон и мнении Джейка по этому поводу.)

ФРЕД. Я чертовски удивлен, что Бюро разрешило ему снова туда поехать. Джейк — самый толковый парень из всех, кого я встречал. Я никого не уважаю в нашем деле так, как Пеппера. Но он утратил способность здраво судить. Он так долго бился головой о стену, что вышиб рассудок. То, что произошло с его невестой, действительно ужасно. Но это был несчастный случай. Она утонула. А вот Джейк не может примириться с ее смертью. Он заявляет во всеулышание, что Адди убили. Обвиняет того человека — Куинна.

Т. К. (возмущенно). Но Джейк, быть может, прав. Это вполне возможно.

ФРЕД. Но возможно и то, что подозреваемый им человек совсем невиновен. Фактически таково общее мнение. Я толковал с парнями из Бюро Джейка, и они говорят, что с имеющимися уликами нельзя прихлопнуть даже муху. Положение крайне щекотливое. Да и шеф Джейка говорил мне, что, насколько ему известно, Куинн никогда никого не убивал.

Т. К. Он убил двух конокрадов.

ФРЕД (хмыкает и затем долго кашляет). Ну, сэр, такие вещи мы не называем убийством. По крайней мере в наших краях.

Т. К. Но они не были конокрадами. Это были два картежника из Денвера, которым

Куинн задолжал деньги. И, кроме того, я не думаю, что смерть Адди была несчастным случаем.

(С поразительным самомнением я вызывающим тоном изложил ему, как представлял себе это "убийство". Предположения, которые я отверг на рассвете, теперь казались мне не только вероятными, но весьма убедительными: Куинн последовал за сестрами до Песчаной бухты, спрятался за деревьями, спустился по откосу вниз, пригрозил Адди оружием и утопил ее.)

ФРЕД. Это версия Джейка.

Т. К. Нет.

ФРЕД. Значит, ты придумал все это сам?

Т. К. В какой-то мере — да.

ФРЕД. Однако же это и есть версии Джейка.

Т. К. Что значит — "это и есть версии Джейка"?

ФРЕД. Да то и значит, что я сказал; телепатия, наверное, все же существует. За исключением незначительных деталей твоя версия совпадает с версией Джейка. Он написал донесение, копию которого прислал мне, и в нем именно так излагает события: Куинн увидел машину, последовал за сестрами...

(Фред продолжал говорить. А я залился краской: я чувствовал себя как школьник, которого поймали за списыванием на экзаменах. Непонятно по какой причине, но я ругал Джейка, вместо того чтобы ругать самого себя: я злился на Джейка за то, что он не нашел более убедительных аргументов, и был огорчен, ведь его предположения оказались ничуть не лучше моих. Я доверял Джейку как настоящему профессионалу и был очень расстроен, ибо мое доверие оказалось поколеблено. Ведь все это — и Куинн, и Адди, и водопад — просто досужий вымысел. И тем не менее, несмотря на убийственную иронию Фреда Уилсона, я знал, что в целом моя вера в Джейка обоснованна.)

Бюро попало в трудное положение. Джейка вынуждены снять с расследования дела. Он не справился со своей задачей. Но Джейк, конечно, просто так не отступится. Для него это дело чести. Да и безопасности тоже. Как-то раз после того, как погибла его невеста, он позвонил мне по телефону около четырех часов утра, пьяный вдрабадан, и сообщил, что собирается вызвать Куинна на дуэль. Я позвонил ему на следующий день. Этот сукин сын даже не помнил, что разговаривал со мной накануне.

Чувство тревоги — объяснит вам любой дорогой психиатр — вызывается депрессией, и тот же самый психиатр во время второго визита сообщит вам за дополнительную плату, что тревога вызывает депрессию. Весь день я не мог выбраться из этого порочного круга. Ближе к ночи оба демона уже владели мной безраздельно, и, пока они терзали мою душу, я сидел, уставившись на сомнительное изобретение мистера Белла и ожидая со страхом того мгновения, когда мне придется набрать номер мотеля "Прерия" и услышать подтверждение тому, что Бюро снимает Джейка с расследования дела. Мне, конечно, стало бы легче, если бы я как следует подкрепился, но я уже заморил червячка, съев кусок шоколадного торта, слегка подернутый плесенью. Я мог бы сходить в кино или накуриться какой-нибудь травки. Но когда тобой владеет такое сильное беспокойство, самое лучшее — ничего не делать, махнуть рукой на тревогу и депрессию, расслабиться, и пусть события идут своим чередом, увлекая за собой и тебя.

ТЕЛЕФОНИСТКА. Добрый вечер! Мотель "Прерия". Вам мистера Пеппера? Эй, Ральф, ты не видел Джейка Пеппера? Он в баре? Алло, сэр, я сейчас соединю.

Т. К. Спасибо.

(Я вспомнил бар в мотеле "Прерия": в отличие от самого мотеля, он не лишен забавной привлекательности. Его посетители — настоящие ковбои, стены обтянуты сыромятной кожей и украшены изображениями гёрлс и мексиканскими сомбреро, на дверях двух туалетов — надписи: "Для БЫКОВ" и "Для БАБОЧЕК", а из проигрывателя-автомата

несутся звуки мелодий Дальнего Запада. Взрыв музыки оповестил, что бармен снял трубку.)

БАРМЕН. Джейк Пеппер! Вас вызывают. Алло, мистер. Он спрашивает, кто это.

Т. К. Друг из Нью-Йорка.

ГОЛОС ДЖЕЙКА (издалека, становясь громче по мере того, как он приближается к телефону). Ну конечно, у меня есть друзья в Нью-Йорке, Токио, Бомбее. Привет, друг из Нью-Йорка!

Т. К. Ты, кажется, навеселе?

ДЖЕЙК. Мне так же весело, как обезьянке нищего шарманщика.

Т. К. Ты можешь сейчас разговаривать? Или позвонить позже?

ДЖЕЙК. Могу. Здесь так шумно, что никто ничего не услышит.

Т. К. (осторожно, боясь разбередить раны). Как твои дела?

ДЖЕЙК. Да так себе.

Т. К. Из-за Бюро?

ДЖЕЙК (с удивлением). Почему из-за Бюро?

Т. К. Я думаю, они доставляют тебе немало хлопот.

ДЖЕЙК. Мне они не доставляют особых хлопот. Свора идиотов. Нет, все из-за тупоголового Джейгера. Нашего любимого начальника почты. Он трусит и хочет отсюда смыться. А я не знаю, как его удержать. Это очень нужно.

Т. К. Для чего?

ДЖЕЙК. "Акуле нужна приманка".

Т. К. Ты говорил об этом с Джейгером?

ДЖЕЙК. Все время. Он и сейчас со мной. Сидит, забившись в угол, как жалкий заяц, готовый чуть что спрятаться в свою норку.

Т. К. Ну что ж, мне это вполне понятно.

ДЖЕЙК. А я не могу позволить себе подобного слюнтяйства. Мне надо удержать во что бы то ни стало эту старую размазню. Но как? Ему шестьдесят четыре года, у него куча денег, да еще скоро получит пенсию. Он холостяк, и ближайший его родственник — из тех, которые еще живы, — Боб Куинн! Бог знает какая история! И представь себе, он все еще не верит, что это сделал Боб Куинн. Твердит, что если кто и хочет причинить ему зло, то только не Боб Куинн, состоящий с ним в кровном родстве. Однако есть один факт, который заставляет его задумываться.

Т. К. Что-то связанное с посылкой?

ДЖЕЙК. Угу.

Т. К. Почерк? Нет, вряд ли. Должно быть, фотография?

ДЖЕЙК. Попал в точку. Фотография совсем иная. Не похожая на другие. Во-первых, она двадцатилетней давности и была сделана на ярмарке штата. Джейгер на параде клуба "Кивани" марширует в шляпе клуба. Этот снимок делал Куинн. Джейгер видел, как Куинн фотографировал его, и помнит об этом до сих пор, потому что просил Куинна дать ему карточку, но тот так и не дал.

Т. К. Наш начальник почты должен хорошенько призадуматься. Но сомневаюсь, что подобная улика произведет впечатление на присяжных заседателей.

ДЖЕЙК. К сожалению, она не производит впечатления даже на самого Джейгера.

Т. К. Но он же так напуган, что хочет покинуть родной город?

ДЖЕЙК. Перепугался, да еще как. Но даже если бы он не был напуган, его все равно здесь ничто не удерживает. Говорит, что всегда собирался провести последние годы жизни путешествуя. Моя задача — отложить на неопределенное время его поездку. Знаешь, мне лучше не оставлять надолго одного моего перепуганного зайчишку. Пожелай-ка мне удачи. И не пропадай.

Я пожелал Джейку удачи, однако ему все равно не повезло — через неделю и начальник почты и, детектив отправились каждый по своему маршруту: первый — в кругосветное путешествие, второго Бюро сняло с расследования дела.

Ниже приводятся выдержки из моих дневников между 1975 и 1979 годами.

20 октября 1975 г.: Разговаривал с Джейком. Он озлоблен и брызжет ядом во все стороны. Говорит, что ему равным счетом на все наплевать, он уйдет с работы, подаст в отставку и уедет на ферму к сыну в Орегон. "Но пока я еще работаю в Бюро, я задам им жару". Уверен, что ему не по карману этот beau geste²⁴ — бросить работу сейчас и из-за этого потерять пенсию.

6 ноября 1975 г.: Разговаривал с Джейком. Говорит, что у них в северо-восточной части штата повальная кража скота. Его крадут по ночам, грузят в машины и отвозят в Северную и Южную Дакоту. Он провел несколько ночей вместе с другими агентами на пастбище, под открытым небом, среди стад, поджидая грабителей, которые так и не появились. "Ну и мерзну же я здесь, старик, такая тяжелая работа мне не по годам". Сказал, что Мэрили Коннор уехала в Сарасоту.

25 ноября 1975 г.: День благодарения. Проснулся утром, подумал о Джейке и вспомнил, что ровно год назад ему "привалила удача": он пошел на обед к Адди, а она поведала ему о Куинне и Голубой реке. Я решил все же не звонить ему, мой звонок может лишь усугубить мучительные воспоминания, связанные с этой годовщиной. Вместо этого я позвонил Фреду Уилсону и его жене Элис и пожелал им приятного аппетита перед праздничным обедом. Фред спросил меня о Джейке, я ответил, что, разговаривая с ним в последний раз, узнал — он ловит грабителей, угоняющих скот. Фред сказал: "Да, они стараются загнать его вконец, чтобы он больше не думал о том деле, которое парни из Бюро прозвали "Гремучий змееныш". Они передали следствие молодому детективу по фамилии Нелсон только так, для виду. Хотя юридически дело еще не закрыто, на самом деле Бюро поставило на нем крест".

5 декабря 1975 г.: Разговаривал с Джейком. Первое, что он сказал: "Тебе, наверное, интересно будет узнать, что почтмейстер жив-здоров и находится в Гонолулу. Рассылает направо и налево почтовые открытки. Уверен, что послал открытку и Куинну". Говорит, что до сих пор занимается ловлей грабителей, угоняющих скот, и страшно от этого устал. "Мне стоило бы присоединиться к грабителям. Они зарабатывают в сто раз больше, чем я".

20 декабря 1975 г.: Получил поздравительную открытку к Рождеству от Мэрили Коннор. Она пишет: "Сарасота прекрасна! Я впервые провожу весну в теплом климате и должна честно признаться, что совсем не скучаю по дому. Знаете ли Вы, что в Сарасоте проводит зимний сезон цирк "Ринглинг бразерс"? Мы с кухней часто ездим смотреть, как репетируют перед выступлением циркачи. Это страшно интересно. Мы подружились с одной русской, которая тренирует акробатов. Да пошлет Вам Бог удачу в Новом году, и примите, пожалуйста, от меня небольшой подарок". Это был любительский снимок Адди из семейного альбома — ей было тогда примерно шестнадцать лет. Адди стоит в цветущем саду, на ней белое летнее платье и такая же белая ленточка в волосах; в руках она держит белом котенка, очень осторожно, словно он так же нежен, как ажурная листва вокруг. Котенок зевает. На обратной стороне фотографии Мэрили написала: "Аделаида Минерва Мейсон. Родилась 14 июня 1939 г., отозвана назад 29 августа 1975 г."

1 января 1976 г.: Звонил Джейк, пожелал счастливого Нового года. Голос у него как у могильщика, роющего могилу для самого себя. Сказал, что провел новогоднюю ночь в постели, читая "Дэвида Копперфилда". "В Бюро устроили праздничный вечер, но я не пошел. Иначе напился бы и свернул кое-кому голову. Может, даже немало голов. Но и в пьяном, и в трезвом состоянии, как только оказываюсь рядом с шефом, еле удерживаюсь, чтобы не двинуть по его толстой роже". Я сказал, что получил к Рождеству открытку от Мэрили, и описал фотографию Адди, которую она прислала вместе с поздравлением. Он ответил, что получил точно такой же снимок. "Но что это означает, почему она пишет — "отозвана назад"?" Я попытался объяснить ему, но он прервал меня, буркнув, что это слишком заумно

²⁴ Красивый жест (фр.).

для него, и добавил: "Я люблю Мэрили. Я всегда говорил, что она милая женщина, но слишком недалекая".

5 февраля 1976 г.: На прошлой неделе купил рамку для фотографии Адди. Поставил снимок на столик в спальне, но вчера убрал в ящик. Фотография тревожит меня, все кажется таким живым, особенно зевающий котенок.

14 февраля 1976 г.: Получил три послания по случаю Дня святого Валентина²⁵: одно — от старой школьной учительницы мисс Вуд, другое — от налогового инспектора и третье, заканчивающееся словами: "С любовью. Боб Куинн". Это, конечно, шутка Джейка. Вероятно, так он представляет себе черный юмор.

15 февраля 1976 г.: Позвонил Джейку, и он признался, что открытка от него. Я спросил, не был ли он пьян. Сказал, что был.

20 апреля 1976 г.: Получил коротенькое письмо от Джейка, нацарапанное на почтовой бумаге с изображением мотеля "Прерия": "Провел здесь два дня, собирая сплетни, в основном в "О'кей кафе". Почтмейстер все еще в Гонолулу. У Хуаниты Куинн был удар. Я хорошо отношусь к Хуаните и огорчился, узнав о ее болезни. Но муж ее здоров как бык. Мне это на руку. Не хотелось бы, чтобы с ним стряслась какая-нибудь беда, прежде чем наложу на него свою лапу. Бюро, быть может, и забыло об этом деле, но только не я. Я никогда не откажусь от него. Искренне твой..."

10 июля 1976 г.: Звонил вчера вечером Джейку после двухмесячного перерыва и разговаривал с совершенно новым Джейком Пеппером, или, точнее, со старым: деятельным, веселым, словно он пробудился от глубокого сна и, отдохнув, снова готов ринуться в бой. Я тотчас же узнал, что вызвало у него такой подъем духа. "Поймал за хвост самого дьявола. Дельце что надо". В действительности же дельце, несмотря на один весьма интригующий момент, было самым обыкновенным убийством. Во всяком случае, таким оно показалось мне. Двадцатидвухлетний молодой человек жил с престарелым дедом на скромной ферме. В начале весны внук убил старика, чтобы получить в наследство ферму и присвоить себе деньги, которые его дед собирал по грошу и прятал у себя под матрасом. Соседи заметили, что старый фермер исчез, а парень раскатывает на сверкающей новой машине. Уведомили полицию, и та вскоре обнаружила, что внук, который не мог объяснить причину внезапного исчезновения деда, купил новую машину, заплатив за нее старыми банкнотами. Подозреваемый в убийстве парень не желал ни отрицать, ни признавать свою вину, хотя власти уверены, что убийство совершил он. Сложность заключалась в том, что никак не могли обнаружить труп. А без этого нельзя арестовать подозреваемого. Но как ни искали, жертву найти не удавалось. Местная полиция обратилась в Бюро расследований штата, и Джейку поручили распутать дело. "Невероятная история. Этот парень — настоящая продувная bestия. Сотворил со стариком нечто дьявольское. И если нам не удастся обнаружить тело, он избежит наказания. Но я уверен, что труп спрятан где-нибудь на ферме. Чутье подсказывает мне, что внук разрубил дедушку на мелкие куски и закопал их в разных местах. Мне нужна только голова. И я найду ее, если даже мне придется перепахать всю землю акр за акром или дюйм за дюймом". После того как нас разъединили, меня охватил настоящий приступ злости и ревности, точно я узнал об измене своей возлюбленной. Я и в самом деле не хотел, чтобы Джейк проявлял интерес к какому-либо другому делу, кроме того, которое волновало меня.

20 июля 1976 г.: Телеграмма от Джейка: "Нашел голову, одну руку и две ноги. Отправляюсь на рыбную ловлю. Джейк". Интересно, отчего он послал мне телеграмму, а не позвонил? Может, думает, что я не буду радоваться его успеху? Нет, я рад, я знаю, что теперь, по крайней мере, его честь как-то восстановлена. Надеюсь только, что он отправился па рыбную ловлю куда-нибудь неподалеку от Голубом реки.

22 июля 1976 г.: Написал Джейку поздравительное письмо и сообщил, что уезжаю за

²⁵ День влюбленных, когда посылаются любовные или шуточные послания.

границу на три месяца.

20 декабря 1976 г.: Получил рождественскую открытку из Сарасоты: "Если будете в этих краях, не забудьте заглянуть. Да благословит вас Бог. Мэрили Коннор".

22 февраля 1977 г.: Записка от Мэрили: "Я все еще подписываюсь на газету своего родного города и думаю, что прилагаемая вырезка может заинтересовать Вас. Я написала письмо ее мужу. Когда с Адди произошел несчастный случай, он прислал мне прекрасное письмо". В вырезке сообщалось о смерти Хуаниты Куинн. Она умерла во сне. Странно, но после ее смерти не было ни церковной службы, ни похорон, так как покойная просила, чтобы ее кремировали и пепел развеяли по Голубой реке.

23 февраля 1977 г.: Позвонил Джейку. Он сказал смущенно: "Привет, старина. Ты совсем меня забыл!" Но я послал ему письмо из Швейцарии, на которое он не ответил, и дважды звонил ему на Рождество, но не заставал дома. "Ах, да, я был в Орегоне". Наконец я сказал ему о главном — некрологе Хуаниты Куинн. Джейк без обиняков заявил: "Мне это кажется подозрительным". А когда я спросил почему, ответил: "Кремация у меня всегда вызывает подозрение". Мы поговорили с ним еще четверть часа, но разговор получился неловкий, он говорил напряженно, с явным усилием — вероятно, я напомнил ему о делах, которые он, несмотря на всю свою моральную стойкость, старается уже забыть.

10 июля 1977 г.: Позвонил Джейк. Он в приподнятом настроении. Без всякого вступления заявил мне: "Как я и говорил тебе, кремация всегда внушает подозрение. Боб Куинн — новобрачный! В общем-то все знали, что у него есть другая семья, женщина с четырьмя детьми, и все — от сквайра Куинна. Он держал их в Эпплтоне, что находится примерно в ста милях отсюда к юго-западу. На прошлой неделе Куинн женился на этой женщине. Привез на ранчо новую жену и весь выводок, гордый собой, как петух. Хуанита перевернулась бы в гробу, если бы у нее был гроб". Ошеломленный быстротой, с какой он излагал новости, я задал глупый вопрос: "Сколько лет детям?" Он ответил: "Старшей — семнадцать, а младшей — десять. Все девочки. И скажу тебе — весь город кипит. Здесь вполне спокойно могут проглотить убийство, и даже несколько убийств не очень-то смутит этих людей, но когда их светлый рыцарь, этот прославленный герой войны появился здесь со своей бесстыжей потаскухой и ее четырьмя ублюдками — это оказалось слишком для пресвитерианской морали". Я сказал: "Мне жаль этих детей и эту женщину". Джейк в ответ изрек: "Я приберегу свои сожаления для Хуаниты. Если бы сохранилось тело, которое можно было бы эксгумировать, я уверен — судебный врач обнаружил бы в нем приличную дозу жидкого никотина". Я сказал, что сомневаюсь в этом. Вряд ли Куинн стал бы причинять зло Хуаните. Она была алкоголичкой, и он пытался ее спасти, он любил ее. Тогда Джейк тихо произнес: "И ты, конечно, считаешь, что он не имеет никакого отношения к несчастному случаю, происшедшему с Адди?" Я ответил ему, что Куинн собирался убить ее и в конце концов сделал бы это, но она утонула. Джейк сказал: "Ну конечно, избавила его от хлопот! О'кей. Объясни же случай с Клемом Андерсоном и с Бакстерами". Я признал: "Да, все это — дело рук Куинна. Он совершил эти преступления, ибо считает себя мессией, призванным выполнить свой долг". Джейк спросил: "Так почему же Куинн дал преспокойно смяться почтмейстеру?" — "В самом деле? — спросил я. — Думаю, что старика Джейгера еще ожидает встреча в Самарре²⁶. Куинн пересечет ему однажды дорогу. Он не успокоится, пока не сделает этого. Он ведь ненормальный, как ты знаешь". Перед тем как повесить трубку, Джейк язвительно спросил: "А ты нормальный?"

15 декабря 1977 г.: Увидел в витрине комиссионного магазина бумажник из черной крокодиловой кожи. Он был в прекрасном состоянии, и на нем стояли инициалы "Д.П.". Я купил его и послал Джейку в подарок к Рождеству, желая заключить с ним мир, поскольку наш последний разговор закончился размолвкой (рассердился он на меня, а не я на него).

²⁶ Эпиграфом к роману Дж. О'Хары "Встреча в Самарре" служит восточная притча (в изложении С. Моэма), в которой рассказывается о том, как человек из Багдада, повстречав на базаре смерть, решает скрыться от нее в Самарре. Но смерть достигает его и там.

22 декабря 1977 г.: Рождественская открытка от верной миссис Коннор: "Я работаю в цирке! Но, конечно, не акробаткой. Я — дежурный администратор. Это почище самой увлекательной игры. Наилучшие пожелания к Новому году".

17 января 1978 г.: Открытка от Джейка с четырьмя кое-как нацарапанными строчками. Лаконично, не слишком сердечно благодарит за бумажник. Я чувствителен к такого рода вешам и писать или звонить ему больше не буду.

20 декабря 1978 г.: Рождественская открытка от Мэрили Коннор только с ее подписью. От Джейка ничего нет.

12 сентября 1979 г.: На прошлой неделе в Нью-Йорке были проездом в Европу (их первое путешествие) Фред Уилсон с женой. Счастливы, как молодожены. Я пригласил их вместе пообедать. Разговор за столом свелся к взволнованному обсуждению предстоящей поездки, но, выбирая десерт, Фред сказал. "Я заметил, что ты ничего не говоришь о Джейке". Я изобразил удивление и между прочим обронил, что не получал ничего от Джейка уже более года. Проницательный Фред спросил меня: "Уж не поссорились ли вы с ним?" Я пожал плечами: "Ничего особенного между нами не произошло, просто мы не всегда одинаково воспринимаем одни и те же факты". Тогда Фред сказал: "У Джейка в последнее время плохо со здоровьем. Эмфизема. В конце этого месяца он уходит в отставку. Дело не мое, конечно, но думаю, было бы хорошо, если бы ты позвонил ему. Он сейчас очень нуждается в дружеской поддержке".

14 сентября 1979 г.: Я всегда останусь благодарен Фреду Уилсону за то, что он помог мне побороть гордость и позвонить Джейку. Мы говорили с ним сегодня утром так, будто общались накануне или за день до того. Никто бы не подумал, что наша дружба прерывалась на какое-то время. Он подтвердил, что уходит в отставку. "Осталось только шестнадцать дней!" Сказал, что собирается жить вместе с сыном в Орегоне. "Но перед этим думаю провести пару дней в мотеле "Прерия". В этом городе у меня кое-какие незаконченные делишки. Хочу выкрасть в суде несколько протоколов для собственного досье. Послушай-ка, а почему бы нам не съездить туда вдвоем? Повидались бы. Я мог бы встретить тебя в Денвере и подвезти до места на машине". Джейку не пришлось меня уговаривать; даже если бы он не пригласил меня, я бы сам предложил ему поехать вместе. Я часто представлял себе наяву или во сне, как снова приезжаю в этот грустный городок, мне хотелось еще раз увидеть Куинна, встретиться и поговорить с ним один на один.

Было второе октября.

В результате Джейк отказался поехать вместе, но одолжил свою машину, и после обеда я сразу же отправился из мотеля "Прерия", чтобы поспеть к назначенному часу на ранчо Б.К. Я вспомнил, как в первый раз проезжал по этим местам: полная луна, заснеженные поля, жестокий холод, коровы, жмущиеся друг к другу, стоящие небольшими группками, струйки пара от их теплого дыхания в ледяном воздухе. Сейчас в октябре пейзаж был прекрасен по-своему: щебенчатое шоссе напоминало темную полоску моря, разделяющую два золотистых континента. По обеим сторонам сверкала обожженная солнцем стерня скошенной пшеницы, переливающаяся под безоблачным небом всеми оттенками желтых красок. Быки горделиво расхаживали по пастбищам, а коровы — и среди них недавно отелившиеся, с молоденькими телятами — пощипывали траву, подремывая на ходу. У въезда на ранчо стояла девочка, опершись о доску, ту самую, на которой были изображены перекрещенные томагавки. Улыбаясь, она сделала мне знак, чтобы я остановился.

ДЕВОЧКА. Привет! Я Нэнси Куинн. Папа послал меня вам навстречу.

Т. К. Спасибо.

НЭНСИ КУИНН (открывая дверцу машины и забираясь в нее). Он ловит рыбу. Я покажу вам где.

(Это была веселая двенадцатилетняя девчонка, осыпанная веснушками с головы до ног, — сорванец со щербатыми зубами. Золотисто-каштановые волосы коротко острижены. На ней был старенький купальный костюм, одно колено перевязано грязным бинтом.)

Т. К. (указывая на повязку). Ушиблась?

НЭНСИ КУИНН. Не... это меня скинула лошадь.

Т. К. Как скинула?

НЭНСИ КУИНН. Скинул Скверный Парень. Это такой противный жеребец. Оттого-то и прозвали его Скверным Парнем. Он сбрасывает с себя всех ребят здесь, на ранчо. Да и взрослых парней тоже. Ну, а я поспорила, что проеду на нем. И проехала. Около двух секунд, точно. А вы приезжали сюда раньше?

Т. К. Приезжал как-то много лет назад. Но это было ночью. Я помню деревянный мост...

НЭНСИ КУИНН. Он вон там.

(Мы проехали по мосту, и я наконец увидел Голубую реку. Но она промелькнула мгновенно, словно птица в полете, — ее скрывала сверкавшая осенними красками листва нависавших над водой деревьев, которые стояли голыми в первое мое посещение.)

Вы бывали когда-нибудь в Эпплтоне?

Т. К. Нет.

НЭНСИ КУИНН. Никогда не бывали? Как странно! Я еще не встречала никого, кто не видел бы Эпплтона.

Т. К. А там есть что-нибудь интересное?

НЭНСИ КУИНН. Да нет. Просто мы жили там. Но здесь мне нравится гораздо больше. Тут ты предоставлена самой себе и делай что, хочешь. Хочешь — лови рыбу, хочешь — стреляй койотов. Папа посулил, что будет выдавать мне по доллару за каждого убитого койота, но когда ему пришлось заплатить более двухсот долларов, он сократил плату до пятидесяти центов за штуку. Ну, да на что мне деньги? Я не похожа на своих сестричек. Те все время торчат перед зеркалом. У меня три сестры, но им здесь не очень-то нравится. Они не терпят лошадей, да и все остальное тоже. У них на уме одни мальчишки. Когда мы жили в Эпплтоне, папа приезжал редко. Примерно раз в неделю. Сестры красили губы, душились, и у них была пропасть дружков. Мама против этого не возражала. Она и сама-то вроде сестер. Страшно любит прихорашиваться. А уж папа строг, так строг. Не позволяет сестрам заводить дружков или красить губы. Как-то раз приехали навестить сестер старые приятели из Эпплтона, так отец встретил их на пороге с дробовиком в руках. Сказал: увидит еще раз здесь — размозжит им голову. Ну и удирали же отсюда эти парни! Девчонки проплакали себе все глаза. А я только посмеивалась в свое удовольствие. Видите ту развилку на дороге? Притормозите-ка там.

(Я остановил машину, и мы оба вышли. Она указала на идущую вниз, между деревьями, темную заросшую тропинку.)

Дальше идите по ней.

Т. К. (внезапно испуганный перспективой остаться в одиночестве). А ты не пойдешь со мной?

НЭНСИ КУИНН. Отец не любит, когда ему кто-нибудь мешает вести деловой разговор.

Т. К. Ну что же, еще раз спасибо за все.

НЭНСИ КУИНН. Не за что!

Она удалилась насвистывая.

В отдельных местах тропинка так заросла, что мне приходилось нагибать ветки, чтобы они не били мне в лицо. Вереск и колючки каких-то незнакомых растений цеплялись за брюки. На вершинах деревьев громко каркали вороны. Мне попался на глаза филин — было странно видеть его днем, он моргал глазами, но сидел неподвижно. В одном месте я чуть было не угодил ногой в осиное гнездо: старый полый пень кишмя кишел черными дикими осами. И повсюду до меня доносился шум реки — негромкое журчание медленно текущей воды. Вдруг на повороте тропинки я увидел реку и Куинна тоже.

На нем был резиновый костюм; высоко в руке он держал, словно дирижерскую палочку, гибкую удочку. Он стоял по пояс в воде, и его непокрытая голова была повернута

ко мне в профиль. В волосах уже не было проседи — они все стали белыми, как та водяная пена, что кружилась вокруг его бедер: Мне вдруг захотелось повернуть назад и бежать прочь — так сильно эта сцена напомнила, мне тот день, когда так похожий на Куинна преподобный Билли-Джо Сноу ожидал моего приближения, стоя по пояс в воде. Я услышал свое имя — Куинн звал меня и, делая мне знаки рукой, брел по воде к берегу.

Мне припомнились молодые быки, гордо разгуливавшие по золотистым полям. Куинн в блестящем от воды резиновом костюме удивительно напоминал их: он был так же полон жизненных сил, так же могуч и опасен, как и они. Если бы не седые волосы, он, казалось, ничуть не постарел, напротив, даже выглядел на несколько лет моложе — пятидесятилетний мужчина в расцвете сил. Он присел, улыбаясь, на скалу и пригласил меня занять место рядом. В руках у него было несколько форелей.

— Вроде бы мелковаты, но есть можно, вкусные.

Я упомянул о Нэнси. Он ухмыльнулся и сказал: "О да, Нэнси — милая девочка". Больше он ничего не прибавил. Не упомянул ни о смерти своей жены, ни о том, что женился снова, видимо считая, что все это и так известно.

Он сказал, что мой звонок удивил его.

— Почему же?

— Не знаю, но я был удивлен. Где вы остановились?

— В мотеле "Прерия". Где же еще?

Помолчав немного, он спросил почти робко:

— Джейк Пеппер с вами?

Я кивнул головой.

— Мне говорили, что он уходит из Бюро.

— Да, собирается перебраться в Орегон.

— Не думаю, что мне когда-нибудь придется снова свидеться с этим старым болваном.

А жаль. Мы могли бы стать друзьями, если бы не его подозрения. Будь он проклят, он даже считает, что я утопил бедняжку Адди Мейсон! — Он засмеялся, но тут же нахмурился. — Я так думаю, что все это — рука Божья. — Он поднял руку, и казалось, что сквозь его растопыренные пальцы река вьется, как черная лента. — Дело Господне. Его воля.

III. РАЗГОВОРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

1. ПОДЁНКА

Сцена : дождливое апрельское утро 1979 года. Я иду по Второй авеню в Нью-Йорке, несу клеенчатую сумку с принадлежностями для уборки, владелица которых, Мэри Санчес, шагает рядом, пытаясь держать зонтик над нами обоими; это нетрудно, поскольку она намного выше меня — за метр восемьдесят.

Мэри Санчес — профессиональная уборщица с почасовой оплатой, пять долларов в час, работает с понедельника по субботу, и обслуживает в среднем двадцать четыре квартиры: обычно клиенты прибегают к ее услугам раз в неделю.

Мэри пятьдесят семь лет, она уроженка маленького городка в Южной Каролине, последние сорок лет "живет на Севере". Муж ее, пуэрториканец, умер прошлым летом. У нее замужняя дочь, которая живет в Сан-Диего, и трое сыновей: один — зубной врач, другой отбывает десять лет за вооруженное ограбление, третий "уехал бог знает куда. На Рождество позвонил — по голосу откуда-то издалека. Я спросила, где ты, Пит? — он не стал говорить. Тогда я сказала: твой папа умер, а он говорит: хорошо, лучше подарка на Рождество ты не могла мне сделать, и я бросила трубку — хлоп, и надеюсь, он больше никогда не позвонит. Плюнул вот так на могилу отца. Конечно, Педро с ребятами был неласков. Да и со мной. Только пил и в кости играл. С негодными женщинами вожжался. Его мертвым нашли на

скамейке в Центральном парке. Между ног почти допитая бутылка "Джека Дениелса" в пакете — пил всегда только самое лучшее. А все равно, Пит не по-людски отнесся — сказать, что рад отцовской смерти? Ведь он отцу жизнью обязан — правильно? И я ему кое-чем обязана. Если бы не Педро, я и сейчас была бы темной баптисткой, пропащей для Господа. Но когда мы поженились — поженились мы в католической церкви, — католическая церковь принесла сияние в мою жизнь, и оно не гаснет и никогда не погаснет, даже когда умру. Я детей вырастила в вере; двое хорошими выросли, и это, считаю, заслуга церкви, а не моя".

Мэри Санчес мускулиста, но с приятным круглым лицом, светлым и гладким; у нее маленький курносый нос и мушка на левой скуле. Она не любит слово "черный" в применении к расе. "Я не черная. Я коричневая. Светло-коричневая цветная женщина. И скажу тебе: я мало знаю цветных, чтобы им нравилось, когда их зовут черными. Может, кому из молодых. Да радикалам этим. Но не людям моих лет и вдвое младше. И даже те, которые вправду черные, они этого тоже не любят. А что плохого в "неграх"? Я негритянка и католичка и говорю об этом с гордостью".

Мы знакомы с 1968 года, и с тех пор она периодически убирает у меня. Она добросовестна и к клиентам относится небезразлично, хотя редко их видит, а некоторых не видела вообще: многие из них — холостые работающие мужчины и женщины, которых не бывает дома, когда она приходит убирать. Они общаются с ней записками: "Мэри, пожалуйста, полейте герань и накормите кошку. Надеюсь, у Вас все благополучно. Глория Скотто".

Однажды я ей сказал, что хотел бы сопровождать ее в течение всего рабочего дня; ну что ж, ответила она, не вижу в этом ничего плохого, и даже будет веселее в компании. "А то бывает одиноко, когда работаешь".

Вот так и получилось, что мы шли с ней вместе в это дождливое апрельское утро. Шли на первую ее уборку — к некоему мистеру Эндрю Траску, жившему па Восточной Семьдесят третьей улице.

Т. К. Черт возьми, что у тебя в этой сумке?

МЭРИ. Ну-ка, дай мне. Не желаю, чтоб ты чертыхался.

Т. К. Нет. Извини. Но она тяжелая.

МЭРИ. Может, из-за утюга.

Т. К. Ты им гладишь одежду? Мне ты никогда не гладила.

МЭРИ. У некоторых ничего в хозяйстве нет. Поэтому и приходится столько тащить. Оставляю им записки: купите то, купите это. А они забывают. Кажется, все мои клиенты думают только о своих неприятностях. Как этот мистер Траск, к кому мы идем. Он у меня уже семь или восемь месяцев, а я его ни разу не видела. Но он сильно пьет, жена его бросила из-за этого, он всюду задолжал, и если, бывало, подойду к телефону, это значит, кто-то хочет с него получить денег. Только теперь и телефон ему отключили.

(Мы подходим к нужному дому, и она достает из наплечной сумки массивное металлическое кольцо с десятком ключей. Дом четырехэтажный, с карликовым лифтом.)

Т. К. (войдя и окинув взглядом жилище Траска — довольно просторную комнату с зеленоватыми стенами, кухонькой-нишей и ванной с неисправным, постоянно текущим унитазом). Хм, понятно, о чем ты говорила. У человека — сложности.

МЭРИ (открывает стеной шкаф с затхлым, прокисшим бельем). Ни одной чистой простыни в доме! А на кровать посмотри. Майонез! Шоколад! Крошки, крошки, жвачка, окурки. Помада! Какая женщина полезет в такую постель? Я неделями не могу сменить ему простыни. Месяцами.

(Она зажигает несколько ламп под скособоченными абажурами и, пока сражается с окружающим беспорядком, я подробнее осматриваю квартиру. Да, вид такой, как будто здесь орудовал грабитель — какие-то ящики комода оставил открытыми, другие закрыл. На комодe фотография в кожаной рамке: плотный, смуглый мачо, буржуазная надменная блондиночка и трое русских улыбающихся детей с неровными зубами, старшему лет

четырнадцать. И еще одна фотография, без рамки, заткнута в угол мутного зеркала: тоже блондинка, но, точно, из другого круга — возможно, подобрал ее в ресторане "Максвеллз плам"; я подумал, что это ее помада на простынях. На полу валяется декабрьский номер журнала "Тру детектив", а в ванной, рядом с бурливым унитазом, кипа журналов с девочками — "Пентхаус", "Хастлер", "Ош"; помимо этого, полное отсутствие культурного оснащения. Зато повсюду сотни пустых водочных бутылок — "мерзавчиков", какие предлагают в самолетах.)

Т. К. Как думаешь, почему он пьет только из этих маленьких?

МЭРИ. Может, денег на большие не хватает. Покупает, что может. У него хорошая работа, если он на ней удержится, но, по-моему, семья из него все вытягивает.

Т. К. А где он работает?

МЭРИ. На самолетах.

Т. К. Тогда понятно. Он их бесплатно получает.

МЭРИ. Да? Как это? Он не стюард. Он пилот.

Т. К. О господи.

(Звонит телефон, глухо, потому что зарыт под скомканным одеялом. Нахмурясь, мыльными от посуды руками Мэри со сноровкой археолога выкапывает его оттуда).

МЭРИ. Верно, его опять подключили. Алло? (Молчание.) Алло?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Кто это?

МЭРИ. Это квартира мистера Траска.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Квартира мистера Траска? (Смех, затем надменно.) С кем я говорю?

МЭРИ. Я прислуга мистера Траска.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Так у мистера Траска прислуга? Миссис Траск не может этим похвастать. Не затруднит ли прислугу мистера Траска сказать мистеру Траску, что миссис Траск хочет с ним поговорить?

МЭРИ. Его нет дома.

МИССИС ТРАСК. Не морочьте мне голову. Дайте ему трубку.

МЭРИ. Не могу, миссис Траск. Он, наверное, летает.

МИССИС ТРАСК (с едкой насмешкой). Летает? Он всегда летает, дорогая. Всегда.

МЭРИ. Я имею в виду, он на работе.

МИССИС ТРАСК. Скажите ему, чтобы позвонил мне, — я у сестры в Нью-Джерси. Чтоб позвонил, как только придет, — если не хочет неприятностей.

МЭРИ. Хорошо. Я оставлю записку. (Кладет трубку.) Злая женщина. Не удивляюсь, что он в таком состоянии. А теперь его уволили. Не знаю, оставил он мне деньги или нет. А, вот они. На холодильнике.

(Поразительно, за час ей удается как-то замаскировать хаос и придать комнате не то чтобы безупречный, но пристойный вид. Она пишет карандашом записку и прислоняет к зеркалу на комод: "Дорогой мистер Траск ваша жена просила вас позвонить ей она у сестры ваша Мэри Санчес". Потом она вздыхает, присаживается на краешек кровати и достает из сумки жестяную коробочку с набором косяков. Выбирает один, вставляет в мундштук, закуривает, глубоко затягиваясь, задерживая в легких дым, с закрытыми глазами. Предлагает и мне курнуть.)

Т. К. Спасибо. Для меня рано.

МЭРИ. Никогда не рано. Все равно, ты попробуй эту. *Mucho cojones*²⁷. Я покупаю у клиентки — хорошая женщина, католичка, замужем за перуанцем. Его родители им присылают. Прямо по почте присылают. Я не до кайфа курю. Только чтобы тоску прогнать. Тяжесть эту. (Она докуривает косяк до конца, так что он почти обжигает ей губы.) Эндрю Траск. Напуганный, бедняга. Может закончить, как Педро. Умрет на скамейке в парке, и

²⁷ Здесь: ядреная (исп.).

всем плевать. Не скажу, что совсем его не любила. Последнее время я что-то всё вспоминаю, как хорошо мы с ним жили вначале, — да, наверное, у большинства людей так, если они когда-то кого-то любили и потеряли: думаешь о хорошем, о том, за что они тебе нравились. Педро в молодости, когда я в него влюбилась, был замечательный танцор — ух как танго танцевал, и румбу, — он и меня научил и утанцовывал так, что с ног валилась. Мы все время ходили в танцзал "Савой". Он был чистенький, опрятный, даже когда запил, ногти всегда подстрижены, отполированы. И стряпал мигом. Этим он зарабатывал — поваром был в баре. Я сказала: ничего хорошего для детей не делал, — нет, завтраки им делал в школу. Разные сэндвичи, заворачивал в пергамент. С ветчиной, арахисовой пастой и джемом, с яичным салатом, с тунцом, и фрукты яблоки, бананы, груши, и термос с теплым молоком и медом. Мне горько подумать, как он там умирал в парке и что я не плакала, когда пришли полицейские и сказали об этом, а я даже не заплакала. А надо было. Полагалось бы. И в зубы ему дать полагалось бы.

Оставлю-ка я свет мистеру Траску. А то придет, в квартире темень, нехорошо.

(Когда мы вышли на улицу, дождь уже перестал, но небо было волглое, и поднялся ветер — он гнал мусор вдоль бордюров и заставлял прохожих хвататься за шляпы. Следующая наша цель была в четырех кварталах — скромный, но современный многоквартирный дом со швейцаром, квартира мисс Эдит Шоу, женщины лет двадцати пяти, редактора в журнале. "Какой-то новый журнал. У нее, наверное, тысяча книг. Но на книжницу не похожа. Девушка здоровая, от молодых людей отбоя нет. Так и мелькают — не может долго жить с одним. Мы с ней даже подружились, потому что... Как-то прихожу, а она больная, белая как смерть. Только что вернулась — младенца убила. Вообще-то я этого не признаю, это против моих убеждений. И говорю ей: почему не выйдешь за него замуж? А дело в том, что она не знала, за кого выходить, не знала, кто папочка. И вообще, меньше всего на свете хотела мужа и ребенка".)

МЭРИ (озирая из открытой двери двухкомнатную квартиру миссис Шоу). Тут дел немного. Пыль стереть. Она сама хорошо управляет. Посмотри, сколько книг у нее. С пола до потолка, форменная библиотека.

(За исключением забитых полок, квартира приятно пустынна. Скандинавская белизна, блеск. Одна антикварная вещь: бюро с подъемной крышкой, а на нем пишущая машинка; в машинку вставлен лист бумаги — я посмотрел, что на нем напечатано:

"За За Габор²⁸.

Ей 305 лет,

Я знаю,

Потому что подсчитала

На ней кольца".

И через три интервала еще:

"Сильвия Плат²⁹,

Терпеть тебя не могу

И твоего проклятого папочку.

Я рада, слышишь,

Рада, что ты сунула голову

В горячую духовку!")

Т. К. Миссис Шоу поэтесса?

МЭРИ. Она вечно что-то пишет. А что я видела — всё как будто под кайфом писано. Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

²⁸ За За Габор — американская актриса, популярная в 1960-1970-х годах.

²⁹ Американская поэтесса Сильвия Плат в стихотворении "Папочка" осудила отца и всё его поколение. Покончила с собой в 1963 году.

(Она ведет меня в ванную, на удивление просторную и сверкающую чистотой. Открывает шкафчик и показывает на лежащий там предмет — розовый пластиковый вибратор в форме средних размеров пениса).

Знаешь, что это?

Т. К. А ты не знаешь?

МЭРИ. Я тебя спрашиваю.

Т. К. Вибратор в виде члена.

МЭРИ. Я знаю, что такое вибратор. Но такого никогда не видела. На нем написано: "Сделано в Японии".

Т. К. А! Да. Азиатские изыски.

МЭРИ. Нехристи. А духи у ней приятные. Если любишь духи. Я только ванилью чуть-чуть за ушами смазываю.

(Мэри принимается за работу: проходится шваброй по натертому полу, обмахивает полки веничком из перьев и по ходу дела нет-нет да и закуривает косяк. Не знаю, сколько "тяжести" ей надобно прогнать, но сам я балдею от одного только аромата.)

МЭРИ. Ты точно не хочешь курнуть? Много теряешь.

Т. К. Ты меня насилуешь.

(И взрослым, и подростком я потягивал крепкие травы, не до такой степени, чтобы впасть в зависимость, однако качество оценить умею и разницу между ординарной мексиканской травой и роскошной контрабандой типа "тайских палочек" или великолепной гавайской "мауи-вауи" знаю. Выкурив один ее косяк, на середине второго я почувствовал себя в объятиях восхитительного демона, во власти безумного, чудесного веселья: демон щекотал мне пальцы ног, скреб зудящие ладони, жарко целовал меня красными сахарными губами, засовывал мне в горло свой огненный язык. Всё искрилось, глаза мои были как трансфокаторы: я мог прочесть заглавия книг на самых верхних полках: "Невротическая личность нашего времени" Карен Хорни; "Эйми" Э. Э. Каммингса; "Четыре квартета"³⁰; собрание стихотворений Роберта Фроста.)

Т. К. Роберта Фроста презираю. Он был злым, эгоистичным мерзавцем.

МЭРИ. Так. Опять начинаем ругаться.

Т. К. С этими своими лохмами. Эгоманьяк, двуличный садист. Замордовал свою семью. Ладно, не всю. Мэри, ты когда-нибудь обсуждала это со своим исповедником?

МЭРИ. С отцом Макхейлом? Что обсуждала?

Т. К. Драгоценный нектар, который мы так упоительно употребляем, моя обожаемая птичка. Информировала ли ты отца Макхейла об этом усладительном занятии?

МЭРИ. Чего он не знает, за то не отвечает. На-ка леденчик. Мятный. С ним курить вкуснее.

(Странно, ее как будто совсем не забирает. А я уже улетел за Венеру, и Юпитер, веселый старик Юпитер, манит из сиреневых ярко-звездных далей. Мэри подошла к телефону и набрала номер; долго ждет ответа и наконец кладет трубку.)

МЭРИ. Нету дома. Вот спасибо. Мистер и миссис Берковиц. Были бы дома, не могла бы тебя взять туда. Потому что они очень надутые евреи. Знал бы ты, до чего они надутые!

Т. К. Евреи. Да, черт возьми. Очень надутые. Их всех надо отправить в музей авионавтики. Всех до одного.

МЭРИ. Я. подумываю отказать мистеру Берковицу. Неприятность в том, что мистер Берковиц — он был по швейной части — ушел на покой, и оба они все время дома. Путаются под ногами. Иногда только уезжают в Гринвич, у них там какой-то дом. А еще почему хочу от них уйти — у них старый попугай, везде пакостит. И глупый! Дурацкий попугай, четыре слова знает: "Боже мой!" и "Ой, вей!" Как приходишь, сразу начинает орать: "Боже мой!" Иногда прямо действует на нервы. Ну что? Выкурим последний и сматываемся отсюда.

³⁰ Стихотворения Т. С. Элиота.

(Дождь опять припустил, и ветер усилился — воздух стал похож на разбитое зеркало. Берковицы жили на Парк-авеню, в районе верхних Восьмидесятых, и я предложил взять такси, но Мэри сказала: нет, что ты за барышня, пешочком дойдем, — и я понял, что она тоже странствует звездными путями, хотя по ней этого не видно. Мы шли медленно, словно это был теплый погожий день с бирюзовым небом и под ногами не твердый, скользкий тротуар, а жемчужный песок карибского пляжа. Парк-авеню не мой любимый бульвар — он полностью лишен шарма; а если бы миссис Ласкер³¹ обсадила его весь тюльпанами, от вокзала Гранд-сентрал до Испанского Гарлема, толку все равно бы не было. Однако там есть дома, которые навевают воспоминания. Мы прошли мимо дома, где прожила последние годы жизни Уилла Кэсер, писательница, которой я бесконечно восхищался. Она жила там со своей компаньонкой Эдит Льюис; я часто сиживал перед их камином, пил сладкий херес "Бристольский крем" и наблюдал, как в спокойных небесно-голубых глазах мисс Кэсер играет огонь камина. На Сорок восьмой улице я узнал многоквартирный дом, где однажды присутствовал на небольшом полуофициальном обеде у сенатора и миссис Джон Ф. Кеннеди, в пору очень молодых и беззаботных. Но несмотря на любезные усилия хозяев, вечер оказался не столь интеллектуально насыщенным, как я предвкушал: когда дам отпустили и мужчины ушли из столовой, чтобы побаловать себя напитками и гаванскими сигарами, один из гостей, модельер со скошенным подбородком, некий Олег Кассини, задавил беседу своим монологом о поездке в Лас-Вегас и мириадах фигуранток, которых он там отсмотрел, об их статях, эротических достоинствах, финансовых запросах — совершенно загипнотизировав аудиторию, причем внимательнее всех, пофыркивая, его слушал будущий президент.

Когда мы дошли до Восемьдесят седьмой улицы, я показал на окно четвертого этажа в доме 1060 по Парк-авеню и сообщил Мэри: "Здесь жила моя мать. Это ее спальня. Она была красивой и очень умной, но не хотела жить. На то было много причин — по крайней мере, она так думала. Но, по сути, всё сводилось к ее мужу, моему отчиму. Он выбился из низов, вполне преуспел, она его боготворила, и он действительно был милым человеком. Но играл, попал в историю, присвоил крупную сумму денег, потерял свое дело, и его ждал Синг-Синг³²".

Мэри покачала головой: "Прямо как мой парень. То же самое".

Мы стоим, смотрим на окно, нас заливают дождь.

"И вот однажды она нарядилась, пригласила гостей на обед; все говорили, как она мило выглядит. Но после обеда, перед тем как лечь спать, она выпила тридцать таблеток секонала и больше не проснулась".

Мэри рассержена, быстро шагает под дождем. "Она не имела права так поступить. Я этого не признаю. Это против моих убеждений".)

ПОПУГАЙ (кричит). Боже мой!

МЭРИ. Слыхал? Что я тебе говорила?

ПОПУГАЙ. Ой, вей! Ой, вей!

(Попугай, сюрреалистический коллаж зеленых, желтых и оранжевых осыпающихся перьев, восседает на жердочке красного дерева в неумолимо официальной гостиной мистера и миссис Берковиц; комната настаивала, что сделана вся из красного дерева: паркет, стенные панели, мебель — дорогая имитация грандиозной мебели какого-то стиля, черт знает какого, может быть, раннего гранд-конкурс. Стулья с прямыми спинками, канапе, которые могли бы стать испытанием для преподавателя осанки. Багровые бархатные шторы на окнах, закрытых несуразными горчичного цвета жалюзи. Над резной, красного дерева каминной полкой в

³¹ Благотворительный фонд Альберта и Мэри Ласкер поддерживал медицинские исследования. Мэри Ласкер уделяла много внимания украшению улиц.

³² Тюрьма в штате Нью-Йорк.

рамке из красного дерева портрет щекастого, землистого мистера Берковица, в наряде английского сквайра, собравшегося на лисью охоту: алый камзол, шелковый галстук, под мышкой рог, под другой хлыст. Не знаю, что представляла собой остальная часть этого нескладного жилища, — я видел только кухню.)

МЭРИ. Ты чего смеешься? Что смешного?

Т. К. Ничего, мой ангел. Это твой перуанский табачок. Я так понимаю, мистер Берковиц — вольтижёр?

ПОПУГАЙ. Ой, вей!

МЭРИ. Заткнись! Пока я тебе башку не свернула к черту.

Т. К. Ага, начинаем сквернословить... (Мэри бурчит и крестится.) У птицы есть имя?

МЭРИ. Угу. Угадай.

Т. К. Полли.

МЭРИ (с искренним удивлением). Как ты догадался?

Т. К. Значит, он девушка.

МЭРИ. Это женское имя — значит, наверное, девушка. Девушка или нет, но стерва. Посмотри, сколько дерьма на полу. А я — убирай.

Т. К. Какие выражения.

ПОЛЛИ. Боже мой!

МЭРИ. Нервы не выдерживают. Надо бы поправиться. (Извлекается жестяная коробочка, косяки, щипчики для косяка, спички.) И посмотрим, не найдется ли чего на кухне. Очень захотелось пожевать.

(Холодильник Берковицев — мечта чревоугодника, рог изобилия, море калорий. Неудивительно, что у хозяина такие щеки. "Это да, — замечает Мэри, — оба жрут, как свиньи. Живот у нее... Как будто сейчас разродится пятерней. А ему все костюмы шьют на заказ — магазинное ничего не налазит. Хм, вкусненькое, я проголодалась. Эти кокосовые пирожки прямо просятся в рот. И кофейный торт — от ломтика не отказалась бы. Можно положить на них мороженое". Вынуты громадные бульонные чашки, Мэри наполняет их кокосовыми пирогами, кусками кофейного торта и накладывает сверху фисташковое мороженое кусками в кулак величиной. С этими яствами возвращаемся в гостиную и набрасываемся на них, как голодные сироты. Ничто так не обостряет аппетит, как трава. Разделались с первой порцией, подымили еще, и Мэри наполняет чашки еще основательнее.)

МЭРИ. Как чувствуешь?

Т. К. Хорошо чувствую.

МЭРИ. Как хорошо?

Т. К. Очень хорошо.

МЭРИ. Нет, скажи точно, что чувствуешь.

Т. К. Я в Австралии.

МЭРИ. Когда-нибудь был в Австрии?

Т. К. Не в Австрии. В Австралии. Не был, но сейчас я там. А все говорят, это скучное место. Много они знают! Самый лучший на свете серфинг. Я на доске, оседлал волну, высокую, как... как...

МЭРИ. Как самолет. Ха-ха.

Т. К. Она из расплавленных изумрудов. Волна. Солнце печет мне спину, брызги солят лицо, а вокруг голодные акулы. "Синяя вода, белая смерть". Потрясающая была картина, а? Голодные белые людоедки кругом, но меня они не беспокоят... честно, мне на них насра...

МЭРИ (глаза расширились от страха). Берегись, акулы! У них страшные зубы. Калекой станешь на всю жизнь. На улицах побираться будешь.

Т. К. Музыка!

МЭРИ. Музыка! Точно! (Шатаясь, как боксер после нокдауна, она подходит к чудищу из красного дерева, до сих пор благополучно ускользавшему от моего внимания, — консоли с телевизором, проигрывателем и радио. Она возится с приемником и наконец находит гулкую музыку с латинским ритмом.)

Бедра ее вращаются, пальцы щелкают, она изящна и вместе с тем раскованна, словно вернулась в чувственную ночь своей молодости и танцует с призрачным партнером, вспомнив старую хореографию. Это волшебство, потому что ее тело сбросило возраст и, послушное барабанам и гитарах, очерчивает собой тончайшие смены ритма; она в трансе, на нее снизошла благодать, как это предположительно бывает со святыми во время видений. Я тоже слышу музыку, она пробирает меня как амфетамин — каждая нота отдается во мне отдельно и ясно, как удары церковного колокола тихим зимним воскресеньем. Я иду к ней, в ее объятия, и мы движемся слитно, смеясь, изгибаясь, и даже когда музыку прерывает диктор, тараторящий по-испански со скоростью кастаньет, мы продолжаем танец, потому что музыка застряла у нас в головах, как мы сами застряли в смехе и друг у друга в объятиях; она все громче, громче, так громко, что мы не слышим, как щелкнул замок, как открылась и закрылась дверь.)

ПОЛЛИ. Боже мой!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Что это? что происходит?

ПОЛЛИ. Ой, вей! Ой, вей!

МЭРИ. А, здравствуйте, миссис Берковиц. И мистер Берковиц. Как поживаете?

(Они всплывают, как надувные Микки — и Минни-Маус на нью-йоркском параде в День благодарения³³. Хотя ничего мышиноного в этой паре нет. Их разъяренные глаза — ее сквозь очки в оправе с блестками — озирают сцену: наши шаловливые усы из мороженого, комнату, наполненную едким запахом марихуаны. Миссис Берковиц подходит к приемнику и выключает радио.)

МИССИС БЕРКОВИЦ. Кто этот человек?

МЭРИ. Я не знала, что вы дома.

МИССИС БЕРКОВИЦ. Как видите. Я вас спрашиваю: кто этот человек?

МЭРИ. Он мой друг. Помогает мне. Сегодня работы много.

МИСТЕР БЕРКОВИЦ. Ты пьяна.

МЭРИ (притворно ласковым голосом). Как это вы говорите?

МИССИС БЕРКОВИЦ. Он сказал, что вы пьяны. Я потрясена. Честно вам скажу.

МЭРИ. Раз уж мы заговорили честно, я вам честно вот что скажу: сегодня я последний день у вас ишачила — я вам отказываю.

МИССИС БЕРКОВИЦ. Вы мне отказываете?

МИСТЕР БЕРКОВИЦ. Вон отсюда! Пока полицию не вызвали.

(Без лишних слов мы собираем наше имущество. Мэри машет попугаю: "Пока Полли. Ты молодец. Хорошая девочка. Я просто шутила". И у двери, где сурово воздвиглись ее бывшие наниматели, она объявляет: "Имейте в виду, я за всю жизнь капли в рот не взяла".

Внизу дождь льет по-прежнему. Мы бредем по Парк-авеню, потом переходим на Лексингтон.)

МЭРИ. Говорила тебе — надутые.

Т. К. В музей их, в музей.

(Но оживление нас покинуло, перуанская листва выветривается, начинается отходняк, доска подо мной уходит под воду, и акулы, если попадутся мне на глаза, испугают до полусмерти.)

МЭРИ. А мне еще к миссис Кронкайт. Но она хорошая, простит меня, если не приду до завтра. Пойду-ка я домой.

Т. К. Давай поймаю тебе такси.

МЭРИ. Терпеть не могу с ними собачиться. Эти таксисты не любят цветных. Даже когда сами цветные. Нет, поеду на метро с Восемьдесят шестой.

(Мэри живет в Бронксе, возле стадиона "Янки"; говорит, что семье в квартире быдо тесно, но теперь она одна, квартира кажется огромной, и ей страшно. "Поставила по три

³³ Этот парад ежегодно устраивает большой универмаг "Мейсис".

замка на каждую дверь, а окна забила гвоздями. Купила бы овчарку, да придется надолго одну оставлять. Я знаю, каково быть одной — собаке этого не пожелаю".)

Т. К. Мэри, поезжай, я заплачу за такси.

МЭРИ. На метро гораздо быстрее. Но я хочу зайти в одно место. Оно тут недалеко.

(Место это — узенькая церквушка, стиснутая между двумя широкими зданиями в переулке. Внутри два коротких ряда скамеек и маленький алтарь, над ним гипсовый распятый Христос. Сумрак полон запахом благовоний и воска. Женщина у алтаря зажигает свечу, и свет ее трепетен, как сон больного духа; в остальном мы здесь единственные молящиеся. Мы стоим на коленях в заднем ряду, и Мэри достаёт из сумки пару четок — "я всегда ношу пару лишних", — одну для себя, другую для меня, хотя я не знаю, как с ними обращаться, никогда не держал их в руках. Мэри шепчет, шевеля губами.)

МЭРИ. Боже. Милостивый. Пожалуйста, помоги мистеру Траску, чтобы он бросил пить и его вернули на работу. Пожалуйста, Господи, не оставь миссис Шоу книжным червем и старой девой; она должна принести в мир Твоих чад. И прошу Тебя, Господи, не забудь моих сыновей, и дочь, и внуков, никого не забудь. И пожалуйста, не позволь родным мистера Смита отправить его в приют — он не хочет туда и все время плачет...

(Список ее многочисленнее бусин в ее четках, и в просьбах ее горячее сияние, как в огоньке алтарной свечи. Она умолкает и оглядывается на меня.)

МЭРИ. Ты молишься?

Т. К. Да.

МЭРИ. Я тебя не слышу.

Т. К. Я молюсь за тебя, Мэри. Хочу, чтобы ты жила вечно.

МЭРИ. За меня не молись. Я уже спасенная. (Она берет меня за руку и держит.) Помолись за мать. Помолись за всех, чьи души заблудились в темноте. Педро, Педро!

2. ЗДРАВСТВУЙ, НЕЗНАКОМЕЦ

Время : декабрь 1977 года.

Место : нью-йоркский ресторан "Четыре времени года".

Человек, пригласивший меня на ланч, Джордж Клакстон, предложил встретиться в полдень и не объяснил, почему назначает такой ранний час. Вскоре, однако, я понял причину: за тот год с лишним, что мы не виделись, Джордж Клакстон, мужчина более или менее воздержанный, превратился в горького пьяницу. Едва мы уселись, как он заказал двойную порцию "Дикой индейки" ("Чистого, пожалуйста, без льда"), а через пятнадцать минут попросил повторить.

Я был удивлен — и не только размерами его жажды. Он прибавил килограммов пятнадцать, пуговицы его жилета в полоску держались в петлях из последних сил, а былой румянец, приобретенный благодаря теннису или регулярным пробежкам, сменился нехорошей бледностью, как будто он только что вышел из тюрьмы. Кроме того, он щеголял в темных очках, и я подумал: какая театральность! Вообразить, чтобы славный простец Джордж Клакстон, надежно окопавшийся на Уолл-стрит, живущий в Гринвиче, или Уэстпорте, или где-то там еще с женой Гертрудой, или Алисой, или как ее там, с тремя, четырьмя или пятью детьми, — вообразить, чтобы этот Джордж глотал одну за одной двойные "индейки" и носил темные очки!

Я с трудом удержался от того, чтобы спросить напрямик: "Слушай, какая чертовщина с тобой приключилась?" И спросил: "Как ты, Джордж?"

ДЖОРДЖ. Прекрасно. Прекрасно. Рождество. Черт. Просто не поспеваю за ним. Не жди от меня открытки. В этом году вообще не посылаю.

Т. К. Правда? У тебя это было вроде обычая — открытки. Семейные сценки, с собаками. А как семья?

ДЖОРДЖ. Растет. Старшая дочь родила второго. Девочку.

Т. К. Поздравляю.

ДЖОРДЖ. Мы хотели мальчика. Если бы родился мальчик, его назвали бы как меня.

Т. К. (думая: "Зачем я здесь? Зачем обедаю с этим занудой? Мне с ним скучно. Всегда было скучно"). А Алиса? Алиса как?

ДЖОРДЖ. Алиса?

Т. К. Я хотел сказать — Гертруда.

ДЖОРДЖ (нахмурясь, ворчливо). Рисует. Ты знаешь, у нас дом на проливе Лонг-Айленд. Свой пляжик. Она весь день сидит взаперти у себя в комнате и пишет красками вид из окна. Лодки.

Т. К. Мило.

ДЖОРДЖ. Не уверен. Она закончила колледж Софии Смит. Гуманитарное отделение. Немного рисовала до того, как мы поженились. Потом забросила. Как будто бы. А теперь все время рисует. Все время. Запершись у себя. Официант, пришлите метрдотеля с меню. А мне еще одно двойное. Без льда.

Т. К. Очень по-английски, а? Чистый виски без льда.

ДЖОРДЖ. Мне нерв удалили. От холодного зуб болит. Знаешь, от кого я получил рождественскую открытку? От Мики Маноло. Помнишь, богатый мальчик из Каракаса? В нашем классе.

(Я, конечно, не помнил Мики Маноло, но кивнул, изобразив "да, да". Я бы и Джорджа Клакстона не помнил, если бы он не отслеживал меня все эти сорок с лишним лет, с тех пор, как мы учились в одной на редкость безобразной частной школе. С этим честным, как доллар, спортивным малым из благополучной пенсильванской семьи у меня не было ничего общего, а союз наш образовался потому, что я писал за него сочинения, а он делал за меня уроки по алгебре и на экзаменах подбрасывал ответы. В результате на меня свалилась сорокалетняя "дружба" с обязательным ланчем раз в год или в два.)

Т. К. В этом ресторане очень редко видишь женщин.

ДЖОРДЖ. Этим он мне и нравится. Не слышишь бабьей болтовни. Здесь приятный мужской дух. Знаешь, я вряд ли буду есть. Жевать больно.

Т. К. Яйца-пашот?

ДЖОРДЖ. Я хочу тебе кое-что рассказать. Может, ты мне что-то посоветуешь.

Т. К. Люди, следовавшие моим советам, обычно об этом жалели. Впрочем...

ДЖОРДЖ. Это началось в июне. Джеффри как раз закончил колледж — это мой младший сын. Была суббота, мы с ним на нашем пляжике красили лодку. Джеф пошел в дом за пивом и бутербродами, и, пока его не было, я вдруг разделся и полез купаться. Вода была еще холодная. До июля в проливе по-настоящему купаться невозможно. Но мне захотелось.

Заплыл довольно далеко, лежу на спине и смотрю на дом. Дом у нас прекрасный: гараж на шесть машин, бассейн, корты — жаль, что нам так и не удалось тебя заманить. В общем, лежу на спине, доволен жизнью и вдруг замечаю в воде бутылку.

Обыкновенная стеклянная бутылка из-под газировки. Кто-то заткнул ее пробкой и запечатал липкой лентой. Но я увидел, что внутри — бумажка, записка. Мне стало смешно. Я занимался этим в детстве — бросал в воду бутылки с записками: "Помогите! Человек пропал в море!"

Я поймал бутылку и поплыл к берегу. Интересно, что там внутри. Это была записка месячной давности, написана девочкой в Ларчмонте. Читаю: "Здравствуй, незнакомец! Меня зовут Линда Райли, мне двенадцать лет. Если ты найдешь это письмо, пожалуйста, напиши мне, где и когда ты его нашел. Если напишешь, я пришлю тебе коробку домашних ирисок".

Штука в том, что когда Джеф вернулся с бутербродами, я ему про бутылку не сказал. Не знаю почему, но не сказал. Теперь жалею. Тогда, может, ничего бы и не случилось. Это был мой маленький секрет, которым мне не хотелось делиться. Шутка.

Т. К. Ты уверен что не хочешь есть? Я возьму только омлет.

ДЖОРДЖ. Ладно, омлет, совсем мягкий.

Т. К. И ты написал этой юной даме, мисс Райли?

ДЖОРДЖ (нерешительно). Да. Да, написал.

Т. К. Что ты написал?

ДЖОРДЖ. В понедельник, когда пришел на работу и полез в портфель, нашел там записку. Говорю "нашел", потому что не помнил, как положил ее туда. И у меня возникла смутная мысль, что хорошо бы послать ей открытку — ну, просто жест вежливости. В тот день у меня был ланч с клиентом, большим любителем мартини. Я за ланчем никогда не пил — да и в другое время не увлекался. А тут выпил два мартини, и, когда вернулся в контору, голова у меня малость кружилась. Вот я сел и написал этой девочке длинное письмо; не надиктовал, а написал от руки, рассказал ей, где я живу и как нашел ее письмо, пожелал ей успехов и написал какую-то глупость насчет того, что, хотя мы и не знакомы, я шлю ей самые теплые дружеские пожелания.

Т. К. Двухкоктельное послание. Но что плохого-то?

ДЖОРДЖ. "Серебряные пули". Это у мартини такое прозвище. "Серебряные пули".

Т. К. А как же омлет? Неужели даже не притронешься?

ДЖОРДЖ. Дьявол! Болят, проклятые.

Т. К. Он вполне хороший. Для ресторанного омлета.

ДЖОРДЖ. Примерно через неделю прибыла большая коробка мягких ирисок. Ко мне в контору. Шоколадные ириски с орехами-пекан. Я пустил ее по кругу, сказал, что сварила дочь. Кто-то из моих ребят говорит: "Как же! Побожиться могу, у нашего Джорджа тайная подружка!"

Т. К. И письмо с ирисками прислала?

ДЖОРДЖ. Нет. Но я написал благодарственную записку. Совсем короткую. Дашь сигарету?

Т. К. Давным-давно бросил.

ДЖОРДЖ. А я только начал. Правда, сам не покупаю. Стреляю иногда. Официант, не принесете пачку сигарет? Все равно какие, только не ментоловые. И еще одну "индюшку", ладно?

Т. К. Я вылью кофе.

ДЖОРДЖ. В ответ на записку получаю письмо. Длинное письмо. Оно меня взбудоражило. Она вложила свою фотокарточку, цветной "поляроид". В купальнике, стоит на берегу. Может, ей и двенадцать лет, но выглядела на шестнадцать. Красивая девочка с черными кудрями и ярко-синими глазами.

Т. К. Тона Гумберта Гумберта³⁴.

ДЖОРДЖ. Кого?

Т. К. Да так. Персонаж из романа.

ДЖОРДЖ. Я не читаю романов. Терпеть не могу читать.

Т. К. Знаю. В конце концов, кто за тебя писал сочинения? Так что тебе написала мисс Линда Райли?

ДЖОРДЖ (помолчав секунд пять). Это было грустное письмо. Трогательное. Писала, что живет в Ларчмонте не очень давно, что у нее нет друзей, что побросала в воду десятки бутылок, но нашел одну и ответил только я. Писала, что она из Висконсина, отец ее умер, у нового мужа матери трое своих дочерей, и все они ее не любят. Письмо было на десяти страницах, без ошибок. Много умных замечаний. Но тон был несчастный. И, по ее словам, она надеется, что я ей еще напишу, и, может быть, сумею приехать в Ларчмонт, и мы где-нибудь встретимся. Тебе не надоело слушать? Если надоело...

Т. К. Нет. Продолжай, пожалуйста.

ДЖОРДЖ. Я сохранил карточку. Положил ее в бумажник. Вместе с фотографиями моих ребят. Понимаешь, из-за письма я стал думать о ней как о своём ребенке. Не мог забыть это письмо. И в тот вечер, когда ехал на поезде домой, я сделал то, чего почти никогда не

³⁴ Герой романа В. Набокова "Лолита".

делаю. Я пошел в салон-вагон, заказал две хорошие порции виски и стал перечитывать письмо, еще и еще. Заучил его, наверное, наизусть. А дома сказал жене, что у меня — неотложная работа. Закрылся у себя и начал писать письмо Линде. Писал до полуночи.

Т. К. И все это время пил?

ДЖОРДЖ (с удивлением). А что?

Т. К. Это могло повлиять на содержание.

ДЖОРДЖ. Да, пил, и письмо получилось, думаю, довольно эмоциональное. Но я, правда, огорчился за девочку. Очень хотелось ей помочь. Написал ей о неприятностях, которые были у моих детей. О прыщах у Гарриет и о том, что у нее никогда не было мальчика. Пока ей не сделали пилинг. И о том, как мне самому несладко приходилось в детстве.

Т. К. Да? Я думал, у тебя была идеальная жизнь идеального американского юноши.

ДЖОРДЖ. Я показывал людям то, что хотел им показывать. Внутри было немного по-другому.

Т. К. Меня ты обманул.

ДЖОРДЖ. Около полуночи в дверь постучалась жена. Спрашивала, не случилось ли чего. Я велел ей идти спать — мне надо закончить срочное деловое письмо, а когда закончу, сразу отвезу его на почту. Она спросила, не потерпит ли оно до утра — уже первый час. Я вышел из себя. За тридцать лет брака могу по пальцам перечесать случаи, когда я ругался с ней. Гертруда чудесная женщина, чудесная. Я люблю ее всей душой. Люблю, черт возьми! А тут на нее закричал: нет, оно не может ждать. Его надо отправить сегодня. Это очень важно.

(Официант принес Джорджу пачку сигарет, уже распечатанную, и сам поднес ему огонь, что было очень кстати: пальцы у Джорджа тряслись, и вряд ли он смог бы без ущерба для себя зажечь спичку.)

Черт возьми, это в самом деле было важно, Я чувствовал, что если не отправлю письмо той же ночью, то уже никогда не отправлю. Может быть, на трезвую голову я решу, что оно слишком чувствительное или еще какое-то. А тут эта несчастная девочка, которая открыла мне душу: каково ей будет, если она не получит от меня ни слова в ответ? Нет. Я сел в машину, приехал к почте и, как только бросил письмо, сунул в ящик, почувствовал такую усталость, что просто не смог ехать домой. Уснул в машине. Когда проснулся, уже рассвело, но жена еще спала и не слышала, как я вошел.

Я едва успевал на поезд; времени оставалось — только побриться и переодеться. Пока я брился, в ванную вошла Гертруда. Она улыбалась, она не вспоминала мою вчерашнюю вспышку. Но в руках у нее был мой бумажник. Она говорит: "Джордж, я хочу увеличить выпускную фотографию Джефа для твоей матери", — и с этими словами начинает перебирать карточки в бумажнике. А я и не думал ничего, пока она вдруг не сказала: "Кто эта девочка?"

Т. К. А это — юная дама из Ларчмонта?

ДЖОРДЖ. Тут бы мне и объяснить, в чем дело. А я... Словом, я сказал, что это дочь одного моего знакомого по электричке. Сказал, что он показывал ее в поезде другим спутникам и забыл на стойке. Вот я и положил ее в бумажник, чтобы отдать ему, когда увидимся.

Garçon, un autre de Wild Turkey, s'il vous plaît³⁵.

Т. К. (официанту). Только на этот раз одинарную.

ДЖОРДЖ (неприятно любезным тоном). Ты хочешь сказать, что я выпил лишнего?

Т. К. Если возвращаешься на работу, — да.

ДЖОРДЖ. Но я не возвращаюсь на работу. Я не был там с начала ноября. Считается, что у меня нервное расстройство. Переутомление. Считается, что я мирно отдыхаю в домашней обстановке и за мной нежно ухаживает преданная жена. Которая заперлась у себя

³⁵ Официант, пожалуйста, еще одну "Дикую индейку" (фр.).

в комнате и пишет картины с лодками. Лодку. Снова и снова все ту же проклятую лодку.

Т. К. Джордж, мне надо в туалет.

ДЖОРДЖ. Ты не сбегаешь от меня? Не сбегаешь от старого школьного друга, который подбрасывал тебе ответы по алгебре?

Т. К. Все равно я провалился! Буду через две минуты.

(Мне не нужно было в туалет; мне нужно было собраться с мыслями. У меня не хватало характера, чтобы удрать и схорониться где-нибудь в тихом кинотеатре, но и к столу возвращаться не хотелось до смерти. Я вымыл руки, причесался. Вошли двое и расположились перед писсуарами. Один сказал: "Этот там набрался. Сперва он даже показался знакомым". Другой ответил: "Не сказать, что незнакомый. Это Джордж Клакстон". — "Брось!" — "Мне ли не знать? Он был моим начальником". — "Господи! Да что с ним?" — "Разное рассказывают". Оба умолкли — должно быть, из уважения ко мне. Я вернулся в зал.)

ДЖОРДЖ. Так ты не сбежал?

(Он как будто немного обмяк и протрезвел. Без особых приключений сумел зажечь спичку и поднести к сигарете.)

Готов дослушать остальное?

Т. К. (молча, ободряющий кивок).

ДЖОРДЖ. Жена ничего не сказала, засунула фото в бумажник, и всё. Я продолжал бриться, но два раза порезался. Давно уже не напивался и забыл, что такое похмелье. Пот, брюхо — чувство было такое, будто гадишь бритвами. Я сунул в портфель бутылку бурбона и, войдя в поезд, отправился напрямик в уборную. Там первым делом порвал фотографию и бросил в унитаз. Потом сел и откупорил бутылку. Поначалу меня чуть не вырвало. И жарко там было; как в пекле. Как в аду. Но понемногу стал успокаиваться и спросил себя: ладно, с чего я так распсиховался? Ведь я не сделал ничего плохого. Но, когда встал, увидел разорванный снимок, плававший в унитазе. Я спустил воду, клочки фотографии — ее лицо, руки, ноги — закружились в водовороте, и у меня закружилась голова: я почувствовал себя убийцей, словно взял нож и зарезал ее.

К тому времени, когда поезд остановился на вокзале, я понял, что не в состоянии совладать с работой, — пошел в Йельский клуб и снял комнату. Позвонил оттуда секретарше и сказал, что должен ехать в Вашингтон, вернусь только завтра. Потом позвонил жене, что возникло срочное дело и я заночую в клубе. Потом лег в постель и решил: просплю весь день — выпью стаканчик, чтобы расслабиться, прогнать мандраж, и усну. Но не смог, не смог, пока не уговорил всю бутылку. Зато уж и поспал! До следующего утра, наверное до десяти.

Т. К. Часов двадцать?

ДЖОРДЖ. Около того. Но когда проснулся, почувствовал себя вполне прилично. В "Йеле" отличный массажист, немец, руки сильные, как у гориллы. Кого угодно поднимет на ноги. Сходил в сауну, потом этот эсэсовский массаж — и под ледяной душ. Я остался в клубе, пообедал. Не пил, но нажрался, скажу, тебе, как удав. Четыре ягнячьих отбивных, две печеные картофелины, пюре из шпината, кукурузный початок, литр молока, два пирога с черникой...

Т. К. Тебе не мешало бы сейчас поесть.

ДЖОРДЖ (рывкнув, с неожиданной грубостью). Заткнись!

Т. К. (Молчание).

ДЖОРДЖ. Извини. Понимаешь, я как бы с собой разговаривал. Как бы забыл, что ты здесь. А твой голос...

Т. К. Понимаю. В общем, ты сытно пообедал и чувствовал себя хорошо.

ДЖОРДЖ. Вот именно. Вот именно. Приговоренный сытно пообедал. Сигарету?

Т. К. Я не курю.

ДЖОРДЖ. Правильно делаешь. Не кури. Я много лет не курил.

Т. К. Давай я тебе зажгу.

ДЖОРДЖ. Благодарю, я вполне способен зажечь спичку без того, чтобы взорвать этот

кабак.

Так на чем мы остановились? А, да, смертник направляется в свою контору, тихий и просветленный.

Была среда, вторая неделя июля, пекло. Я сидел один в кабинете, и вдруг звонит секретарша и говорит, что меня просит к телефону мисс Райли. Я не сразу сообразил и спрашиваю: кто? Что ей надо? Секретарша говорит: по личному вопросу. Тут до меня дошло. Я сказал: "Да-да, соедините".

Слышу: "Мистер Клакстон, это Линда Райли. Я получила ваше письмо. Такого милого письма я никогда не получала. Я чувствую, вы настоящий друг, поэтому и рискнула вам позвонить. Я надеялась, что вы сумеете мне помочь. Потому что у меня неприятность, и, если вы не поможете, тогда не знаю, что мне делать". Нежный девичий голосок, но такой взволнованный, задыхающийся, что я попросил ее говорить помедленнее. "У меня мало времени, мистер Клакстон. Я звоню сверху, а мама в любую минуту может взять трубку внизу. Дело в том, что у меня собака. Джимми. Ему шесть лет, но он резвый, как не знаю кто. Он у меня с тех пор, когда я была маленькой, и, кроме него, у меня никого нет. Он настоящий джентльмен, не представляете, какой симпатичный. А мама собирается его усыпить. Я умру! Просто умру. Мистер Клакстон, пожалуйста, вы можете приехать в Ларчмонт? Я вас встречу у магазина "Сейфуэй" вместе с Джимми, и вы сможете его забрать. Спрячете его где-нибудь, а потом мы придумаем, что делать. Больше не могу говорить. Мама идет по лестнице. Завтра позвоню, как только получится, и назначим день..."

Т. К. И что ты сказал?

ДЖОРДЖ. Ничего. Она положила трубку.

Т. К. Но что сказал бы?

ДЖОРДЖ. Ну, как только она положила трубку, я решил, что, когда перезвонит, я скажу "да". Да, помогу бедной девочке спасти собаку. Это не значит, что я взял бы ее домой. Можно было пристроить ее в питомник или еще куда-нибудь. И если бы всё сложилось иначе, так бы и сделал.

Т. К. Понятно. Она больше не позвонила.

ДЖОРДЖ. Официант, можно еще одну темную? И, пожалуйста, стакан "Перье". Нет, она позвонила. И разговор был короткий: "Мистер Клакстон, извините, я улизнула, звоню от соседей, тороплюсь. Вчера вечером мама нашла письма, те, что вы мне писали. Она ненормальная, и муж ее ненормальный. Они выдумали какие-то ужасные вещи, а утром она сразу увезла Джимми. Больше не могу говорить, может, позже позвоню".

Но больше никаких вестей от нее не было — то есть от нее самой. А через несколько часов мне позвонила жена; думаю, около трех. Она сказала: "Дорогой, приезжай сюда, как только сможешь". Голос у нее был неестественно спокойный, и я понял, что она страшно огорчена. И даже наполовину догадался, из-за чего. Но притворился удивленным, когда она сказала: "Здесь двое полицейских. Один из Ларчмонта, другой местный. Они хотят с тобой поговорить. О чем, не объясняют".

Я не стал связываться с поездом. Нанял лимузин. Знаешь, с баром внутри. Дорога недолгая, чуть больше часа, но я умудрился дернуть порядком "Серебряных пуль". Помогло не очень; я был сильно испуган.

Т. К. Почему, скажи на милость? Ты ничего не сделал. Выступил Добрым Человеком. Дружба по переписке.

ДЖОРДЖ. Если бы все так ладно. И опятно. Короче, когда приехал домой, в гостиной сидели двое полицейских и смотрели телевизор. Жена угощала их кофе. Она хотела выйти из комнаты, но я сказал: нет, останься и послушай, не знаю, что уж там. Оба полицейских были очень молодые и смущались. Как-никак, я богатый человек, заметный член общества, хожу в церковь, отец пятерых детей. Их я не боялся. Гертруду.

Полицейский из Ларчмонта обрисовал ситуацию. От мистера Генри Уилсона и его жены к ним поступила жалоба: их двенадцатилетняя дочь Линда Райли получает письма "сомнительного характера" от пятидесяти-двухлетнего мужчины, а именно от меня, и, если я

не дам удовлетворительных объяснений, они намерены подать в суд.

Я рассмеялся. Я был благодушен, как Санта-Клаус. Рассказал им всё как было. О том, как нашел бутылку. Ответил ей только потому, что люблю шоколадные ириски. Они улыбались, извинялись, шаркали большими ногами и говорили: сами понимаете, у родителей в наши дни бывают самые нелепые идеи. Единственным, кто не воспринял всё это как дурацкую шутку, была Гертруда. Я еще продолжал давать объяснения и даже не заметил, как она вышла из комнаты.

Полицейские уехали. Я знал, где найду ее, — в комнате, в той, где она занимается живописью. На дворе стемнело, она сидела па стуле и смотрела в темноту. Сказала мне: "Этот снимок у тебя в бумажнике. Это она?" Я стал отпираться, и тогда она сказала: "Джордж, прошу тебя, не нужно лгать. Тебе больше не нужно будет лгать. Никогда".

Спать она легла в той комнате. И спит там с тех пор постоянно. Запирается там и пишет лодки. Лодку.

Т. К. Допустим, ты вел себя немного опрометчиво. Но почему такая непреклонность?

ДЖОРДЖ. Я тебе скажу почему. Это был у нас не первый визит полиции.

Семь лет назад вдруг поднялась сильная метель. Я ехал на своей машине и, хотя был недалеко от дому, несколько раз сбился с пути. Спрашивал у людей дорогу. В том числе один раз у ребенка, у девочки. Через несколько дней к нам явились полицейские. Меня не было дома, они говорили с Гертрудой. Сказали, что во время недавней метели человек, по описаниям похожий на меня и ехавший на "бьюике" с моим номером, вышел из машины и обнажился перед девочкой. Завел с ней непристойный разговор. Девочка, по ее словам, записала номер машины на снегу под деревом, и, когда метель кончилась, его еще можно было разобрать. Номер был, действительно, мой, но всё остальное — выдумка. Я убедил Гертруду и убедил полицейских, что девочка либо врет, либо ошиблась с номером.

Но теперь полиция приехала второй раз. По поводу другой девочки.

И теперь моя жена сидит у себя в комнате. Пишет. Потому что не верит мне. Она считает, что девочка, записавшая номер на снегу, говорила правду. Я не виноват. Бог свидетель, детьми клянусь — не виноват. Но жена запирается у себя и смотрит в окно. Она мне не верит. А ты?

(Джордж снял темные очки и протер салфеткой. Теперь я понял, почему он их носит. Не потому, что пожелтевшие белки были испещрены красными прожилками. А потому, что глаза его были похожи на раздробленные призмы. Я никогда не видел столь прочно внедрившейся боли, страдания — как будто нож промахнувшегося хирурга изуродовал его навеки. Это было невыносимо, и, когда он посмотрел на меня, я невольно отвел взгляд.)

Ты мне веришь?

Т. К. (потянувшись через стол и сжав его руку так, словно от этого зависела жизнь). Конечно, Джордж. Конечно, я тебе верю.

3. ПОТАЕННЫЕ САДЫ

Место : площадь Джексон-сквер, названная в честь Эндрю Джексона, — трехсотлетний оазис посреди Французского квартала в Новом Орлеане, скромных размеров парк, над которым высятся серые башни собора Святого Людовика, и, может быть, самые элегантные в Америке многоквартирные дома жилой — комплекс Понталба.

Время : 26 марта 1979 гола, роскошный весенний день. Бугенвиллия стелется по стенам, азалиилезут вверх, торговцы торгуют (арахисом, розами, жареными креветками в бумажных совках), возчики катают в колясках, запряженных лошадьми, судовые гудки гудят неподалеку на Миссисипи, высоко в серебристом воздухе подпрыгивают веселые шарики, привязанные к смеющимся, скачущим детям.

"Ну и носит мальчика по свету", — жаловался мой дядя Бад, коммивояжер, когда ему

удавалось оторваться от "Джин-физа", слезть с качалки на веранде и отправиться в дорогу. Да, мальчика и вправду носит: только за последние несколько месяцев х побывал в Денвере, Шайенне, Бьюте, Солт-Лейк-Сити, Ванкувере, Сиэтле, Портленде, Лос-Анджелесе, Бостоне, Торонто, Вашингтоне, Майами. Но если бы кто спросил, я, наверное, сказал бы — и не покривил душой: "Да нигде я не был, всю зиму просидел в Нью-Йорке".

И все же носит мальчика. Вот я снова на родине, в Новом Орлеане. Загораю на скамейке в парке Джексон-сквер, со школьных лет любимом месте, где можно вытянуть ноги, поглазеть и послушать, позевать, почесаться, помечтать и поговорить с собой. Вы, может быть, из тех, кто с собой не разговаривает. То есть вслух. Может быть, вы думаете, что это занятие для сумасшедших. Я лично думаю, что это здоровое занятие. Ты в компании, никто с тобой не спорит, городи что хочешь, выговаривайся.

Взять, например, вот эти дома Понталба. Затейливые, изящные здания, с кружевными чугунными решетками балконов и жалюзи на окнах. Первые многоквартирные дома, построенные в Соединенных Штатах; в этих высоких, просторных, аристократических комнатах до сих пор обитают родственники первых жильцов. Долгое время я имел зуб на Понталбу. И вот почему. Когда-то, в возрасте лет девятнадцати или около того, у меня была квартирka в нескольких кварталах отсюда, на Ройал-стрит, запущенная тараканья квартирka, сотрясавшаяся в судорогах всякий раз, когда по узкой улице внизу с лязгом проезжал трамвай. Она не отапливалась: зимой страшно было вылезти из постели, волглым летом ты будто плавал в теплом курином бульоне. Меня не оставляли фантазии о том, как в один прекрасный день я перееду из этой дыры в небесные чертоги Понталбы. Но если бы это и было мне по карману, я бы все равно никогда туда не попал. Получить там квартиру можно, только если умер жилец и завещал ее вам; а так, если квартира освобождается, Новый Орлеан обыкновенно предлагает ее кому-нибудь из своих выдающихся граждан по весьма условной цене.

По этой площади ходило много роковых господ. Пираты. Сам Лафитт³⁶. Бонни Паркер и Клайд Барроу. Хьюи Лонг³⁷. Прогуливалась под алым зонтиком Графиня Вилли Пьяцца, содержательница одного из шикарнейших *maisons de plaisir*³⁸ в квартале красных фонарей; дом ее славился экзотическим десертом — свежими вишнями, сваренными в сливках, приправленными абсентом и подаваемыми в вагине возлежащей красотики-квартиронки. И другая дама, совсем не похожая на Графиню Вилли: Энни Кристмас, хозяйка грузового баркаса, ростом в два метра десять, — люди частенько видели, как она несет под мышками два трехпудовых бочонка с мукой. И Джим Буи³⁹. И мистер Недди Фландерс, элегантный джентльмен восьмидесяти или девяноста лет, который до недавнего времени каждый вечер приходил на площадь и, подыгрывая себе на губной гармонике, с полуночи до рассвета бил чечетку с марионеточной легкостью и проворством. *Титы*. Я мог бы перечислить не одну сотню.

Ой-ой. Что я слышу? Неприятность. Свара. Мужчина и женщина, цветные; мужчина плотный, с бычьей шеей, стильно подстриженный, но с вялыми манерами; она — худая, лимонного цвета, визгливая, но почти хорошенькая.

ОНА. Козел. Что значит — зажала? Ничего я не зажала. Козел.

ОН. Заткнись. Я тебя видел. Я считал. Три мужика. Шестьдесят долларов. Ты должна

³⁶ Жан Лафитт (ок. 1780–1825) — французский капер.

³⁷ Хьюи Лонг (1893–1935) — американский политик, популист, губернатор Луизианы, позже сенатор США.

³⁸ Бук.: дом удовольствий (фр.).

³⁹ Джим Буи (1796–1836) — американский военный пионер.

мне тридцать.

ОНА. Чтоб тебе сдохнуть, ниггер. Так бы и отрезала тебе ухо бритвой. Печень бы тебе вырезать и кошкам скормить. Глаза тебе скипидаром выжечь. Слышишь, ниггер? Только скажи еще раз, что вру.

ОН (умасливает). Золотко...

ОНА. *Золотко*. Я тебе позолочу.

ОН. Мисс Миртл. Что я видел, то я видел.

ОНА (медленно, со змеиной растяжкой). Урод. Черный выродок. У тебя и матери не было. Из собачьей жопы родился.

(Дает ему оплеуху. Сильную. Поворачивается и уходит с высоко поднятой головой. Он не идет за ней — стоит и трет щеку.)

Я гляжу на весеннюю беготню детей с шариками, вижу, как они жадно окружают ручную тележку торговца с лакомством под названием "Сладкий роток" — струганый лед, политый радужно-яркими сиропами. Вдруг вспоминаю, что сам проголодался и хочу пить. Подумываю, не пойти ли на Французский рынок, поесть румяных пончиков, выпить вкусного горького кофе с цикорием, который умеют варить только в Новом Орлеане. Это самое лучшее из меню "У Антуана" — ресторан, кстати, паршивый. Как и большинство здешних знаменитых едален. У Галлатуара неплохо, но всегда битком; столы там не бронируют, надо долго стоять в очереди, а оно того не стоит, по крайней мере на мой вкус. И только я решил пойти на рынок, как меня отвлекают. Если я что ненавижу — это когда люди подкрадываются сзади и говорят...

ГОЛОС (хрипловато-пропитой и мужественный, хотя женский). Угадай с двух раз. (Молчание.) Ну, Жокей. Ты же знаешь, это я. (Молчание; потом убирает ладони с моих глаз и, с некоторым раздражением.) Жокей, ты что же, не понял, что это я? Джунбаг?

Т. К. Не может быть! Большая Джунбаг Джонсон! Comment ça va?⁴⁰

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН (с веселым смехом): Сова, сова. К чему подробности? Встань, малыш. Обними старуху Джунбаг. Ох и тощий же. Как в те года, когда мы познакомились. Сколько ты вешишь, Жокей?

Т. К. Пятьдесят шесть. Пятьдесят шесть с половиной.

(Обнять ее трудновато — она весит вдвое больше. Мы знакомы уже сорок лет — с той поры, когда я жил в унылой квартире на Ройал-стрит и частенько заглядывал в ее заведение — шумный портовый бар, где она хозяйничает по сей день. Будь у нее розовые глаза, она сошла бы за альбиноса — кожа у нее белая, как лилия, и такого же цвета курчавые редкие волосы. [Как-то она сказала мне, что поседела за одну ночь, когда ей не было шестнадцати. Я переспросил: "За одну ночь?" — "Да, из-за американских горок и балды Эда Дженкинса. Одно за другим подряд. Как-то вечером мы прокатились на американских горках у озера и сели в последнюю тележку. Она отцепилась, взбесилась, мы чуть не слетели к черту с рельсов, а наутро у меня появилась седина. А через неделю случилось это дело со знакомым парнем, Эдом Дженкинсом. Подруга мне сказала, со слов брата, что такой большой балды, как у Эда, свет не видывал. Эд был симпатичный парень, но тошенький и ростом не намного выше тебя, — я не поверила. И вот как-то говорю ему в шутку: "Эд Дженкинс, я слышала, у тебя огромная балда". — "Ага, — он говорит, — я тебе покажу". И показал; я вскрикнула, и он говорит: "А теперь я ее в тебя засуну". Я ему: "Нет, не смей!" — она была здоровенная, как детская ручка с яблоком. Боже милостивый! Но он засунул. После жуткой борьбы. А я была девушкой. Ну, вроде того. Почти что. Так что можешь себе представить. И очень скоро я стала седая, как ведьма".]

Дж. Дж. одевается как портовый грузчик: комбинезон, мужские синие рубашки с

⁴⁰ Как поживаете? (фр.)

закатанными рукавами, рабочие ботинки и никакой косметики, чтобы подцветить бледность. При этом, при всей своей приземленности, она женственна и полна достоинства. И душится дорогими парижскими духами, которые покупает в "Maison Blanche" на Канал-стрит. И у нее роскошная златозубая улыбка — как радостный солнечный проблеск после холодного дождя. Вам бы она, наверное, понравилась, как и большинству людей. Не нравится она конкурентам, владельцам других прибрежных баров, потому что у нее популярное заведение, пусть и малоизвестное за пределами портового района. У нее три помещения: собственно бар с колоссальной цинковой стойкой, бильярдная комната с тремя столами и выгородка с музыкальным автоматом — для танцев. Открыто круглые сутки и полно народу, что на рассвете, что в сумерки. Ходят туда, конечно, матросы и докеры, ходят фермеры, привезшие свой товар из соседних округов на Французский рынок, и пожарные, и полицейские, и шулера с холодными глазами, и шлюхи с еще более холодными, а перед восходом солнца в бар стекаются разнообразные артисты из туристских ночных клубов. Топлес-танцовщицы, стриптизерши, трансвеститы, поблядушки, официанты, бармены, охрипшие швейцары-зазывалы, всю ночь заманивавшие лохов и вахлаков в шалманы *Vieux carré*⁴¹.

Что до "Жокея", то этим прозвищем я обязан Джинджеру Бреннану. Сорок с лишним лет назад Джинджер работал за стойкой в ночном кафе-пончиковой на Французском рынке — теперь этого кафе нет, а самого Джинджера давно убило молнией, когда он удил с пристани на озере Понтчартрейн. Короче говоря, я услышал, как другой посетитель спрашивает у Джинджера, кто этот "шкет" там, в углу, и Джинджер, патологический враль, упокой, Господи, его душу, объясняет ему, что я профессиональный жокей: "Он классный наездник". Звучало правдоподобно — я был мал ростом, легковес и вполне мог изображать жокея. И надо сказать, приохотился к этой фантазии: мне понравилось, что люди принимают меня за тертого ипподромного жучка. Я стал читать "Рейсинг форм" и овладел жаргоном. Пошла молва, и не успел я глазом моргнуть, как все стали звать меня Жокеем и спрашивать совета насчет ставок.)

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Я сама похудела. Килограммов на двадцать. Как вышла замуж, стала худеть. Большинству баб стоит только надеть кольцо, и начинают пухнуть. А я, когда подцепила Джима, была такая счастливая, что перестала грабить холодильник. От тоски — вот от чего жиреешь.

Т. К. Джунбаг Джонсон замужем? Никто мне об этом не написал. Я думал, ты закоренелая холостячка.

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Может девушка передумать? Когда я пережила этот случай с Эдом Дженкинсом, выбросила это страшилище из башки, я стала равнодушна к мужчинам. Конечно, на это ушли годы.

Т. К. Джим? Так его зовут?

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Джим О'Рейлли. Но не ирландец. Он из Плакмина, у него в родне большинство каджуны⁴². Не знаю даже, настоящая ли у него фамилия. Я многого о нем не знаю. Он, как бы тебе сказать, — тихий.

Т. К. Но мужчина ничего себе. Раз тебя зацепил.

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН (вращая глазами). Малыш, к чему подробности?

Т. К. (со смехом). Это одна из тех черт, которые мне больше всего в тебе запомнились. О чем бы с тобой ни заговорили, хоть о погоде или еще о чем, ты всегда говорила: "Родном мой, к чему подробности?"

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. А что? Ответ всегда подходящий, правда?

⁴¹ *Vieux carré* — Французский квартал, старинный квартал Нового Орлеана, где расположены главные достопримечательности города.

⁴² Каджуны — потомки канадских французов, переселившихся в Луизиану.

(Надо бы упомянуть еще об одном: у нее бруклинский выговор. Кажется, странно, а на самом деле — нет. Половина народа в Новом Орлеане говорит совсем не по-южному — закроешь глаза и, кажется, слушаешь таксиста из Бенсонхерста⁴³. Явление это объясняют тем, что в городе распространилась манера речи, присущая жителям "Ирландского канала" — района, преимущественно населенного потомками иммигрантов с Изумрудного острова.)

Т. К. И давно ты миссис О'Рейлли?

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. В июле будет три года. По правде говоря, у меня не было выбора. Я сильно растерялась. Он намного моложе меня — может, лет на двадцать. И собой хорош, боже мой. Смерть девицам. Но по мне с ума сходил, ходил по пятам, каждую минуту умолял округиться, говорил, что бросится с набережной, если не соглашусь. И каждый день подарок. Один раз жемчужные серьги. Из натурального жемчуга. Я их куснула, они не треснули. И целый выводок котят. Он не знал, что от кошек я чихаю и глаза воспаляются. Все меня предупреждали, что он польстился только на мои деньги. Иначе зачем такому красавчику старая карга, как я? Но, похоже, напрасно они опасались: у него очень хорошая работа в пароходной компании "Стрекфас". Говорили, что он на мели и у него проблемы с Редом Тибо, с Амброзом Баттерфилдом и другими игроками. Я его спросила, он сказал — вранье. Хотя могло быть и правдой, я много чего о нем не знала, да и теперь не знаю. Одно знаю — он ни цента ни разу у меня не попросил. Я была в растерянности. И пошла к Огюстине Жене. Помнишь мадам Жене? С духами разговаривала? Я услышала, что она при смерти, и сразу кинулась к ней. И вправду, она отходила. Сто лет, ни днем меньше, слепая, как крот, и шепчет еле слышно. Но сказала мне: выходи за этого человека, он хороший человек, с ним ты будешь счастлива — выходи за него, обещаю, что выйдешь. Я и пообещала. Вот почему у меня не было выбора. Не могла я нарушить обещание, если дала его даме на смертном одре. И так я рада, что не нарушила. *Счастлива*. Я счастливая женщина. Хоть и чихаю из-за кошек. А ты, Жокей? Как тебе живется?

Т.К. По-всякому.

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Когда ты последний раз был на Марди-Гра?⁴⁴

Т. К. (отвечаю неохотно — не хочется будить воспоминания о Марди-Гра. Меня этот праздник никогда не радовал: улицы кишат пьяными буйными людьми в саванах и жутких масках; в детстве после этих свалок мне каждый раз снились кошмары). С детства не был. Я всегда терялся в толпе. Последний раз, когда потерялся, меня отвели в полицию. Проплакал там всю ночь, пока меня мать разыскивала.

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Проклятая полиция! Знаешь, в этом году отменили парад, потому что полиция бастовала. Представляешь, забастовать в такое время? Городу это обошлось в миллионы. Шантаж — вот как это называется. У меня хорошие друзья в полиции, хорошие клиенты. Но все они жулье, вся шайка. Никогда не уважала наших законников. А уж после того, что они вытворляли с мистером Шоу, я вообще их знать не хочу. Их так называемый окружной прокурор Джим Гаррисон. Жалкий негодяй. Надеюсь, дьявол поджаривает его на вертеле. Да как же иначе? Жаль только, мистер Шоу этого не увидит. С небес — а я знаю, что он там, — мистеру Шоу не видно, как он жарится в аду.

(Дж. Дж. говорит о Клее Шоу, вежливом, интеллигентном архитекторе, чьими стараниями прекрасно отреставрировано многое в Новом Орлеане. Воинственный, свихнувшийся на рекламе прокурор Джеймс Гаррисон обвинил Шоу в том, что он был центральной фигурой в заговоре против президента Кеннеди. Шоу дважды предстал перед судом по этому вымышленному обвинению. Оба раза был полностью оправдан, но за время процесса почти разорился, потерял здоровье и несколько лет назад умер.)

⁴³ Бенсонхерст — район на юге Бруклина.

⁴⁴ Марди-Гра — вторник Масляной недели, праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы — с карнавалом, шествиями ("парадами") и балами.

Т. К. После второго суда Клей написал мне: "Я всегда считал, что страдаю легкой паранойей, но, пережив это, убедился, что никогда параноиком не был и никогда уже не буду".

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Что такое паранойя?

Т. К. Ну... Да вздор. Паранойя — ничто. Пока не относишься к ней всерьез.

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Жалко мне мистера Шоу. Пока тянулись его неприятности, был верный способ определить, кто у нас в городе джентльмен, а кто — нет. Порядочный человек при встрече с ним дотрагивался до шляпы, а прохвост в упор его не видел. (Со смешком.) Мистер Шоу был такой забавник. Если придет ко мне в бар, обязательно рассмешит. Ты слышал его анекдот про Джесси Джеймса? Как-то раз Джесси Джеймс грабил поезд на Западе. Врывается со своей бандой в вагон и кричит: "Руки вверх! Будем грабить всех женщин и насиловать всех мужчин". Один пассажир спрашивает: "Вы не перепутали, сэр? Вы хотели сказать — грабить мужчин и насиловать женщин?" А там сидит маленький симпатичный педик и говорит: "Не лезь не в свое дело! Мистер Джеймс сам знает, как грабить поезд".

(Два... три... четыре... — бьет колокол на соборе Святого Людовика... — пять... шесть... Звон торжествен: словно позолоченный баритон повествует о происшествиях древности, звон важно наплывает на парк вместе с сумерками; с музыкой его сливается смешливая болтовня, жизнерадостные прощальные крики детей с шариками и клейкими от сладостей ртами, и одинокий, скорбный, далекий гудок парохода, и звон колокольчиков на тележке торговца сладким льдом. Джунбаг Джонсон картинно сверяется со своим большим уродливым "ролексом".)

ДЖУНБАГ ДЖОНСОН. Господи спаси. Мне уже на полпути к дому надо быть. Джиму ровно в семь подать ужин, он ничьей стряпни, кроме моей, не признает. Хотя стряпуха из меня — как свисток из куриной гузки. Умею только пиво наливать. Ой, черт, вылетело из головы: мне сегодня ночь работать в баре. Теперь я обычно работаю днем, а остальное время — Ирма. Но у нее один мальчик заболел, и она хочет оставаться дома. Я забыла тебе сказать: у меня теперь компаньонка, молодая вдова, веселая, но работающая. У них была птицеферма. Муж вдруг умер и оставил ее с пятью мальчишками, двое — близнецы, а самой еще тридцати нет. Кое-как перебивалась там одна, растила кур, сворачивала им шеи и возила сюда на рынок в грузовике. Все сама. А сама-то — пигалица. Но фигурка завлекательная, и волосы соломенные, натуральные, курчавые, как у меня. Могла бы поехать в Атлантик-Сити и выиграть конкурс красоты, если бы не была косая. Она такая косая, что даже не поймешь, на кого и куда смотрит. Стала заходить ко мне в бар с другими фермершами-шоферками. Поначалу я решила, что тоже лесбиянка, как большинство этих шоферок. Но ошиблась. К мужчинам равнодушна, и они ее обожают, косая, не косая. По правде сказать, мой тоже на нее поглядывает — я его этим дразню, а он *таак* бесится. Но если хочешь знать, сдается мне, что у нее тоже звоночек звенит, когда он рядом. Тут не ошибешься, на кого она смотрит. Ну, мне не вечно жить, — а умру, захотят сойтись, я не против. Я своего счастья отведала. И знаю, Ирма будет заботиться о Джиме. Она чудная девочка. Потому я и уговорила ее работать со мной. Слушай, Жокей, я очень рада, что мы встретились. Заходи попозже. Нам ведь есть что обсудить. А сейчас пора старухе восвояси.

Шесть... шесть... шесть — голос колокола мешкает в зеленеющем воздухе, дрожа, оседает в сон истории.

Некоторые города, как завернутые коробки под рождественской елкой, хранят в себе неожиданные дары, нечаянные радости. Некоторые — навсегда останутся завернутыми коробочками, хранилищами загадок, которых не разгадать и даже не увидеть праздному туристу, да если на то пошло, и самому любознательному, пытливому путешественнику. Чтобы узнать эти города — развернуть их обертку, — надо в них родиться. Такова Венеция. После октября, когда адриатический ветер выметет последнего американца и даже последнего немца, унесет их прочь и вслед им сдует их багаж, является другая Венеция, лига

венетийских *élégants*: хрупкие герцоги в расшитых жилетах, сухопарые графини, опирающиеся на руку бледного долгоязого племянника, — создания из Джеймса, романтики Д'Аннунцио, которым в голову не придет покинуть розовато-серую сень своих палатццо летним днем, когда всюду кишат иностранцы, — они выходят кормить голубей, прогуливаются под аркадами площади Сан-Марко, пьют чай у "Даньели" ("Гритти" закрылся до весны) и, самое удивительное, потягивают мартини и жуют сэндвичи с жареным сыром в "Американском баре Гарри", еще недавно водопое трансальпийских и заморских горластых орд.

Фес — еще один загадочный город, ведущий двойную жизнь, и Бостон — еще один: мы все понимаем, что за лощеными фасадами и фиолетовыми стеклами эркеров на Луисберг-сквер совершаются интригующие племенные ритуалы, но за исключением того, что соизволили разгласить избранные бостонские литераторы, ничего не знаем об этих вековых ритуалах и не узнаем никогда. И все же из всех потаенных городов Новый Орлеан, мне кажется, самый потаенный. Господство крутых стен, непроницаемой листвы, высоких запертых ворот, оконных ставен, растительных туннелей в заросшие сады, где мимозы соперничают цветом с камелиями, по пальмовым листьям пробежка ящериц, стреляющих раздвоенными языками, — все это не случайный декор, но архитектура, нарочно созданная для того, чтобы закамуфлировать, скрыть под маской, как на карнавале Марди-Гра, кто родился жить среди этих зданий-убежищ: два кузена, у которых еще сотня кузенов, опутавших город сложно переплетенной сетью родственных уз, шепчутся, сидя под инжиром возле фонтанчика, нежно льющего прохладу и их потаенный сад.

Играет рояль. Я не могу понять где: сильные пальцы шагают по клавишам — бас-аккорд, бас-аккорд — и голос: "Я хочу, я хочу..." Поет негр, хорошо поет: "Я хочу, я хочу маму, большую толстую маму, чтобы на ней дрожало мясо, да!"

Шаги. Стук высоких каблуков приближается и замирает около меня. Это она — светло-желтая, почти хорошенькая, которая давеча лаялась со своим "менеджером". Она улыбается и подмигивает мне, сперва одним глазом, потом другим, и голос у нее уже не злой. На слух он — как банан на вкус.

ОНА. Что поделываешь?

Т. К. Отдыхаю.

ОНА. Как у тебя со временем?

Т. К. Дай сообразить. По-моему, часом шесть, начало седьмого.

ОНА. Нет. Свободное время есть? У меня тут рядом квартира.

Т. К. Не думаю. Не сегодня.

ОНА. Ты симпатичный.

Т. К. У каждого есть право на собственное мнение.

ОНА. Я с тобой не заигрываю. Правду говорю. Ты симпатичный.

Т. К. Ну, спасибо.

ОНА. Смотрю, ты скучаешь. Пойдем. Хорошо проведешь время. Развлечемся.

Т. К. Не думаю.

ОНА. В чем дело? Я тебе не нравлюсь?

Т. К. Нет, ты мне нравишься.

ОНА. Так почему нет? Скажи мне причину.

Т. К. Причин много.

ОНА. Ладно. Скажи одну, одну хотя бы.

Т. К. Ах, детка, к чему подробности?

4. ОТОРВАЛСЯ

Время : ноябрь 1970 года.

Место : Международный аэропорт Лос-Анджелеса.

Я сижу в телефонной будке. Утро, начало двенадцатого, и я сижу здесь уже полчаса, делая вид, что звоню. Из будки мне виден выход 38 к самолету компании TWA, который в полдень отправится беспосадочным рейсом в Нью-Йорк. У меня куплен билет на вымышленное имя, но есть все основания сомневаться, что я смогу сесть в самолет. Вон первых, у выхода стоят два высоких мужчины в шляпах с заломленными полями, и обоих я знаю. Это детективы из полицейского управления Сан-Диего, и у них ордер на мой арест. Вот почему я прячусь в телефонной будке. Я попал в переplet.

А причиной тому был ряд бесед в камере смертников тюрьмы Сан-Квентин — с Робертом М., худеньким, хрупким, безобидного вида молодым человеком, приговоренным к казни за убийство трех человек — матери и сестры, которых он избил до смерти, и одного заключенного, задушенного им, пока он ожидал суда за первые два убийства. Роберт М. был умным психопатом; я довольно хорошо узнал его, и он откровенно рассказывал мне о своей жизни и преступлениях. Мы условились, что писать об этом или кому-нибудь пересказывать его историю я не буду. Я в это время собирал материал о людях, совершивших несколько убийств, и Роберт М. был очередным пополнением моих папок. Для меня на этом дело и закончилось.

Потом, за два месяца до моего заключения в душной телефонной будке лос-анджелесского аэропорта, мне позвонил детектив из полицейского управления Сан-Диего. Он позвонил мне в Палм-Спрингс, где у меня был дом. Говорил вежливо, приятным голосом: он знает — о том, что я много раз беседовал с осужденными убийцами, и хотел бы задать мне несколько вопросов. Я пригласил его приехать в Спрингс на следующий день и вместе со мной отобедать.

Джентльмен приехал не один, а еще с тремя детективами из Сан-Диего. И хотя Сан-Диего расположен глубоко в пустыне, на меня вдруг пахнуло болотом. Тем не менее я сделал вид, что несколько не удивлен появлением четырех гостей вместо одного. Но мое гостеприимство их не интересовало, они даже обедать отказались. Единственное, чего они хотели, — поговорить о Роберте М. Насколько хорошо я его знаю? Признавался ли он мне в каких-либо убийствах? Есть ли у меня записи наших бесед? Я выслушивал их вопросы, а от ответов уклонялся и в конце концов сам задал вопрос: почему они так интересуются моим знакомством с Робертом М.?

Причина была такая: из-за некоторых юридических формальностей федеральный суд отменил приговор Роберту М. и приказал штату Калифорния провести новый процесс. Процесс был назначен на конец ноября — другими словами, он должен был начаться примерно через два месяца. Сообщив эти факты, один из детективов вручил мне тоненький, но чрезвычайно официальный с виду документ. Это была повестка с требованием явиться в суд, вероятно в качестве свидетеля обвинения. Так они надули меня, и я был зол, как черт, однако улыбнулся и кивнул, и они улыбнулись и стали говорить, какой я молодец и как они благодарны мне за то, что мои показания помогут отправить Роберта М. прямехонько в газовую камеру. Сумасшедший убийца! Они посмеялись и попрощались: "Увидимся в суде".

Я не собирался являться в суд, хотя знал, каковы будут последствия: меня арестуют за неуважение к суду, оштрафуют и посадят в тюрьму. Я был невысокого мнения о Роберте М. и не имел ни малейшего желания его защищать; я знал, что он совершил три убийства, в которых его обвиняют, и что он опасный психопат, которого ни в коем случае нельзя выпускать на свободу. Но я также знал, что у штата больше чем достаточно надежных улик, чтобы заново приговорить его без моих показаний. А самое главное — Роберт М. доверился мне после моего клятвенного обещания, что я не воспользуюсь этим и не разглашу того, что он мне рассказал. Предать его в таких обстоятельствах было бы низостью и доказало бы Роберту М. и многим подобным ему, которых я расспрашивал, что они доверились полицейскому информатору, проще говоря, стукачу.

Я посоветовался с несколькими адвокатами. Все сказали одно и то же: явиться в суд или ждать самого худшего. Все сочувствовали моему затруднению, но никакого решения не

видели — разве только уехать из Калифорнии. Неуважение к суду — преступление, не влекущее за собой выдачу преступника штату: поэтому, если я уеду из Калифорнии, власти никак не смогут меня наказать. Да, только одна малость: я никогда не смогу вернуться в Калифорнию. Я не считал это таким уж большим лишением, хотя из-за разных проблем с имуществом и профессиональных обязательств столь поспешный отъезд представлялся затруднительным.

Я не следил за временем и просидел в Палм-Спрингс до того дня, когда начался процесс. Утром моя домоправительница и преданный друг Миртл Беннет вбежала в дом с криком: "Торопитесь! Уже по радио передали. Там ордер на ваш арест. Они придут с минуты на минуту".

На самом деле двадцать минут прошло, прежде чем явилась полиция Сан-Диего — большими силами, с наручниками наготове (явный перебор, но, можете поверить, калифорнийская полиция — учреждение, с которым шутки плохи). И хотя они разорили сад и обшарили дом с носа до кормы, найти им удалось только мою машину в гараже да миссис Беннет в гостиной. Она им сказала, что я уехал вчера в Нью-Йорк. Они не поверили, но миссис Беннет была известным и важным человеком в Палм-Спрингс — черная женщина, вот уже сорок лет пользовавшаяся здесь политическим влиянием, — и они не стали расспрашивать ее дальше. Они просто объявили меня в розыск.

А где был я? Я ехал по шоссе в старом, порохового цвета "шевроле" миссис Беннет — в автомобиле, который не мог делать 80 километров в час уже в тот день, когда она его купила. Но мы решили, что в ее машине мне будет безопаснее, чем в своей. Это не значит, что я мог чувствовать себя в безопасности где бы то ни было; я дергался, как вытасенная рыба с крючком в губе. Доехав до Палм-Дезерта, расположенного километрах в пятидесяти от Палм-Спрингс, я свернул с шоссе на пустынную, извилистую кособокую дорожку, которая ведет из пустыни в горы Сан-Хасинто. В пустыне было жарко, градусов сорок, но по мере того, как я поднимался в безлюдные горы, становилось прохладно, потом холодно, потом еще холоднее. Всё бы ничего, но печка в старом "шевроле" не работала, а на мне надето было только то, в чем меня застало паническое сообщение миссис Беннет: сандалии, белые полотняные брюки и легкий джемпер. Уехал я с тем, что у меня было в бумажнике, — там лежали кредитные карточки и сотни три долларов.

Тем не менее у меня был и пункт назначения, и план. Высоко в горах Сан-Хасинто по дороге из Палм-Спрингс в Сан-Диего есть мрачный поселок под названием Айдилуайлд. Летом люди из пустыни едут туда спастись от жары; зимой это лыжный курорт, хотя и снег вообще и трассы напоминают выношенную материю. Но теперь, не в сезон, это унылое скопление посредственных мотелей и псевдошале — вполне подходящее место, чтобы притаиться там и хотя бы отдышаться для начала.

Когда моя колымага, кряхтя, одолела последнюю горку, шел снег — тот молодой снег, который наполняет небо, но тает, едва достигнув земли. Поселок был безлюден, большинство мотелей закрыто. Тот, где я в конце концов остановился, назывался "Эскимосские хижины". Видит бог, в помещении стояла стужа, как в иглу. Но у него было одно достоинство: хозяин, по-видимому единственная живая душа во всем заведении, восьмидесятилетний и полуглухой, гораздо больше интересовался пасьянсом, чем мной.

Я позвонил миссис Беннет, она была очень взволнована. "Ох, милый мой, они вас повсюду ищут! Показывают по телевизору!" Я решил не сообщать ей, где нахожусь, но заверил, что у меня все в порядке и завтра я опять ей позвоню. Потом позвонил близкому другу в Лос-Анджелес; он тоже был взволнован: "Твоя фотография в "Экзаминере"!" Успокоив его, я дал конкретные инструкции: купить билет для "Джона Томаса" на беспосадочный рейс до Нью-Йорка и завтра в десять утра ждать меня дома.

От голода и холода мне не спалось; я выехал на рассвете и около девяти был в Лос-Анджелесе. Друг ждал меня. Мы оставили "шевроле" у его дома, и, заглотив несколько сэндвичей с таким количеством бренди, какое я мог без опаски вместить, я поехал с ним на его машине в аэропорт. Там мы распрощались, и он дал мне билет на двенадцатичасовой

рейс TWA в Нью-Йорк.

Вот так я оказался в этой злосчастной телефонной будке и, съездившись, размышляю теперь над моей трудной судьбой. Часы над выходом в накопитель показывают 11.35. Накопитель полон народу. Скоро все пойдут в самолет. А тут по обе стороны от выхода стоят два джентльмена, навещавшие меня в Палм-Спрингс, два высоких бдительных детектива из Сан-Диего.

Я подумал, не позвонить ли моему другу, чтобы он вернулся в аэропорт и подобрал меня где-нибудь на стоянке. Но он уже достаточно со мной повозился, а если нас поймают, то его могут обвинить в укрывательстве преступника. То же относилось к любому из многих друзей, которые захотели бы мне помочь. Может быть, самое разумное — сдаться этим стражам у выхода. Иначе — что? Выражаясь оригинально — только чудо могло меня спасти. А мы ведь в чудеса не верим, правда?

И вдруг происходит чудо. Мимо моей тесной застекленной тюрьмы шагает надменная прекрасная черная амазонка в миллионнодолларовых бриллиантах и золотых соболях, звезда, с легкомысленной, болтливой свитой пестро одетых танцоров. И кто же это ослепительное видение, чье лицо и наряд так ошеломляют прохожих? Друг! Старый, старый друг!

Т. К. (открыв дверь будки, кричит). Перл! Перл Бейли⁴⁵! (Чудо! Она слышит меня. Все слышат — вся ее свита.) Перл! Подойди, пожалуйста...

ПЕРЛ (щурится на меня, потом расплывается в улыбке). Ай, малыш! Ты чего тут прячешься?

Т. К. (манит подойти поближе; шепотом). Слушай, Перл. Я попал в передрагу.

ПЕРЛ (вмиг посерьезнев — она очень сообразительная женщина и сразу поняла, что тут не до шуток). Говори.

Т. К. Ты летишь этим рейсом в Нью-Йорк?

ПЕРЛ. Да, мы все.

Т. К. Перл, я должен попасть на него. У меня билет. Но у выхода двое, они меня не пустят.

ПЕРЛ. Какие двое? (Я показываю.) Как это не пустят?

Т. К. Они детективы. Перл, сейчас некогда объяснять...

ПЕРЛ. Не надо ничего объяснять.

(Она оглядела свою труппу красивых молодых черных танцовщиков; их было человек шесть, и я вспомнил, что Перл всегда любила разъезжать в большой компании. Она подозвала одного из них — щеголеватого парня в желтой ковбойской шляпе, фуфайке с надписью: "СОСИ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, НЕ КУСАЙСЯ", в белой кожаной куртке, подбитой горностаем, желтых спортивных брюках и желтых остроносых туфлях.)

Это Джимми. Он чуть крупнее тебя, но, думаю, тебе подойдет. Джимми, ступай с моим другом в мужской туалет и поменяйся с ним одеждой. Джимми, закрой рот и делай, что тебе сказала Перли-Мей. Мы ждем тебя здесь. Через десять минут нас в самолет не пустят.

(Десять метров между телефонной будкой и платной уборной мы преодолели броском. Заперлись в кабинке и приступили к обмену гардеробом. Джимми помирал со смеху, как школьница от первого в жизни косяка. Я сказал: "Перл! Это, правда, было чудом. Я никому еще так не радовался. Никогда". Джимми сказал: "О, миз Бейли заводная. У нее такое сердце — понимаешь меня? Большое сердце".

Было время, когда я с ним не согласился бы, время, когда я назвал бы Перл Бейли бессердечной стервой. Это когда она играла мадам Флёр, главную героиню в "Цветочном доме", мюзикле, для которого я написал текст, а Гарольд Арлен — стихи. В постановке участвовало много талантов: режиссером был Питер Брук, танцы ставил Джордж Баланчин, а

⁴⁵ Перл Бейли (1918–1990) — актриса, певица, специальный представитель в ООН (1971 г.).

очаровательные; сказочные декорации создал Оливер Мессел. Но Перл Бейли была так тверда, так настойчива в желании сделать всё по-своему, что подчинила себе всю постановку — в итоге с ущербом для ее качества. Но — живи и учись, прости и забудь — к тому времени, как пьеса сошла с Бродвея, мы с Перл опять были друзьями. Я уважал ее не только за талант, но и за характер; иметь с ним дело временами было неприятно, но обладала она им в полной мере — ты знал, что она такое и на чем стоит.

Пока Джимми втискивался в мои брюки, неприлично тесные для него, а я надевал его белую кожаную куртку с горностаем, кто-то возбужденно постучал в дверь.)

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Эй! Что тут происходит?

ДЖИММИ. А ты что за птица, скажи на милость?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я дежурный. И не дерзите мне. То, что вы делаете, — незаконно.

ДЖИММИ. Без балды?

ДЕЖУРНЫЙ. Я вижу четыре ноги. Я вижу, что раздеваются. Вы думаете, я дурак и не понимаю, что происходит? Это против закона. Чтобы двое мужчин вместе запирались в одной кабине, это незаконно.

ДЖИММИ. Да пошел ты в жопу.

ДЕЖУРНЫЙ. Я вызову полицию. Вам предъявят НП.

ДЖИММИ. Что еще за НП?

ДЕЖУРНЫЙ. Непристойное поведение в общественных местах. Вот так. Я вызову полицию.

Т. К. Иисус, Иосиф и Мария...

ДЕЖУРНЫЙ. Откройте дверь!

Т. К. Вы неправильно поняли.

ДЕЖУРНЫЙ. Я знаю, что я вижу. Я вижу четыре ноги.

Т. К. Мы переодеваемся для следующей сцены.

ДЕЖУРНЫЙ. Следующей сцены чего?

Т. К. Фильма. Сейчас готовимся снимать следующую сцену.

ДЕЖУРНЫЙ (с любопытством, почтительно). Тут снимают кино?

ДЖИММИ (смекнув). С Перл Бейли. Она звезда. И Марлон Брандо, он тоже тут.

Т. К. Керк Дуглас.

ДЖИММИ (кусая кулак, чтобы не рассмеяться). Ширли Темпл. Она вернулась в кино.

ДЕЖУРНЫЙ (верит и не верит). Да ну, а вы кто?

Т. К. Мы только статисты. Вот почему у нас нет грим-уборной.

ДЕЖУРНЫЙ. Все равно. Два человека, четыре ноги. Не положено.

ДЖИММИ. Выгляни наружу. Увидишь саму Перл Бейли. Марлона Брандо. Керка Дугласа. Ширли Темпл. Махатму Ганди — она тоже снимается. Только в эпизоде.

ДЕЖУРНЫЙ. Кто?

ДЖИММИ. Мейми Эйзенхауэр.

Т. К. (переодевание закончено, открываем дверь; мои вещи выглядят на Джимми неплохо, но подозреваю, что его наряд на мне произведет ошеломляющее впечатление, и, судя по лицу дежурного, ошестившегося коротенького негра, мое предположение оправдывается). Извините. Мы не знали, что нарушаем ваши правила.

ДЖИММИ (царственно прошествовав мимо дежурного, который настолько ошарашен, что даже не посторонился). Иди за нами, дорогуша. Познакомим тебя с компанией. Можешь набрать автографов.

(Наконец мы вышли в коридор, и серьезная Перл обняла меня мягкими собольими руками; ее спутники взяли нас в кольцо. Никто не шутил и не паясничал. Нервы мои шипели, как кошка, в которую попала молния, а Перл... то, что когда-то настораживало меня в ней — ее напор, своеволие, — било из нее с неудержимой силой водопада.)

ПЕРЛ. С этой минуты — ни слова. Что бы я ни сказала — молчи. Надвинь шляпу пониже. Прислонись ко мне, — как будто ты больной и слабый. Прислони лицо к моему плечу. Закрой глаза. Я тебя поведу.

Так. Мы идем к стойке. Все билеты держит Джимми. Объявили, что посадка заканчивается, поэтому народу здесь уже мало. Сыщики стоят столбами, лица у них усталые, и, похоже, им все опротивело. Сейчас они смотрят на нас. Оба. Когда будем проходить между ними, ребята отвлекут их болтовней. Вон кто-то идет. Прислонись сильнее, постанывай — это шишка из TWA. Смотри, что сейчас мама устроит... (Изменившимся голосом, изображая сценическую Бейли — слегка комичную, слегка шальную, растягивая слова.) Мистер Кэллоуэй? Как, Кэб⁴⁶? Вы просто ангел, что согласились нам помочь. Нам очень кстати будет помощь. Нам надо поскорее в самолет. Видите ли, моему другу — он один из моих музыкантов — ему ужасно плохо. Едва идет. Мы играли в Вегасе, наверное, он перегрелся на солнце. Солнце и на голову действует, и на желудок. Или что-то съел. Музыканты странно питаются. Особенно пианисты. Почти ничего не ест, кроме хот-догов. Вчера ночью съел десять хот-догов. Это же вредно. Не удивляюсь, что ему стало плохо. А вы бы, мистер Кэллоуэй, удивились? Наверное, вас трудно удивить, поскольку вы в авиации. Столько воздушных пиратов развелось. Тикая преступность кругом. Как только прилетим в Нью-Йорк, я сразу повезу его к врачу. Пусть он ему наконец внушит, что нельзя столько быть на солнце и питаться одними хот-догами. Спасибо, мистер Кэллоуэй. Нет, я сяду у прохода. А его мы посадим к окну. У окна ему будет легче. Все-таки свежий воздух.

Ладно, малыш. Можешь открыть глаза.

Т. К. Я лучше посижу с закрытыми. Так больше похоже на сон.

ПЕРЛ (с облегчением, посмеиваясь). Все-таки добрались. Твои друзья тебя даже не увидели. Когда мы проходили, Джимми ткнул одного под ребра, а Билли наступил другому на ногу.

Т. К. А где Джимми?

ПЕРЛ. Ребята летят эконом-классом. А его наряд тебе к лицу. Оживляет. Особенно мне нравятся востроносенькие — просто умереть.

СТЮАРДЕССА. Доброе утро, миссис Бейли. Не желаете бокал шампанского?

ПЕРЛ. Нет, ласточка. Но, может, моему другу чего-нибудь хочется.

Т. К. Бренди.

СТЮАРДЕССА. Извините, сэр, но до взлета подаем только шампанское.

ПЕРЛ. Человек хочет бренди.

СТЮАРДЕССА. Извините, миссис Бейли. Не разрешается.

ПЕРЛ (спокойным, но металлическим тоном, знакомым мне по репетициям "Цветочного дома"). Принесите ему бренди. Целую бутылку. Быстрее.

(Стюардесса принесла бренди, и я налил себе основательную порцию нетвердой рукой: голод, усталость, головокружительные события последних суток взяли свое. Потом пропустил вторую; и слегка полегчало.)

Т. К. Наверное, я должен рассказать тебе, в чем дело.

ПЕРЛ. Не обязательно.

Т. К. Тогда не буду. И у тебя совесть будет спокойна. Скажу только одно: я не сделал ничего такого, что разумный человек счел бы преступлением.

ПЕРЛ (взглянув на часы с бриллиантами). Сейчас мы должны были бы пролетать над Палм-Спрингс. Дверь закрыли сто лет назад, я слышала. Стюардесса!

СТЮАРДЕССА. Да, миссис Бейли?

ПЕРЛ. Что происходит?

ГОЛОС КАПИТАНА (из динамика). Леди и джентльмены, мы сожалеем о задержке. Скоро будем взлетать. — Благодарю вас за терпение.

Т. К. Иисус, Иосиф и Мария.

ПЕРЛ: Хлебни еще. Ты дрожишь. Можно подумать, у тебя была премьера. Едва ли может быть что-то хуже.

⁴⁶ Кэб Кэллоуэй — певец и руководитель джазового оркестра.

Т. К. Может. И дрожать никак не перестану. Пока не взлетим. Или даже пока не приземлимся в Нью-Йорке.

ПЕРЛ. Ты так и живешь в Нью-Йорке?

Т. К. Слава богу, да.

ПЕРЛ. Помнишь Луиса? Моего мужа?

Т. К. Луиса Беллсона? Конечно. Самый лучший барабанщик на свете. Лучше Джина Крупы.

ПЕРЛ. Мы с ним так часто работаем в Вегасе, что имело смысл купить там дом. Я стала заправской домохозяйкой. Стряпаю. Пишу кулинарную книгу. В Вегасе можно жить, как в любом другом месте — если сторониться нежелательных людей. *Игроков*. Безработных. Когда мне кто-то говорит, что ищет работу, но не может найти, я советую ему посмотреть в телефонной книге на букву "Ж" — жиголо. Он получит работу. В Вегасе уж точно. Город полон отчаявшихся женщин. Мне повезло: я нашла правильного человека, и у меня хватило мозгов это понять.

Т. К. Работать едешь в Нью-Йорке?

ПЕРЛ. В "Персидском зале".

ГОЛОС КПАПИТАНА. Леди и джентельмены, приносим наши извинения, но мы задержимся еще на несколько минут. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Желаящие могут курить.

ПЕРЛ (вдруг напрягшись). Мне это не нравится. Они открывают дверь.

Т. К. Что?

ПЕРЛ. *Дверь открывают*.

Т. К. Иисус, Иосиф...

ПЕРЛ. Мне это не нравится.

Т. К. Иисус, Иосиф...

ПЕРЛ. Сползи в кресле. Надвинь шляпу.

Т. К. Я боюсь.

ПЕРЛ (стиснув мне руку). Храпи.

Т. К. Храпи?

ПЕРЛ. Храпи!

Т. К. Я задыхаюсь. Не умею храпеть.

ПЕРЛ. Давай начинай учиться — наши друзья пришли. Кажется, со шмоном. Сейчас всю лавочку перешерстят.

Т. К. Иисус, Иосиф и...

ПЕРЛ. Храпи, мерзавец, храпи.

(Я захрапел, а она стиснула мне руку еще сильнее и стала мурлыкать колыбельную, словно убаюкивала беспокойное дитя. А кругом слышалось другого рода мурлыканье: люди не понимали, в чем дело, зачем по проходам расхаживают два загадочных человека и время от времени останавливаются, чтобы получше разглядеть пассажира. Текли минуты. Я считал их: шесть, семь. Тик-тик-тик. Наконец Перл оборвала материнское воркование и отпустила мою руку. Потом я услышал, как захлопнулась большая закругленная дверь в фюзеляже.)

Т. К. Ушли?

ПЕРЛ. Да. Не знаю уж, кого они искали, но он им был очень нужен.

Действительно, очень. Хотя повторный суд над Робертом М. закончился точно так, как я и предсказывал, и присяжные вынесли вердикт: виновен в трех тяжких убийствах первой степени, — калифорнийские суды расценивали мой отказ от сотрудничества с ними крайне сурово. Я об этом не знал — думал, что со временем все забудется. Поэтому через год, когда возникла проблема, потребовавшая хотя бы короткого моего присутствия в штате, я отправился туда без колебаний. И что же? Стоило мне зарегистрироваться в отеле "Вел эйр", как меня арестовали, поставили перед твердолобым судьей, и он оштрафовал меня на пять тысяч долларов и приговорил к заключению на неопределенный срок, означавший, что меня

могут продержаться и недели, и месяцы, и годы. Однако меня скоро выпустили, потому что в приказе об аресте содержалась маленькая, но существенная ошибка: я значился в нем как постоянный житель Калифорнии, хотя на самом деле был жителем Нью-Йорка, и потому приговор о моем заключении не имел силы.

Но всё это было еще далеко впереди, об этом не думалось и не мечталось, когда серебристое судно с Перл и ее преступным другом взмыло в бесплотное ноябрьское небо. Я смотрел, как тень самолета, изгибаясь, скользит по пустыне и проплывает над Большим каньоном. Мы разговаривали, смеялись, пели и ели. Небо наполнилось сиреневыми сумерками и звездами, впереди замаячили Скалистые горы, укутанные в синий снег, и над ними повис лимонный ломтик молодого месяца.

Т. К. Перл, смотри. Новый месяц. Давай загадаем желание.

ПЕРЛ. Ты какое загадаешь?

Т. К. Я хочу всегда быть таким же счастливым, как сейчас.

ПЕРЛ. Ну, дорогой, это все равно что просить чуда. Пожелай чего-нибудь реального.

Т. К. А я верю в чудеса.

ПЕРЛ. Тогда одно могу сказать: никогда не ввязывайся в азартные игры.

5. ВОТ ТАК И ПОЛУЧИЛОСЬ

Сцена : камера в корпусе строгого содержания тюрьмы Сан-Квентин в Калифорнии. В камере одна койка, ее постоянный обитатель Роберт Босолей и его гость вынуждены сидеть рядом, довольно тесно. Камера опрятна, прибрана, в углу стоит отлакированная гитара. Но сейчас конец зимнего дня, и здесь холодновато, промозгло, словно в тюрьму просочился туман с залива Сан-Франциско.

Несмотря на холод, Босолей сидит без рубашки, в хлопчатых тюремных брюках, и ясно, что он доволен своим видом, в частности своим телом, по-кошачьи гибким, упругим — притом что в заключении он уже более десяти лет. Его грудь и руки — панорама татуировок: злющие драконы, извивающиеся хризантемы, развернувшиеся змеи. Некоторые считают его на редкость красивым; так оно и есть, но это шпанская красота голубого мачо. Неудивительно, что в детстве он работал актером и снялся в нескольких голливудских фильмах; позже, еще совсем молодым человеком, какое-то время был протеже Кеннета Ангера, режиссера-экспериментатора ("Восход Скорпиона") и писателя ("Голливудский Вавилон"); Ангер даже взял его на главную роль в незаконченном фильме "Люцифер поднимается".

Роберт Босолей, ему сейчас тридцать один год, — таинственная фигура в общине Чарльза Мэнсона; точнее (это так и не было прояснено во всех сообщениях о группе), в нем ключ к кровавым эскападам так называемой семьи Мэнсона, в том числе убийству Шарон Тейт, Ло Бьянко с женой и их друзей.

Все началось с убийства Гэри Хинмана, уже немолодого профессионального музыканта, который подружился с несколькими членами "семьи" и, к несчастью для себя, жил одиноко, на отшибе, в каньоне Топанго, округ Лос-Анджелес. Хинмана связали в его домике, несколько дней мучили (среди прочих надругательств, ему отрезали ухо) и в конце концов милосердно перерезали горло. Когда обнаружили тело Хинмана, раздутое, окруженное тучей жужжащих мух, полиция увидела на стене надпись кровью ("Смерть свиньям"), и такие же надписи вскоре были найдены в домах мисс Тейт и супругов Бьянко.

Но за несколько дней до убийств Тейт и Бьянко Роберт Босолей был пойман в машине, принадлежавшей Хинману, арестован, помещен в тюрьму и обвинен в убийстве несчастного музыканта. Тогда-то Мэнсон и его дружки и подружки, чтобы отмазать Босолея, задумали серию убийств, подобных убийству Хинмана: раз Босолей изолирован во время этих убийств, как он может быть виновен в том зверстве? Так, похоже, рассуждала мэнсоновская

кодла. Иначе говоря, Текс Уотсон и юные дамы — мокрушницы Сюзен Аткинс, Патриция Кренвинкел, Лесли Ван Хутен совершали свои сатанинские вылазки из преданности "Бобби" Босолею.

Р. Б. Странно. Босолей. Французское. Французская фамилия. Означает "Красивое солнце". Блядь. На этом курорте не много солнца увидишь. Слышишь туманные горны? Как паровозные гудки. Ноют, ноют. А летом хуже всего. Тут, наверно, летом больше тумана, чем зимой. Погода. Блядская. Я никогда не выйду. Послушай только. Ноют, ноют. Ты где сегодня побывал?

Т. К. Да здесь. Немного поговорил с Сирхапом.

Р. Б. (смеется). Сирхан Б. Сирхан. Я знавал его, когда меня держали в камере смертников. Больной. Ему здесь не место. Ему в Атаскадеро надо сидеть. Жвачки хочешь? Да, похоже, ты хорошо здесь освоился. Я видел тебя на дворе. Удивляюсь, как это надзиратели позволяют тебе гулять по двору одному. Пришьет кто-нибудь, смотри.

Т. К. Зачем?

Р. Б. А так просто. Но ты здесь часто бываешь, а? Мне ребята говорили.

Т. К. Раз пять или шесть, когда собирал материал.

Р. Б. Я тут только одного места не видел. Но хотел бы увидеть эту яблочно-зеленую комнатку. Когда мне пришили кинмановское дело и вынесли смертный приговор, долго держали потом — в камере смертников. Покуда суд не отменил приговор. Так что я интересовался зеленой комнаткой.

Т. К. На самом деле там скорее три комнаты.

Р. Б. Я думал, эта комнатка круглая, а посередине — вроде застекленного иглу. С окнами, чтобы свидетели снаружи увидели, как человек задыхается от этих персиковых духов.

Т. К. Да, это газовая камера. Но когда заключенного приводят, он из лифта входит прямо в комнату "содержания", примыкающую к комнате свидетелей. В комнате "содержания" две камеры на случай, если надо казнить двоих. Обычные камеры, вроде этой, и приговоренный проводит там последнюю ночь перед утренней казнью — читает, слушает радио, играет в карты с охраной. Но что интересно — я обнаружил третью комнату в этих маленьких апартаментах. Она за закрытой дверью, рядом с комнатой "содержания". Я просто открыл дверь и вошел, и охранники даже не подумали меня остановить. Более поразительной комнаты я никогда не видел. Знаешь, что в ней? Все, что осталось от казненных, все имущество, которое было при них в комнате "содержания". Книги, библии, вестерны в мягких обложках, романы Эрла Стенли Гарднера, Джеймс Бонд. Старые пожелтелые газеты. Некоторые — двадцатилетней давности. Незаконченные кроссворды. Недописанные письма. Фотографии возлюбленных. Выцветшие, ломкие снимки детей. Жалкое, печальное зрелище.

Р. Б. Ты видел когда-нибудь, как там газуют?

Т. К. Один раз. Но он устроил из этого веселье. Он был рад умереть, хотел, чтобы все кончилось; уселся в кресло так, словно пришел к дантисту снимать зубной камень. А в Канзасе видел, как двоих повесили.

Р. Б. Перри Смита? И, как его... Дика Хикока? Но, когда повиснут, думаю, они уже ничего не чувствуют.

Т. К. Так нам говорят. Но на виселице они продолжают жить — пятнадцать, двадцать минут. Бьются. Хватают воздух — тело ещё дерется за жизнь. Я не вынес этого, меня рвало.

Р. Б. Может, ты не такой хладнокровный, а? Выглядишь хладнокровным. Так что Сирхан — скулил, что его держат в режимном?

Т. К. Пожалуй. Ему одиноко. Хочет быть с другими заключенными. Влиться в общие ряды.

Р. Б. Счастья своего не знает. В общей его точно замочат.

Т. К. Почему?

Р. Б. Да потому же, почему сам замочил Кеннеди. Слава. Половина людей, которые

убивают, — они хотят прославиться. Чтобы их фото были в газетах.

Т. К. Но ты не поэтому убил Гэри Хинмана.

Р. Б. (молчание).

Т. К. Вы с Мэнсоном хотели, чтобы Хинман дал вам денег и свою машину, и когда он отказался... Ну...

Р. Б. (молчание).

Т. К. Я вот подумал. Я знаю Сирхана и знал Роберта Кеннеди. Я знал Ли Харви Освальда и знал Джека Кеннеди. А ведь такое совпадение почти невероятно.

Р. Б. Освальда? Ты знал Освальда? Правда?

Т. К. Я встретил его в Москве, когда он сбежал. Как-то вечером я обедал с приятелем, корреспондентом итальянской газеты, — он заехал за мной и спросил, не возражаю ли я, если мы сперва поговорим с молодым американцем-перебежчиком, неким Ли Харви Освальдом. Освальд жил в "Метрополе", старом, царских времен отеле, неподалеку от Красной площади. В "Метрополе" был большой мрачный вестибюль, полный теней и мертвых пальм. В сумраке, под мертвой пальмой, сидел Освальд. Худой, бледный, тонкогубый — вид голодающего. И с самого начала злой: скрипит зубами, глаза беспрестанно бегают. Ярился на всех: на американского посла, на русских, что не разрешают ему остаться в Москве. Мы разговаривали с ним полчаса, и мой итальянский приятель решил, что статьи он не стоит. Очередной параноидальный истерик — московские леса кишели такими. Я и не вспоминал о нем потом много лет. До покушения, когда его фотографию показали по телевидению.

Р. Б. Ты что же, выходит, единственный, кто знал их обоих — Освальда и Кеннеди?

Т. К. Нет. Была еще американка, Присцилла Джонсон. Она работала в московском бюро "Юнайтед пресс". Знала Кеннеди, а с Освальдом познакомилась, примерно тогда же, когда и я. Но скажу тебе кое-что еще, почти такое же занятное. О людях, которых убили твои друзья.

Р. Б. (молчание).

Т. К. Я их знал. По крайней мере, из тех пяти человек, кого убили в доме Тейт, я знал четверых. С Шарон Тейт я познакомился на Каннском фестивале. Джей Себринг раза два меня стриг. С Абигейл Фолджер и ее любовником Фриковским я однажды обедал в Сан-Франциско. Иначе говоря, знал я их по отдельности. И надо же, чтобы в тот вечер они собрались в одном доме, дожидаясь, когда нагрянут твои друзья. Ничего себе совпадение.

Р. Б. (закуривает, улыбается). Знаешь, что я скажу? Скажу, что знакомство с тобой не приносит удачи. Черт. Только послушай. Стонут, стонут. Я замерз. Тебе холодно?

Т. К. Что ж ты не наденешь рубашку?

Р. Б. (молчание).

Т. К. Странная штука с татуировками. Я беседовал с несколькими, сотнями людей, осужденных за убийство, — по большей части, за многократные убийства. И единственное, что я нашел в них общего, — наколки. Процентом восемьдесят из них были густо покрыты наколками. Ричард Спек. Йорк и Латам. Смит и Хикок.

Р. Б. Надену свитер.

Т. К. Если бы ты не сидел здесь, если бы мог жить, где захочешь, делать, что хочешь, — где бы ты жил и что делал бы?

Р. Б. Катался бы. На моей "хонде". По береговому шоссе — виражи, вода, волны, солнце. Из Сан-Франциско в Мендосино, через сосновые леса. Я бы спал с девушками. Играл бы музыку, оттягивался, покурился замечательную траву из Акапулько, смотрел, как садится солнце. Подбрасывал плавник в костер. Девочки, гашиш, мотоцикл.

Т. К. Гашиш можно здесь добыть.

Р. Б. И всё остальное. Любый наркотик — за деньги. Тут люди на всем двигаются, кроме роликовых коньков.

Т. К. Ты так и жил, пока не арестовали? Катался, двигался? Работать когда-нибудь приходилось?

Р. Б. От случая к случаю. Играл на гитаре в барах.

Т. К. Насколько я понимаю, ты был ходок. Правитель целого сераля. Сколько детей ты наделал?

Р. Б. (молчание; но пожимает плечами, ухмыляется, курит).

Т. К. Удивляюсь, что тебе оставили гитару. В некоторых тюрьмах запрещают, потому что струну можно снять и использовать как оружие. Как удавку. Ты давно играешь?

Р. Б. Да, с детства. Я был из этих, знаешь, голливудских детишек. Снялся в двух фильмах. Но родители были против. Правильные люди. Да меня и не тянуло к актерству. Хотел только писать музыку, играть и петь.

Т. К. А как же твой фильм с Кеннетом Ангером "Люцифер поднимается"?

Р. Б. Да.

Т. К. Как ты ладил с Ангером?

Р. Б. Нормально.

Т. К. Почему тогда Ангер носит медальон на шее? На одной стороне твоя карточка, а на другой изображена лягушка и надпись: "Бобби Босолей, превращенный в лягушку Кеннетом Ангером". Так сказать, амулет в стиле вуду. Наложил на тебя проклятие за то, что, по слухам, ты его кинул. Удрал от него среди ночи на его машине... И еще что-то.

Р. Б. (сузив глаза). Это он тебе сказал?

Т. К. Нет, я с ним не знаком. Но мне говорили другие люди.

Р. Б. (берет гитару, настраивает, подыгрывает себе, поет). "Это песня моя, это песня моя, моя темная песня, моя темная песня..." Все хотят узнать, как я связался с Мэнсоном. Через музыку. Он тоже немного играет. Как-то ночью я катался с моими дамами. Заехали мы в придорожный кабаk, в пивную. Возле него стояло много машин. Зашли, а там был Чарли со своими женщинами. Разговорились, поиграли вместе; на другой день Чарли зашел ко мне в фургон, и все — его люди и мои люди — решили гужеваться вместе. Братья и сестры. Семья.

Т. К. Ты относился к Мэнсону как к лидеру? Сразу ощутил его влияние?

Р. Б. Да что ты. У него были свои люди, меня — свои. Если кто на кого влиял, так это я на него.

Т. К. Да, он увлекся тобой. Так он утверждает. Кажется, такое действие ты оказываешь на многих людей — и мужчин, и женщин.

Р. Б. Что случается, то случается. И все это — хорошо.

Т. К. Ты считаешь, что убить невинных людей — тоже хорошо?

Р. Б. Кто сказал, что они невинные?

Т. К. Ладно, к этому мы вернемся. А пока скажи: какова твоя мораль? Как ты отличаешь хорошее от дурного?

Р. Б. Хорошее от дурного? Всё — хорошее. Раз случилось, значит, хорошее. Иначе бы не случилось. Так жизнь течет. Двигается. Я с ней двигаюсь. Я в ней не сомневаюсь.

Т. К. То есть и в убийстве не сомневаешься. Ты считаешь, это "хорошо, потому что случилось". Справедливо.

Р. Б. У меня своя справедливость. Понимаешь, я живу по своему закону. Я не уважаю законов этого общества. Потому что оно само не уважает своих законов. Я устанавливаю свои законы и по ним живу. У меня свое понятие о справедливости.

Т. К. И какое же у тебя понятие?

Р. Б. Я считаю, что происходит, то и получается. Что случается, то и выходит. Так жизнь течет. И я теку вместе с ней.

Т. К. Все это маловразумительно — во всяком случае, для меня. И я не считаю тебя глупым. Попробуем еще раз. По твоему мнению, это нормально, что Мэнсон в тот день послал Текса Уотсона и женщин, чтобы убить совершенно незнакомых и ни в чем не повинных людей...

Р. Б. Я же говорю: кто сказал, что невинных? Они надували людей на покупке

наркотиков. Шарон Тейт и ее компания. Они подбирали ребят на Стрипе⁴⁷, привозили домой и пороли. Снимали это на пленку. Спроси у полицейских — они нашли фильмы. Конечно, правду тебе не скажут.

Т. К. Правда в том, что Бьянко, Шарон Тейт и ее друзей убили, чтобы выручить тебя. Их смерть напрямую связана с убийством Гэри Хинмана.

Р. Б. Я тебя слышу. Я чувю, откуда ветер дует.

Т. К. Копировали убийство Хинмана в доказательство того, что не ты его убивал. И таким образом думали вытащить тебя из тюрьмы.

Р. Б. Вытащить меня из тюрьмы... (Кивает, улыбается, вздыхает — польщен.) Ничего этого на суде не всплыло. Женщины на допросе пытались рассказать, как всё было на самом деле, но никто их слушать не хотел. Газеты и телевизор вдолбили людям, что мы затевали расовую войну. Злые негры ездят и расправляются с хорошими белыми людьми. А на самом деле... как ты сказал. В газетах нас называют "семьей". Только в этом они не соврали. Мы и были семьей. Мы были как мать и отец, брат, сестра, дочь, сын. Если член, нашей семьи был в опасности, мы этого человека не бросали. Вот, из любви к брату, брату, которого посадили по обвинению в убийстве, и получились эти убийства.

Т. К. И ты об этом не сожалеешь?

Р. Б. Нет. Если это сделали мои братья и сестры, значит, это хорошо. Всё в жизни хорошо. Она течет. Всё в ней хорошо. Всё — музыка.

Т. К. Когда ты ждал казни, если бы тебе пришлось потечь в газовую камеру и дохнуть этих персиков, это бы ты тоже одобрил?

Р. Б. Раз так всё получилось. Всё, что случается, — хорошо.

Т. К. Война. Голодающие дети. Боль. Жестокость. Слепота. Отчаяние. Равнодушие. Все — хорошо?

Р. Б. Что это ты на меня так смотришь?

Т. К. Так. Наблюдаю, как меняется твое лицо. Одна минута, легчайший поворот головы — и оно такое мальчишеское, невинное, обаятельное. А потом... ну, действительно, можно увидеть в тебе Люцифера с Сорок второй улицы. Ты видел "Ночь должна наступить"? Старый фильм с Робертом Монтгомери? Там проказливый, приятнейший, невинного вида молодой человек странствует по сельской Англии, чарует пожилых дам, а потом отрезает им головы и возит с собой в кожаной шляпной коробке.

Р. Б. А я тут с какого боку?

Т. К. Я подумал — если бы сделали римейк, перенесли историю в Америку, превратили героя Монтгомери в молодого шатуна с карими глазами и табачным голосом, ты был бы очень хорош в этой роли.

Р. Б. Хочешь сказать, что я психопат? Я не псих. Если нужно применить силу, я применю, но убивать — это не по мне.

Т. К. Тогда я, наверное, глухой. Ошибаюсь я, или ты мне минуту назад сказал, что неважно, какое зверство человек над человеком учинил, это всё равно хорошо — все хорошо?

Р. Б. (молчание).

Т. К. Скажи мне, Бобби, кем ты себя считаешь?

Р. Б. Заключенным.

Т. К. А кроме этого?

Р. Б. Человеком. Белым человеком. И стою за все, за что должен стоять белый.

Т. К. Да, один охранник сказал мне, что ты тут верховодишь Арийским братством.

Р. Б. (враждебно). Ты-то что знаешь о Братстве?

Т. К. Что это компания крутых белых мужиков. Общество несколько фашистского

⁴⁷ Сансет-Стрип — район около бульвара Сансет, где собираются бродяги, представители контркультуры и пр.

склада. Что оно родилось в Калифорнии и распространилось по всей американской тюремной системе, на север, на юг, на восток и на запад. Что тюремное начальство считает его опасным культом, опасным для порядка.

Р. Б. Человек должен защищать себя. Мы в меньшинстве. Ты не представляешь, как это туго. Мы все тут больше боимся друг друга, чем свиней. Ты каждую минуту должен быть начеку, если не хочешь, чтобы тебе сунули перо. У черных и мексиканцев свои банды. И у индейцев, или я должен сказать "коренных американцев" — так величают себя эти краснокожие: сдохнуть просто! Еще как туго. С расовым напрягом, с политикой, с дурью, картами и сексом. Черным только дай добраться до белых ребят. Хлебом не корми, дай засунуть свою толстую черную балду в тугую белую задницу.

Т. К. Ты думал когда-нибудь, что стал бы делать, если бы тебя освободили условно?

Р. Б. Я этому туннелю конца не вижу. Парня никогда не выпустят.

Т. К. Надеюсь, ты прав, и думаю, что прав. Но очень может быть, что тебя освободят условно. И может быть, раньше, чем тебе снится. Что тогда?

Р. Б. (щиплет струны). Я бы записал свою музыку. Чтобы ее передавали.

Т. К. Об этом же мечтал Перри Смит. И Чарли Мэнсон. Пожалуй, у вас общего не только татуировки.

Р. Б. Между нами, у Чарли с талантом не густо. (Берет аккорды.) "Это песня моя, моя темная песня, темная песня..." Первая гитара у меня появилась в одиннадцать лет: я нашел ее на чердаке у бабушки и сам научился играть. И с тех пор помешан на музыке. Бабушка была ласковая, а чердак ее был моим любимым местом. Я любил лежать там и слушать дождь. Прятался там, когда отец искал меня с ремнем. Черт. Ты слышишь? Стонет, стонет. С ума можно сойти.

Т. К. Послушай, Бобби. И подумай, прежде чем ответишь. Положим, ты освободился, и кто-то пришел к тебе — допустим, Чарли — и попросил тебя совершить акт насилия, убить человека. Ты пойдешь на это?

Р. Б. (закурив новую сигарету и выкурив ее до половины). Может быть. Смотря что там. Я совсем не хотел... ну... сделать плохо Гэри Хинману. Но сперва одно. Потом другое. Вот так и получилось.

Т. К. И это было хорошо.

Р. Б. Всё было хорошо.

6. ПРЕКРАСНОЕ ДИТЯ

Время : 28 апреля 1955 года.

Место : Часовня ритуального здания на углу Лексингтон-авеню и пятьдесят второй улицы в Нью-Йорке. Скамьи плотно заняты интересной публикой — по большей части знаменитостями из мира театра, кино и литературы. Они пришли отдать последний долг Констанции Коллиер, актрисе английского происхождения, умершей накануне в возрасте семидесяти пяти лет.

Мисс Коллиер родилась в 1880 году и, начав хористкой в мюзик-холле, стала одной из ведущих шекспировских актрис в Англии (и давнишней невестой сэра Макса Бирбома, хотя замуж за него так и не вышла, благодаря чему, возможно, и стала прототипом роковой и недоступной героини его романа "Зулейка Добсон"). Позже она переехала в Соединенные Штаты и преуспела на нью-йоркской сцене и в Голливуде. Последние десятилетия своей жизни она провела в Нью-Йорке, преподавая актерское мастерство по высшему разряду — обучались у нее, как правило, только профессионалы, уже ставшие звездами: постоянной ее ученицей была Кэтрин Хепбёрн; прошла ее школу и другая Хепбёрн — Одри, а также Вивьен Ли и, в последние месяцы перед ее смертью, неопитка, которую мисс Коллиер называла "моей трудной ученицей", — Мэрилин Монро.

С Мэрилин Монро я познакомился через Джона Хьюстона, у которого она впервые

заговорила с экрана в "Асфальтовых джунглях", и мисс Коллиер взяла ее под крыло по моему предложению. С мисс Коллиер я был знаком уже лет шесть и восхищался статью этой женщины — физической, эмоциональной, творческой. При властных своих манерах и зычном голосе она была прелестным человеком — слегка ядовитая, но чрезвычайно душевная, с большим достоинством, но непосредственная и приветливая. Я любил бывать на ее — маленьких званых обедах, которые она часто устраивала в своей темной викторианской квартире на среднем Манхэттене; слушать бесконечные байки о ее приключениях, когда она была премьершей у сэра Бирбома-Три, о замечательном французском актере Кокелене, о ее встречах с Оскаром Уайльдом, молодым Чаплином и Гарбо в ту пору, когда она только начинала сниматься в шведском немом кино. Мисс Коллиер была очаровательна, так же как ее преданная компаньонка и секретарь Филлис Уилбурн, скромно мигавшая дама, которая после смерти хозяйки стала компаньонкой Кэтрин Хепбёрн. У мисс Коллиер я познакомился со многими людьми и со многими подружился — с Лунтами⁴⁸, с четой Оливье и, в особенности, с Олдосом Хаксли. Но с Мэрилин Монро ее познакомил я, и поначалу она не слишком обрадовалась этому знакомству: зрение у нее ослабло, фильмов с Мэрилин она не видела и, в общем, ничего о ней не знала: какой-то платиновый секс-магнит, непонятно почему прославившийся на весь мир, — короче, неподходящий материал для строгой классической формовки в ее школе. Я, однако, думал, что из этого сочетания может получиться нечто увлекательное.

Получилось. "Да, — сообщила мне мисс Коллиер, — тут что-то есть. Она прекрасное дитя. Не в прямом смысле — это слишком очевидно. По-моему, она вообще не актриса, в традиционном смысле. То, что есть у нее — эта эманация, свечение, мерцающий ум, — никогда не проявится на сцене. Это так хрупко, нежно, что уловить может только камера. Как колибри в полете: только камера может ее запечатлеть. А если кто думает, что эта девочка — просто еще одна Джин Харлоу, он сумасшедший. Кстати, о сумасшествии — над этим мы сейчас и трудимся: Офелия. Кое-кто, наверное, посмеется над этой идеей, но на самом деле она может быть изысканнейшей Офелией. На прошлой неделе я говорила с Гретой и рассказала о Мэрилин — Офелии, и Грета сказала: да, она может в это поверить, потому что видела два фильма с ней, очень плохие и пошлые, но почувствовала возможности Мэрилин. И у Греты есть забавная идея. Ты знаешь, что она хочет сделать кино по "Дориану Грею"? И сама сыграть Дориана. А Мэрилин может сыграть одну из девушек, соблазненных и погубленных Дорианом. Грета! И без дела! Такой дар — и, если подумать схожий с Мэрилин. Конечно, Грета великолепная актриса, актриса безупречной техники. А это прекрасное дитя понятия не имеет ни о дисциплине, ни о самоограничении. Почему-то мне кажется, что она не доживет до старости. Грех говорить, у меня такое предчувствие, что она уйдет молодой. Я надеюсь — просто молюсь об этом, — чтобы она пожила подольше и высвободила свой странный и милый талант, который бродит в ней как заточенный дух".

Но теперь мисс Коллиер умерла, и я слонялся по вестибюлю, дожидаясь Мэрилин. Накануне вечером мы договорились по телефону, что сядем на панихиде рядом — начиналась она в полдень. Мэрилин опаздывала уже на полчаса; она всегда опаздывала, и я думал: ну хотя бы в этот раз! Ради всего святого, черт возьми! Вдруг она появилась, и я бы не узнал ее, если бы она не заговорила...

МЭРИЛИН. Ох, малыш, извини. Понимаешь, я накрасилась, а потом решила, что не нужно никаких накладных ресниц, помады и прочего — пришлось все смывать, я никак не могла придумать, во что одеться...

(Придумала она одеться так, как подобало бы настоятельнице монастыря для приватной аудиенции у папы. Волосы полностью спрятаны под черным шифоновым платком; черное платье, длинное и свободное будто с чужого плеча; черные шелковые чулки

⁴⁸ Альфред Лунт — актер и режиссер; его жена — актриса Линн Фонтенн.

скрывают матовый блеск белых стройных ног. Настоятельница наверняка не надела бы ни соблазнительных черных туфель на высоком каблуке, ни больших темных очков, оттеняющих свежую молочную белизну ее кожи.)

Т. К. Выглядишь прекрасно.

МЭРИЛИН (кусая ноготь большого пальца, и так уже стгрызенный до мяса). Правда? Понимаешь, так нервничаю. Где уборная? Я бы забежала на минутку...

Т. К. И закинула бы таблетку? Нет! Тс-с. Это голос Сирила Ритчарда — начал надгробную речь.

(На цыпочках мы вошли в битком набитую часовню и втиснулись на заднюю скамью. Сирил Ритчард закончил, за ним произнесла прощальное слово Кэтлин Нэсбитт, коллега мисс Коллиер с самых ранних лет, и, наконец, Брайен Ахерн⁴⁹. Моя соседка то и дело снимала очки, чтобы вытереть слезы, лившиеся из серо-голубых глаз. Мне случалось видеть ее без грима, но сегодня она являла собой непривычное зрелище: такой я ее не видел — и сперва не мог понять, в чем дело. А! Все из-за этого платка. Без локонов, без косметики она выглядела на двенадцать лет — созревающая девочка, только что принятая в сиротский дом и подавленная горем. Наконец церемония закончилась и люди стали расходиться.)

МЭРИЛИН. Давай посидим. Подождем, когда все уйдут.

Т. К. Зачем?

МЭРИЛИН. Не хочу ни с кем разговаривать. Никогда не знаю, что сказать.

Т. К. Тогда посиди, а я подожду снаружи. Хочется курить.

МЭРИЛИН. Ты не бросишь меня одну. Господи, кури здесь.

Т. К. Здесь? В церкви?

МЭРИЛИН. А что? Что у тебя там? Косяк?

Т. К. Очень остроумно. Пойдем же, давай.

МЭРИЛИН. Прошу тебя. Внизу полно фотографов. Я совсем не хочу, чтоб меня снимали в таком виде.

Т. К. Понимаю тебя.

МЭРИЛИН. Ты же сказал, я хорошо выгляжу.

Т. К. Так и есть. Идеально — если бы играла невесту Франкенштейна.

МЭРИЛИН. Теперь ты надо мной смеешься.

Т. К. Разве похоже, что я смеюсь?

МЭРИЛИН. Внутренним смехом. Это самый плохой смех. (Хмурясь, кусая ноготь.) Вообще-то могла бы накраситься. Я вижу, все пришли накрашенные.

Т. К. Я, например. В штукатурке.

МЭРИЛИН. Нет, серьезно. Всё из-за волос. Пора покрасить. А времени не было. Это так неожиданно. Смерть мисс Коллиер и остальное. Видишь?

(Она приподняла платок и показала волосы, темные у корней.)

Т. К. А я-то наивный. Всегда думал, что ты настоящая блондинка.

МЭРИЛИН. Блондинка. Но природных таких вообще не бывает. И, между прочим, пошел к черту.

Т. К. Ладно, все разошлись. Поднимайся, поднимайся.

МЭРИЛИН. Фотографы еще внизу. Я точно знаю.

Т. К. Раз не узнали тебя, когда пришла, не узнают и на выходе.

МЭРИЛИН. Один узнал. Но я юркнула в дверь раньше, чем он заорал.

Т. К. Уверен, тут есть черный ход. Можно через него.

МЭРИЛИН. Не хочу видеть трупы.

Т. К. Откуда?

МЭРИЛИН. Это ритуальный зал. Где-то же их держат. Только этого мне сегодня не хватало — ходить по комнатам, полным трупов. Потерпи. Потом пойдем куда-нибудь, я

⁴⁹ Брайен Ахерн — актер. Жена — Джоанн Фонтейн.

угощу тебя шампанским.

(Так что мы продолжали сидеть и разговаривать. Она сказала: "Ненавижу похороны. Слава богу, что не придется идти на свои. Только я не хочу никаких похорон. Хочу, чтобы мои дети развеяли прах над морем — если они у меня будут. И сегодня бы не пришла, но мисс Коллиер заботилась обо мне, о моем благополучии, она была мне как бабушка, старая строгая бабушка, и столькому меня научила. Научила меня дышать. Это мне очень помогло, и не только в актерстве. Бывает такое время, когда и дышать трудно. А когда я услышала об этом — что мисс Коллиер умерла, первой мыслью было: Господи, как же теперь Филлис?! Вся ее жизнь была в мисс Коллиер. Но я слышала, теперь она будет жить с мисс Хепбёрн. Счастливая: ей будет интересно. Я поменялась бы с ней хоть сейчас. Мисс Хепбёрн — потрясающая женщина, без дураков. Я хотела бы с ней дружить. Чтобы иногда позвонить ей... ну, не знаю, просто позвонить".

Мы поговорили о том, как любим Нью-Йорк и не переносим Лос-Анджелес ("Хотя я и родилась там, не могу сказать о нем ничего хорошего. Стоит мне закрыть глаза и представить себе Лос-Анджелес, я вижу только одну большую варикозную вену"); поговорили об актерах и актерской игре ("Все говорят, что я не могу играть. То же самое говорили об Элизабет Тейлор. И неправильно. Она замечательно сыграла в "Месте под солнцем". Мне никогда не достанется хорошая роль, такая, какой мне действительно хочется. Внешность мешает. Слишком специфическая"); еще немного поговорили об Элизабет Тейлор — Мэрилин поинтересовалась, знаю ли я ее, я ответил: да, и она спросила: ну и какая она, какая на самом деле, а я сказал: чем-то похожа на тебя, что у нее на уме, то и на языке, а язычок соленый; и Мэрилин сказала: пошел к черту, сказала: ну а если бы тебя спросили, какая Мэрилин, какая на самом деле, — что бы ты ответил, — и я сказал, что должен подумать.)

Т. К. Ну, может, уберемся наконец отсюда? Ты обещала мне шампанское, помнишь?

МЭРИЛИН. Помню. Но я без денег.

Т. К. Ты всегда опаздываешь и всегда без денег. Случайно, не воображаешь ты себя королевой Елизаветой?

МЭРИЛИН. Кем?

Т. К. Королевой Елизаветой. Английской королевой.

МЭРИЛИН (нахмурясь). При чем тут эта мырма?

Т. К. Королева Елизавета тоже никогда не носит с собой деньги. Ей не позволено. Презренный металл не смеет запачкать августейшую руку. Это у них закон или что-то вроде.

МЭРИЛИН. Хорошо бы, и для меня приняли такой закон.

Т. К. Продолжай в том же духе — и примут.

МЭРИЛИН. Э, как же она расплачивается? Ну хотя бы в магазинах?

Т. К. Ее фрейлина трусит рядом с сумкой, полной фартингов.

МЭРИЛИН. Знаешь что? Могу поспорить, ей все дают бесплатно. Просто за одобрение.

Т. К. Очень может быть. Ничуть не удивлюсь. Поставщики Ее Величества. Собачки корги. Вещички из "Фортнума и Мейсона". Травку. Презервативы.

МЭРИЛИН. На что ей презервативы?

Т. К. Не ей, глупая. Этому фитилю, который ходит на два шага сзади. Принцу Филиппу.

МЭРИЛИН. А, ему. Он симпатичный. И, судя по виду, у него должна быть хорошая балда. Я тебе не рассказывала, как Эррол Флинн вытащил член и стал играть им на рояле? Ох, это было сто лет назад, я только начала работать моделью и пришла на их дурацкую вечеринку, и Эррол Флинн там был, ужасно довольный собой, — вынул балду и стал играть ею на рояле. Бил по клавишам. Он играл "Ты мое солнце". Ну и ну! Все говорят, что у Милтона Берли⁵⁰ самый длинный шланг в Голливуде. Но кому он нужен? Слушай, у тебя

⁵⁰ Милтон Берли — комедийный актер и телеведущий.

совсем нет денег?

Т. К. Может, долларов пятьдесят.

МЭРИЛИН. Ну, должно хватить на шампанское.

(На улице никого уже не осталось, кроме безвредных прохожих. Было около двух часов; погожий апрельский день, идеальная погода — для прогулки. Мы побрели по Третьей авеню. Зеваки иногда поворачивали голову нам вслед, но не потому, что узнали. Мэрилин, а из-за траурного ее наряда; она реагировала на это коротким характерным смешком, соблазнительным; как звон колокольчиков на пикапе мороженщика, и говорила: "Может, мне всегда надо так одеваться. Полная анонимность".

Когда мы подошли к бару П. Дж. Кларка, я сказал: не подкрепиться ли нам тут? Но она отвергла предложение: "Тут полно уродов-рекламщиков. И стерва Дороти Килгаллен вечно сидит здесь и хлещет. Не понимаю, что с этими ирландцами? Они надираются хуже индейцев".

Я счел своим долгом заступиться за Килгаллен, почти приятельницу, и заметил, что она бывает занятой и остроумной. Мэрилин сказала: "Может, и так, но она написала про меня гадость. Все эти суки ненавидят меня. Гедда⁵¹. Луэлла⁵². Знаю, к этому надо привыкнуть, — но не могу. Всегда обидно. Что я этим перечницам сделала? Единственный, кто прилично со мной обходится, — Сидни Сколски. Но он мужчина. Мужчины нормально ко мне относятся. Как будто я тоже все-таки человек. По крайней мере, не ставят на мне крест. И Боб Томас — джентльмен. И Джек О'Брайен".

Мы заглядывали в витрины антикварных лавок; в одной лежал поднос со старыми кольцами, и Мэрилин сказала: "Красивые. Гранат с мелким жемчугом. Я бы носила кольца, но терпеть не могу, когда обращают внимание на мои руки. Они слишком пухлые. У Элизабет Тейлор пухлые руки. Но при таких глазах кто будет замечать ее руки? Я люблю танцевать голой перед зеркалом и смотреть, как прыгают груди. С ними все обстоит нормально. А вот руки — хорошо бы похудее".

Увидев в другой витрине красивые напольные часы, она сказала: "У меня никогда не было дома. Настоящего, с собственной мебелью. Но если снова выйду замуж и заработаю много денег, найму пару грузовиков, поеду по Третьей авеню и буду скупать все глупости подряд. Куплю дюжину стоячих часов, выстрою в одной комнате, и пусть себе тикают все вместе. Вот это будет уют, правда?"

МЭРИЛИН. Смотри! На той стороне!

Т. К. что?

МЭРИЛИН. Видишь вывеску с ладонью? Это, должно быть, гадалка.

Т. К. Тебе туда хочется?

МЭРИЛИН. Давай заглянем.

(Заведение было непривлекательное. Через грязное окно мы увидели пустую комнату и тощую волосатую цыганку в парусиновом кресле; под красной потолочной лампой, словно в отблесках адского пламени, ода вязала пинетки и не обернулась в нашу сторону. Мэрилин собралась было войти, но потом передумала.)

МЭРИЛИН. Иногда мне хочется узнать, что будет. А потом думаю: лучше не надо. Но две вещи я хотела бы знать. Одна — похудею ли.

Т. К. А другая?

МЭРИЛИН. Это секрет.

Т. К. Брось. Сегодня у нас не должно быть секретов. Сегодня день скорби, а скорбящие делится самыми сокровенными мыслями.

МЭРИЛИН. Ладно, это мужчина. И кое-что я хотела бы знать. Но больше ничего не

⁵¹ Гедда Хоппер — голливудская журналистка, вела отдел светской хроники в "Лос-Анджелес таймс".

⁵² Луэлла Парсонс — журналистка, влиятельный кинокритик.

скажу. Секрет.

(А я подумал: это тебе так кажется. Я его из тебя вытяну.)

Т. К. Готов угостить тебя шампанским.

(Мы зашли в пестро украшенный китайский ресторан на Второй авеню. Однако бар там был хорошо укомплектован, и мы заказали бутылку "Маммс"; подали ее неохлажденной и без ведерка, так что мы стали пить из высоких стаканов, со льдом.)

МЭРИЛИН. Забавно. Как будто мы на натурной съемке если тебе они по вкусу. Мне — определенно нет. "Ниагара". Какая дрянь. Тьфу.

Т. К. Так слушаем о твоём тайном возлюбленном.

МЭРИЛИН (молчание).

Т. К. (молчание).

МЭРИЛИН (хихикает).

Т. К. (молчание).

МЭРИЛИН. Ты знаешь много женщин. Кто из твоих знакомых самая привлекательная?

Т. К. Это легко. Барбара Пейли. Вне конкуренции.

МЭРИЛИН (нахмурясь). Это та, что зовут "Бейб"? Да уж, на младенца она, мне кажется, не похожа. Я видела ее в "Воге" и еще где-то. Какая элегантная. Милая. Когда смотрю на ее фото, чувствую себя халдой.

Т. К. Ее это, пожалуй, позабавило бы. Она к тебе ревнует.

МЭРИЛИН. Ко мне ревнует? Ну вот, опять ты надо мной смеешься.

Т. К. Ничуть. Ревнует.

МЭРИЛИН. Кого? С какой стати?

Т. К. Кто-то из обозревателей — я думаю, Килгаллен — напечатал анонимную статейку, где говорилось примерно следующее: "По слухам, миссис Димаджио имела свидание с нашим главным телевизионным магнатом, причем обсуждались отнюдь не деловые вопросы". Она статью прочла и поверила.

МЭРИЛИН. Чему поверила?

Т. К. Что у ее мужа с тобой роман. У Уильяма С. Пейли. Главный телевизионный магнат. Неравнодушен к блондинкам с формами. К брюнеткам тоже.

МЭРИЛИН. Но это бред. Я его никогда не видела.

Т. К. Перестань. Мне ты можешь сказать. Этот твой тайный возлюбленный — Уильям С. Пейли, n'est-ce pas?

МЭРИЛИН. Нет! Писатель. Он писатель.

Т. К. Да, это правдоподобней. Итак, кое-что уже есть. Твой возлюбленный — писатель. Халтурщик, должно быть иначе ты не стыдилась бы назвать его имя.

МЭРИЛИН (с яростью). Что там значит "С"?

Т. К. "С"? Какое "С"?

МЭРИЛИН. "С" в Уильяме С. Пейли.

Т. К. А-а, это "С". Оно ничего не значит. Он вставил его для виду.

МЭРИЛИН. Инициал — и под ним никакого имени? Ты подумай. Видно, не очень уверен в себе мистер Пейли.

Т. К. Да, у него сильный тик. Но вернемся к нашему загадочному писателю.

МЭРИЛИН. Прекрати! Ты не понимаешь. Для меня это очень важно.

Т. К. Официант, пожалуйста, еще бутылку "Маммс".

МЭРИЛИН. Хочешь развязать мне язык?

Т. К. Да. Вот что. Предлагаю обмен. Я расскажу тебе историю, и, если сочтешь ее интересной, мы обсудим твоего писателя.

МЭРИЛИН (борясь с искушением). О чем твоя история?

Т. К. Об Эрроле Флинне.

МЭРИЛИН (молчание).

Т. К. (молчание).

МЭРИЛИН (ненавидя себя). Ну, давай.

Т. К. Помнишь, ты рассказывала мне про Эррола? Как он был доволен своим членом? Могу подтвердить личным свидетельством. Однажды мы провели с ним теплый вечерок. Ты меня понимаешь?

МЭРИЛИН. Ты сейчас все выдумал. Хочешь меня обмануть.

Т. К. Честное скаутское. Без дураков. (Молчание, но вижу, что она заглотила наживку. Закуриваю...) Мне было тогда восемнадцать лет. Девятнадцать. Во время войны. Зимой сорок третьего года. Кэрол Маркус — а может быть, тогда уже Кэрол Сароян — устроила вечеринку в честь своей лучшей подруги Глории Вандербильт. Устроила ее в квартире матери на Парк-авеню. Большая вечеринка — человек пятьдесят. Около полуночи закатывается Эррол Флинн со своим alter ego, сумасбродным гулякой Фредди Макивоем. Оба сильно нагрузившись. Эррол стал болтать со мной, был весел, мы смешили друг друга, а потом он говорит, что хочет в "Эль Марокко" и не хочу ли я пойти с ним и с его приятелем Макивоем. Я сказал: хорошо, но Макивой не захотел уходить, когда тут столько барышень-дебютанток, так что мы с Эрролом отправились вдвоем. Только не в клуб. Взяли такси и поехали к Грамерси-Парку, где у меня была однокомнатная квартирка. Он пробыл у меня до полудня.

МЭРИЛИН. И как ты это оценишь? По десятибалльной шкале?

Т. К. Честно, если бы это был не Эррол Флинн, я бы вряд ли даже запомнил.

МЭРИЛИН. Так себе история. Моей не стоит, далеко не стоит.

Т. К. Официант, где наше шампанское? Тут двое умирают от жажды.

МЭРИЛИН. Ничего нового ты мне не сообщил. Я всегда знала, что Эррол ходит галсами. Мой массажист, он мне почти как сестра, и был массажистом у Тайрона Пауэра. Так вот, он мне рассказывал про Тайрона с Эрролом. Нет, твоя история слабовата.

Т. К. С тобой тяжело торговаться.

МЭРИЛИН. Я слушаю. Расскажи о самом лучшем эпизоде. По этой части.

Т. К. Лучшем? Самом памятном? Может быть, ты сперва ответишь на вопрос?

МЭРИЛИН. И это со мной тяжело торговаться! Ха! (Выпив шампанское.) С Джо было неплохо. Битой владеет. Если бы все определялось этим, мы и сейчас были бы женаты. Я и сейчас его люблю. Он настоящий.

Т. К. Мужья не в счет. В нашей сделке.

МЭРИЛИН (грызет ноготь, всерьез задумавшись). Я познакомилась с мужчиной, он в каком-то родстве с Гэри Купером. Биржевой маклер. Внешне ничего особенного — шестьдесят пять лет и в толстых очках. Толстые, как медузы. Не могу объяснить, что это было, но...

Т. К. Можешь не продолжать. Я наслышан о нем. От других женщин. Старый боец, саблю в ножны не прячет. Его зовут Пол Шилдс. Он отчим Роки Купера. Должно быть, что-то выдающееся.

МЭРИЛИН. Так и есть. Ладно, умник. Твоя очередь.

Т. К. И думать забудь. Ничего я тебе не расскажу. Потому что знаю, кто твой безымянный герой. Артур Миллер. (Она опустила темные очки. О, если бы взгляд мог убивать!..) Я сразу догадался, как только ты сказала, что он писатель.

МЭРИЛИН (запинаясь). Но как? Ведь никто... То есть почти никто...

Т. К. Да еще три, если не четыре года назад Ирвинг Дратман...

МЭРИЛИН. Ирвинг *кто* ?

Т. К. Дратман. Работает в "Геральд трибьюн". Он сказал мне, что ты крутишь с Артуром Миллером. Втюрилась в него. Я, как джентельмен не смел тебя спрашивать.

МЭРИЛИН. Джентельмен! Гаденыш ты. (Опять запинаясь, но темные очки на месте.) Ты не понимаешь. Это было давно. И кончилось. А теперь другое. Все заново, и я...

Т. К. Только не забудь позвать меня ни свадьбу.

МЭРИЛИН. Если разболтаешь, я тебя убью. Тебя прикончат. Я знаю людей, которые с удовольствием окажут мне эту услугу.

Т. К. Ни минуты не сомневаюсь.

(Официант наконец вернулся со второй бутылкой.)

МЭРИЛИН. Скажи, чтобы забрал обратно. Я не хочу. Хочу уйти отсюда к чертовой матери.

Т. К. Извини, если я тебя расстроил.

МЭРИЛИН. Я не расстроилась.

(Но это была неправда. Пока я расплачивался, она ушла попудрить нос, и я пожалел, что со мной нет книги: ее визиты длились иногда дольше, чем беременность слонихи. Текли минуты, и от нечего делать я размышлял, что она там заглатывает — седативы или психостимуляторы. Наверняка седативы. На стойке лежала газета, я ее взял; оказалась китайской. Через двадцать минут я пошел выяснять. Может, приняла смертельную дозу или взрезала вены. Нашел дамскую комнату и постучал в дверь. Мэрилин сказала: "Входите". Она стояла перед тускло освещенным зеркалом. Я спросил: "Что ты делаешь?" Она сказала: "Смотрю на Нее". На самом деле она красила губы ярко-красной помадой. Она уже успела снять с головы мрачный платок и расчесать блестящие, легкие, как сахарная вата, волосы.)

МЭРИЛИН. Надеюсь, у тебя остались деньги?

Т. К. Смотря для чего. На жемчуг не хватит, если ты ждала такой компенсации.

МЭРИЛИН (посмеиваясь — снова в хорошем настроении. Я решил больше не поминать Артура Миллера). Нет. Только на хорошую поездку в такси.

Т. К. Куда мы едем — в Голливуд?

МЭРИЛИН. Да нет. В одно мое любимое место. Узнаешь, когда приедем.

(Долго мне гадать не пришлось: мы остановили такси, и, услышав, как она попросила шофера отвезти нас к пирсу на Саут-стрит, я подумал: не оттуда ли ходит паром на Стейтен-Айленд? А следующим моим предположением было: она наглоталась таблеток после шампанского и теперь не в себе.)

Т. К. Надеюсь мы никуда не поплывем. Я не захватил таблеток от укачивания.

МЭРИЛИН (радостно хихикая). Просто на пирс.

Т. К. Можно спросить, зачем?

МЭРИЛИН. Мне там нравится. Пахнет заграницей и можно кормить чаек.

Т. К. Чем? Тебе их нечем кормить.

МЭРИЛИН. Есть чем. У меня сумка полна печений с гаданиями. Свистнула в ресторане.

Т. К. (поддразнивая). Пока ты была в уборной, я одно разломил. На бумажке была грязная шутка.

МЭРИЛИН. Ох ты! Китайские печенья с похабщиной?

Т. К. Уверен, чайки не побрезгуют.

(Наш путь пролегал через Бауэри. Крохотные ломбарды, пункты сдачи крови, общежития с койками по пятьдесят центов, маленькие угрюмые гостиницы по доллару за ночь, бары для белых и бары для черных, и всюду бродяги, бродяги — молодые, немолодые, старые, сидящие на корточках вдоль бордюров, среди битого стекла и вонючего мусора, бродяги, прислонившиеся к дверным косякам, толпящиеся на углах, как пингвины. Раз, когда мы остановились на красный свет, к нам шаткой походкой приблизилось пугало с фиолетовым носом и трясущимися руками и стало протирать мокрой тряпкой ветровое стекло. Наш возмущенный водитель облял его по итальянски.)

МЭРИЛИН. Что такое? Что происходит?

Т. К. Хочет денег за протирку стекла.

МЭРИЛИН (загородив лицо сумочкой). Какой ужас! Не могу это видеть! Дай ему что-нибудь. Скорее. Пожалуйста.

(Но такси уже рвануло с места, чуть не сбив старого пьяницу. Мэрилин плакала.)

Меня тошнит.

Т. К. Хочешь домой?

МЭРИЛИН. Все испорчено.

Т. К. Я отвезу тебя домой.

МЭРИЛИН. Подожди минуту. Я успокоюсь.

(Тем временем мы выехали на Саут-стрит; и в самом деле, паром у причала, панорама Бруклина за рекой, белые чайки, реющие на фоне морского неба, усеянного пушистыми, тонкими, как кружево, облаками, — зрелище это быстро успокоило ее.)

Мы вылезли из такси и увидели мужчину с чау-чау на поводке. Он направлялся к парому, и, когда мы проходили мимо, моя спутница остановилась и погладила собаку по голове.)

МУЖЧИНА (дружелюбно, но твердо). Не надо трогать незнакомых собак. Особенно чау. Они могут укусить.

МЭРИЛИН. Собаки меня никогда не кусают. Только люди. Как ее зовут?

МУЖЧИНА. Фу Манджу.

МЭРИЛИН (со смешком). А, как в кино. Мило.

МУЖЧИНА. А вас?

МЭРИЛИН. Меня? Мэрилин.

МУЖЧИНА. Я так и подумал. Жена ни за что мне не поверит. Можно попросить у вас автограф?

(Он достал ручку и визитную карточку; положив ее на сумку, она написала: "Благослови Вас Бог. Мэрилин Монро".)

МЭРИЛИН. Спасибо.

МУЖЧИНА. Вам спасибо. Представляете, я покажу его в конторе?

МЭРИЛИН. Я тоже брала автографы. И сейчас иногда прошу. В прошлом году у Чейзена недалеко от меня сидел Кларк Гейбл, и я попросила подписать мне салфетку.

(Она прислонилась к причальной тумбе, и я смотрел на ее профиль. Галатhea, созерцающая неосвоенный мир. Ветерок взбил ей волосы, и голова ее повернулась ко мне с бесплотной легкостью, словно от дуновения ветра.)

Т. К. Так мы будем кормить птиц? Я тоже проголодался. Уже поздно, а мы не пообедали.

МЭРИЛИН. Помнишь мой вопрос: если бы тебя спросили, какая Мэрилин Монро на самом деле, что бы ты ответил? (Тон ее был шутливый, поддразнивающий, но вместе с тем серьезный: она ждала честного ответа.) Наверняка скажешь, что я халда. Банан с мороженым.

Т. К. Конечно, но еще скажу...

(Свет гас. И она будто бледнела вместе с ним, сливалась с небом и облаками, исчезала в пространстве. Я хотел перекричать чаек, окликнуть ее: Мэрилин! Мэрилин, почему все должно было получиться так, как получилось? Почему жизнь должна быть такой сволочной?)

Т. К. Я скажу...

МЭРИЛИН. Я тебя не слышу.

Т. К. Я скажу, что ты прекрасное дитя.

7. НОЧНЫЕ ПЕРЕВЕРТЫШИ, ИЛИ КАК СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ ЗАНИМАЮТСЯ СЕКСОМ

Т. К. Фу ты! Ни в одном глазу! Господи Боже. Минуты не проспали? Сколько мы проспали?

Т. К. Сейчас два. Мы попытались заснуть около полуночи, но были слишком напряжены. И ты сказал: не спустить ли нам пар? Я сказал: да, это нас успокоит, обычно успокаивает; мы спустили и сразу уснули. Иногда я думаю: что бы мы делали без папы кулака и его пяти сынков? Сколько лет они нас выручают! Настоящие друзья.

Т. К. Жалкие два часа. Бог знает, когда мы опять сомкнем глаза. И ничего с этим не поделаешь. Ни горлышко промочить — ни-ни. Ни таблетку проглотить — тоже ни-ни.

Т. К. Ладно. Хватит паясничать. Я сегодня не в настроении.

Т. К. Ты всегда не в настроении. Ты даже дрочить не хотел.

Т. К. Неправда. Когда я тебе отказывал? Когда ты хочешь, я всегда соглашаюсь.

Т. К. У тебя нет выбора.

Т. К. Мне гораздо приятнее обходиться своими силами, чем терпеть кое-кого из типов, которых ты мне навязывал.

Т. К. Ты сам решил — мы могли бы ни с кем не вступать в сношения, кроме как друг с другом.

Т. К. Да, и подумай, от скольких несчастий были бы избавлены.

Т. К. Но тогда и любить никого не смогли бы, кроме как друг друга.

Т. К. Ха-ха-ха-ха. Хо-хо-хо-хо-хо. "Это всерьез или только игра? Это орел или только чучело? Лидо я вижу или Асбери-Парк?" Или это, в итоге, брехня?

Т. К. Ты никогда не умел петь. Даже в ванне.

Т. К. У тебя сегодня сволочное настроение. Может, отвлечемся немного, обсудим твой Сволочной Список?

Т. К. Я бы не назвал его *Сволочным* Списком. Это скорее список тех, Кого Мы Сильно Не Любим.

Т. К. И кого же мы сегодня сильно не любим? Из живых? Если они не живые, это неинтересно.

Т. К. Билли Грэм⁵³
 Принцесса Маргарет⁵⁴
 Билли Грэм
 Принцесса Анна⁵⁵
 Его преподобие Аик⁵⁶
 Ральф Нэйдер⁵⁷
 Член Верховного суда Байрон Уайт
 Принцесса Z
 Вернер Эрхард⁵⁸
 Принцесса-цесаревна⁵⁹
 Билли Грэм
 Мадам Ганди
 Мастерс и Джонсон⁶⁰
 Принцесса Z

⁵³ Билли Грэм радио- и телепроповедник, евангелист.

⁵⁴ Принцесса Маргарет — младшая сестра британской королевы Елизаветы II.

⁵⁵ Принцесса Анна — дочь Елизаветы II.

⁵⁶ Аик — прозвище президента Эйзенхауера.

⁵⁷ Ральф Нэйдер — юрист, основатель движения в защиту потребителей.

⁵⁸ Вернер Эрхард организовал "Семинары Эрхарда" (1971–1981), сеансы групповой терапии, проводившиеся в весьма жесткой манере.

⁵⁹ Принцесса-цесаревна — титул старшей дочери британского монарха. Принцесса Анна получила этот титул в 1987 году.

⁶⁰ Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон — авторы католического исследования "Сексуальная несостоятельность человека", ставшего бестселлером в 1970 году.

Билли Грэм
CBSABSNBC⁶¹

Сэмми Дэвис-младший⁶²

Джерри Браун, эсквайр⁶³

Билли Грэм

Принцесса Z

Эдгар Гувер⁶⁴

Вернер Эрхард

Т. К. Минутку! Эдгар Гувер умер.

Т. К. Нет, не умер. Старика Эдгара клонировали, и он повсюду. Клайда Толсона⁶⁵ тоже клонировали, чтобы это продолжалось дальше. Кардинал Спелман, тоже клон, иногда заходит к ним на *partouze*⁶⁶.

Т. К. Что ты прицепилси к Биллу Грэму?

Т.К. Билли Грэм, Вернер Эрхард, Мастерс и Джонсон, Принцесса Z — все они фуфло. Но его преподобие Билли — особенное фуфло.

Т. К. Особеннее всех пока что?

Т. К. Нет, Принцесса Z еще особеннее.

Т. К. Почему это?

Т. К. Все-таки лошадь. С нее и спрос другой. Помнишь, Принцесса Z пришла пятой на Белмонтских скачках? Мы поставили на нее и потеряли практически все до последнего доллара! И ты сказал: "Правильно нам говорил дядя Бад: "Никогда не ставь на лошадь, которую зовут Принцессой"".

Т. К. Дядя Бад был умный. Не такой, как наша тетя Суук, но умный. Хорошо, а Кого Мы Сильно Любим? По крайней мере сегодня?

Т. К. Никого. Они все умерли. Кто недавно, а кто сотни лет назад. Многие из них лежат на Пер-Лашез. Рембо там, нет, но поразительно, сколько их там. Гертруда и Алиса⁶⁷. Пруст. Сара Бернар. Оскар Уайльд. Интересно, где похоронили Агату Кристи?..

Т. К. Извини, что перебиваю, но все-таки, есть среди живых, Кого Мы Сильно Любим?

Т. К. Трудный вопрос. Головоломный. Ладно. Миссис Ричард Никсон. Иранская шахиня. Мистер Уильям "Билли" Картер. Три жертвы, три святых. Если бы Билли Грэм был Билли Картером, тогда Билли Грэм был бы Билли Грэмом.

Т. К. Ты напомнил мне о женщине, с которой я на днях сидел рядом за обедом. Она сказала: "В Лос-Анджелесе жить прекрасно — если ты мексиканец".

Т. К. Еще какие-нибудь хорошие шутки слышал недавно?

Т.К. Это не шутка. Это точное социологическое наблюдение. У мексиканцев в Лос-Анджелесе собственная культура — и подлинная. У остальных — ноль. Город загорелых

⁶¹ CBS, ABS, NBC — крупнейшие теле- и радиовещательные компании США.

⁶² Сэмми Дэвис-младший — артист и эстрадный певец.

⁶³ Джерри Браун, эсквайр — известный адвокат по недвижимости.

⁶⁴ Эдгар Гувер — директор ФБР с 1924 по 1972 год.

⁶⁵ Клайд Толсон — заместитель Гувера, после смерти Гувера был и.о. директора ФБР, но сразу вышел в отставку.

⁶⁶ Пьяная оргия (фр.).

⁶⁷ Гертруда и Алиса — Гертруда Стайн и ее компаньонка и секретарь Алиса Токлас.

Урий Гипов.

Хотя недавно мне передали одну шутку, я даже засмеялся. Ее сказала Д.Д. Райан⁶⁸ Грете Гарбо.

Т. К. А, да. Они живут в одном доме.

Т. К.: Да; больше двадцати лет. Жаль, что они не подружились; они бы понравились друг дружке. Обе с чувством юмора и с убеждениями, но дальше обмена любезностями en passant⁶⁹ общение между ними не шло. Несколько недель назад Д.Д. вошла в лифт и очутилась в кабине наедине с Гарбо. Д. Д. была одета по обыкновению эффектно, и Гарбо, словно заметила ее по-настоящему впервые, сказала: "О, миссис Райан, вы прекрасны". Д. Д. это показалось забавным, но и тронуло, и она ответила: "Кто бы говорил!"

Т. К. И всё?

Т. К. C'est tout⁷⁰.

Т. К. По-моему, довольно бессмысленно.

Т. К. Ладно, проехали. Неважно. Давай-ка включим свет, возьмем ручки и бумагу. Начнем эту статью для журнала. Что толку лежать и трепаться с таким остолопом, как ты? Пора заработать доллар.

Т. К. Ты про это автоинтервью, где будешь сам себя спрашивать? Сам задаешь вопросы и сам отвечаешь?

Т. К. Ага. А ты бы полежал тихонько, пока я этим занимаюсь. Хочется отдохнуть от твоих нездоровых фривольностей.

Т. К. Так и быть, мерзавец.

Т. К. Ну, начнем.

В. Что тебя пугает?

О. Реальные жабы в воображаемом саду.

В. Нет, в реальной жизни.

О. Я и говорю о реальной жизни.

В. Сформулирую иначе. Что в твоей жизни пугало тебя больше всего?

О. Предательства. Когда меня бросали.

Хочешь конкретнее? Ну, мое самое первое детское воспоминание как раз из разряда страшных. Мне было года три или чуть меньше, и меня повели в зоопарк в Сент-Луисе — повела крупная черная женщина, которую наняла для этого мать. Вдруг начался пандемониум. Дети, женщины, взрослые мужчины с криками разбежались кто куда. Из клеток вырвались два льва! Два кровожадных зверя рыскали по парку. Моя нянька впала в панику. Она просто повернулась и удрала, оставив меня одного на дорожке. Вот и все, что я об этом помню.

Когда мне было девять лет, меня укусила змея, водяной щитомордник. С двоюродными братьями я отправился обследовать глухой лес километрах в десяти от провинциального городка в Алабаме, где мы жили. В лесу была узкая прозрачная речка. Между берегами, как мост, лежало толстенное бревно. Мои кузены, балансируя, перебежали по бревну, а я решил перейти речку вброд. И уже перед другим берегом увидел, как в тени, извиваясь, плывет громадная змея. Во рту у меня пересохло; я был парализован, оцепенел, словно меня всего обкололи новокаином. Змея, извиваясь, плыла ко мне. Когда она подплыла совсем близко, я повернул назад и поскользнулся на скользких речных камешках. Змея укусила меня в колено.

Переполох. Двоюродные братья, меняя друг друга, донесли меня на закорках до

⁶⁸ Дебора Райан — модельер и художник по костюмам.

⁶⁹ Мимоходом (фр.).

⁷⁰ Это всё (фр.).

фермерского дома. Пока фермер запрягал мула в повозку — свой единственный экипаж, — его жена поймала несколько цыплят, взрезала их живьем и стала прикладывать горячих кровавых птиц к моему колену. "Вытягивают яд", — сказала она, и в самом деле, их мясо позеленело. Всю дорогу до города мои кузены ловили кур и прикладывали к ране. Когда приехали домой, родственники позвонили в больницу которая была в Монтгомери, в полторастах километрах, и через пять часов приехал врач с сывороткой. Болел парнишка тяжело, но была в этом и хорошая сторона — я пропустил два месяца школы.

Однажды по пути в Японию я заночевал на Гавайях, в замечательном, несколько персидского вида дворце, который выстроила себе Дорис Дьюк⁷¹ на Даймонд-Хеде. Я проснулся на рассвете и решил осмотреть территорию. Стеклопанные двери моей комнаты открывались в сад над океаном. Не успел я погулять по саду и минуты, как вдруг откуда ни возьмись выскочила страшная свора доберманов; они окружили меня рычащим кольцом. Никто не предупредил меня, что ночью, когда мисс Дьюк и ее гости ложатся спать, этих псов выпускают в сад — дабы отпугнуть, а то и наказать, нежелательных пришельцев.

Собаки меня не трогали: только стояли, холодно смотрели на пленника и тряслись от сдерживаемой ярости. Я вздохнуть боялся, чувствовал, что если сдвинусь хоть на волос, зверюги бросятся на меня и порвут в клочья. Руки у меня дрожали, ноги тоже. Волосы взмокли, словно я только что вылез из океана. Нет ничего утомительнее, чем стоять совершенно неподвижно, и все же я вытерпел целый час. Спасение явилось в образе садовника, который, увидев эту сцену, просто свистнул и хлопнул в ладоши, после чего демонские псы кинулись приветствовать его, добродушно виляя хвостами.

То были мгновения конкретного ужаса. Но настоящие наши страхи — это звуки шагов в коридорах нашего сознания и тревоги, фантомные наплывы, которые ими порождаются.

В. Что ты, например, умеешь делать?

О. Умею кататься на коньках. Умею на лыжах. Умею читать страницу вверх ногами. Умею ездить на скейтборде. Могу попасть из револьвера в подброшенную жестянку. Я водил "мазерати" (на заре, на ровной пустынной техасской дороге) со скоростью двести семьдесят километров. Умею приготовить суфле "Фюрстенберг" (хитрое дело: это кушанье со шпинатом и сыром надо пустить в болтушку шесть яиц-пашот перед запеканием, и фокус в том, чтобы желтки оставались мягкими, когда подаешь суфле). Умею бить чечетку. Могу напечатать шестьдесят слов — в минуту.

В. А чего ты не умеешь?

О. Не могу произнести наизусть алфавит, по крайней мере, правильно или целиком (даже под гипнозом — этот дефект изумлял психотерапевтов). Я математический имбецил более или менее умею складывать, но не, умею вычитать и трижды проваливался в первый год на алгебре, несмотря на репетитора. Могу читать без очков, но не могу вести машину. Не могу говорить по-итальянски, хотя прожил в Италии в общей сложности девять лет. Не могу прочесть заготовленную речь — должен импровизировать на ходу.

В. У тебя есть девиз?

О. Вроде того. Школьником записал его в дневнике: "Я стремлюсь". Не знаю, почему выбрал это слово; оно странное, мне нравится его двусмысленность — к раю стремлюсь или к аду? Так или иначе, звучит возвышенно.

Прошлой зимой я бродил по прибрежному кладбищу около Мендосино, новоанглийского городишки на севере Калифорнии — суровое место, где вода холодная, не выкупаешься, и мимо проплывают киты, пуская фонтаны. Это приятное маленькое кладбище, даты на серо-зеленых, морского цвета надгробиях по большей части были девятнадцатого века; почти каждое с какой-либо надписью, иной раз раскрывающей философию обитателя. На одном я прочел: "БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ".

И я стал; думать, какую бы мне хотелось надпись на моей плите — только у меня ее не

⁷¹ Дорис Дьюк — филантроп, наследница табачного магната Джеймса Дьюка.

будет, потому что двое гадателей: одна — гаитянка, другой — индийский революционер, живший в Москве, сказали, что я погибну в море, не знаю только, из-за несчастного случая или по собственному желанию (comment ca⁷², Харт Крейн⁷³). Короче говоря, первой мне пришла в голову такая надпись: "ВОПРЕКИ ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ". Потом придумал гораздо более характерную фразу. Оправдание — я им пользуюсь в связи с почти каждым обязательством: "Я ПЫТАЛСЯ ОТВЕРТЕТЬСЯ, НО НЕ СМОГ".

В. Некоторое время назад ты дебютировал как кино-актер (в "Убийстве смертью"). И?

О. Я не актер и не хочу им быть. Я согласился для забавы, я думал, это меня развлечет, и развлекло, более или менее, — но, кроме того, это была тяжелая работа: встаешь в шесть утра и раньше семи или восьми вечера со студии не уйдешь. Большинство критиков встретили мой дебют букетами чеснока. Но я этого ожидал; все ожидали — можно сказать, это была обязательная реакция. На самом деле я выступил приемлемо.

В. Как ты относишься к тому, что тебя узнают?

О. Мне это нисколько не мешает, и это очень кстати, когда хочешь обналичить чек в чужом месте. Хотя иногда случаются занятные происшествия. Как-то вечером в Ки-Уэсте я сидел с друзьями за столиком в людном баре. За соседним столиком сидела слегка пьяная женщина с очень пьяным мужем. Она подошла ко мне и попросила расписаться на бумажной салфетке. Мужа это, видимо, рассердило; он подошел, шатаясь, расстегнул брюки и, вытащив свое хозяйство, сказал: "Раз ты даешь автографы, распишись здесь". Все вокруг умолкли, так что многие услышали мой ответ: "Не уверен, что смогу расписаться полностью, но инициировать, пожалуй, смогу".

Вообще я не прочь давать автографы. Одно меня достает: все без исключения взрослые мужчины, бравшие у меня автограф в ресторане или в самолете, непременно оговаривались, что просят не для себя, а для жены, или дочери, или подруги.

С одним моим другом мы часто совершаем долгие прогулки по городу. И нередко какой-нибудь встречный замешкается, нахмурится с выражением: "Это он или не он?", потом остановит меня и спросит: "Вы Трумэн Капоте?" Я отвечаю: "Да, я Трумэн Капоте". Тогда мой друг делает свирепое лицо, трясет меня и кричит: "Черт возьми, Джордж, это когда-нибудь прекратится? Однажды ты доиграешься!"

В. Считаешь ли ты беседу искусством?

О. Да, умирающим. Большинство знаменитых разговорщиков — Сэмюел Джонсон, Оскар Уайльд, Уистлер, Жан Кокто, леди Астор, леди Кьюнард, Алиса Рузвельт Лонгворт — монологисты, не собеседники. Беседа — это диалог, а не монолог. Вот, почему так редки хорошие беседы: умные собеседники из-за их малочисленности редко попадают друг на друга. Из названных я только двух знал лично — Кокто и миссис Лонгворт⁷⁴. (Что касается ее, беру свои слова назад — она не солистка, оставляет воздух и для тебя.)

Среди лучших собеседников, с кем мне доводилось встречаться, — Гор Видал (если вы не стали жертвой его причудливого, а иногда и грубоватого остроумия), Сесил Битон⁷⁵ (который — что неудивительно — выражается почти всегда с помощью визуальных образов, иной раз очень красивых, а иной — утонченно злых). Гениальная датчанка, покойная баронесса Бликсен, писавшая под псевдонимом Исаак Динесен, была, несмотря на увядшую, хотя и благородную наружность, настоящей соблазнительницей — соблазнительницей в

⁷² Вот так (фр.).

⁷³ Харт Крейн — американский поэт, в 1933 году покончил с собой, бросившись с теплохода.

⁷⁴ Алиса Рузвельт Лонгворт — дочь президента Теодора Рузвельта и жена конгрессмена Николаса Лонгворта, спикера палаты представителей в период президентства Герберта Гунера.

⁷⁵ Сесил Батон — английский художник и фотограф.

беседе. Ах, как же она бывала очаровательна, когда сидела у камина в своем красивом доме, в датской деревне на берегу моря и, непрерывно куря черные сигареты с серебряными полосками, остужая свой острый язык глотками шампанского, сманивала слушателя с одной темы на другую — годы ее фермерства в Африке (неприменно прочтите, если еще не прочли, ее автобиографическую книгу "Из Африки", одну из лучших книг двадцатого века); жизнь под нацистами в оккупированной Дании ("Они меня обожали. Мы спорили, но им было безразлично, что я скажу, — безразлично, что скажет любая женщина; это было насквозь мужское общество. Кроме того, они не подозревали, что я прячу в подвале евреев — вместе с зимними яблоками и ящиками шампанского").

Если назвать первых, кто приходит на ум, то еще высоко ценю как собеседника Кристофера Ишервуда (по откровенности, но при этом совершенно необременительной, он не знает равных) и полную кошачьей грации Колетт. Очень занятна бывала Мэрилин Монро, когда чувствовала себя свободно и достаточно выпила. То же самое можно сказать об опечалившем многих своей смертью Гарри Кернитце, чрезвычайно милом джентльмене, покорявшем мужчин, женщин и детей любого класса своими словесными эскападами. Дайана Вриланд, эксцентричная аббатиса высокой моды, долгое время редактировавшая "Vog", — факир беседы, заклинательница змей.

Когда мне было восемнадцать лет, я познакомился с женщиной, чей разговор произвел на меня самое сильное впечатление, — может быть, потому, что такое впечатление производила на меня она сама. Случилось это вот как.

В Нью-Йорке на Восточной Семьдесят девятой улице есть очень приятный уголок под названием Нью-Йоркская общественная библиотека, и в 1942 году я провел там много дней, собирая материал для книги, которую намеревался написать, но так и не написал. Время от времени я видел там женщину, чья внешность меня завораживала — в особенности глаза: безоблачные, светло-голубые, как небо прерий. Но и без этой удивительной особенности лицо вызывало интерес: с твердым подбородком, красивое, несколько андрогинное. Волосы с проседью, разделенные прямым пробором. Лет шестидесяти пяти. Лесбиянка? Ну... Да.

Как-то в январе, когда я вышел из библиотеки, был сильный снегопад. Голубоглазая дама в красивом черном пальто с собольим воротником стояла на краю тротуара. Вытянутая рука в перчатке сигналила, но такси не проезжали. Она посмотрела на меня, улыбнулась и сказала: "Не согреться ли нам чашкой горячего шоколада? Тут за углом "Лоншан"".

Она заказала шоколад, я попросил "очень" сухого martini. На полусерьезе она спросила:

- А вам не рано?
- Я пью с четырнадцати лет. И курю.
- Вам и сейчас не дашь больше четырнадцати.
- В сентябре мне будет девятнадцать.

Затем я ей кое-что рассказал: что я из Нового Орлеана, что опубликовал несколько рассказов, что хочу быть писателем и работаю над романом.

Она поинтересовалась, кого из американских писателей я люблю.

- Готорна, Генри Джеймса, Эмили Дикинсон...
- Нет, живых.

Э, хм, подумаем: учитывая фактор соперничества, трудно одному живому писателю — или будущему писателю — выразить восхищение другим. Наконец я сказал:

— Не Хемингуэя — по-настоящему нечестный человек, все спрятано в чулане. Не Томаса Вулфа — сплошные витиеватые извержения; впрочем, он умер. Фолкнера — иногда: "Свет в августе"; Фицджеральда иногда: "Алмаз размером с "Ритц"", "Ночь нежна". Я очень люблю Уиллу Кэсер. Вы читали "Моего смертельного врага"?

С ничего не выражающим лицом она сказала:

- Я его написала.

Я видел фотографии Уиллы Кэсер — давнишние, наверное начала двадцатых годов. Мягче, уютней, не так элегантно, как моя новая знакомая. И все же я сразу понял, что это

действительно Уилла Кэсер, и это был один из frissons⁷⁶ моей жизни. Я затараторил о ее книгах, как школьник: "Погибшая леди", "Дом профессора", "Моя Антония". Не потому, что чувствовал с ней родство как писатель. Я никогда бы не взял такие, как у нее, сюжеты и не стал бы писать в ее стиле. Просто считал ее замечательным художником. Ничуть не хуже Флобера.

Мы стали друзьями; она читала написанное мною и всегда была справедливым, полезным судьей. В ней было много неожиданного. Ну, хотя бы то, что она со своей неизменной подругой мисс Льюис жила в просторный, очаровательно обставленной квартире на Парк-авеню — обитание в квартире на Парк-авеню не вязалось с тем, что росла она в Небраске, и с простым, элегическим духом ее романов. Во-вторых, главным ее интересом была не литература, а музыка. Она постоянно ходила на концерты, и почти все ее ближайшие друзья были из мира музыки, в частности Иегуди Менухин и его сестра Хепсиба.

Как все подлинные мастера беседы, она была прекрасной слушательницей и, когда наступала ее очередь говорить, не разводила турусы, а изъяснялась свежо и по существу. Однажды она сказала, что я излишне чувствителен к критике. На самом деле к критическим выпадам она была чувствительнее, чем я; любое неодобрительное замечание о ее прозе портило ей настроение. Когда я указал ей на это, она ответила: "Да, но рааве мы не ищем всегда своих пороков в других людях и, найдя, не тычем пальцем? Я живой человек. Со слабой стрункой. Безусловно".

В. Какой спорт ты больше всего любишь смотреть?

О. Фейерверки. Многоцветные огненные брызги тающих конструкций в ночном небе. Самые лучшие я видел в Японии: эти японские мастера умеют создавать в воздухе пламенные существа — извивающихся драконов, взрывающихся кошек, лица языческих божеств. Итальянцы — венецианцы в особенности — умеют зажигать шедевры над Большим каналом.

В. Часто ли посещают тебя сексуальные фантазии?

О. Когда у меня возникает сексуальная фантазия, я обыкновенно пытаюсь претворить ее в реальность — иногда с успехом. Но часто я погружаюсь в эротические грезы, которые так и остаются грезами.

Помню, однажды я разговаривал на эту тему с покойным Э. М. Форстером, на мой взгляд, лучшим английским писателем этого века. Он сказал, что в школьные годы мысли о сексе господствовали в его уме. Он сказал: "Я надеялся, что, когда повзрослею, эта лихорадка ослабнет или даже совсем отпустит. Ничего подобного: она бушевала и на третьем десятке, и я думал: ничего, вот исполнится мне сорок, и я немного освобожусь от моих мучений, от постоянных поисков идеального предмета любви. Не вышло: и на пятом десятке вождление все время копошилось в голове. Потом мне стукнуло пятьдесят, потом шестьдесят, и ничего не изменилось — сексуальные образы вертелись в мозгах каруселью. Сейчас я на восьмом десятке и по-прежнему пленник сексуального воображения, оно не унимается — в возрасте, когда я уже ничего не могу в связи с этим совершить".

В. Ты когда-нибудь думал о самоубийстве?

О. Конечно. Как и все, за исключением, может быть, деревенского дурачка. Вскоре после самоубийства почитаемого японского писателя Юкио Мисимы, которого я хорошо знал, была опубликована его биография, и, к моему огорчению, автор привел такие его слова: "Да, я много думаю о самоубийстве. И знаю людей, которые, уверен, покончат с собой. Например, Трумэн Капоте". Не представляю, что привело его к такому выводу. Наши с ним встречи всегда были веселыми, очень сердечными. А Мисима был человек чувствительный, с необычайной интуицией, — не тот, кого можно воспринимать не всерьез. Но в этом случае интуиция, кажется, подвела его: у меня никогда не хватит мужества сделать то, что сделал он (он попросил друга отрубить ему голому мечом). Я уже где-то говорил, что

⁷⁶ Трепетный момент (фр.).

большинство тех, кто кончает с собой, на самом деле хотят убить кого-то другого — гуляющего мужа, неверную возлюбленную, друга-предателя, — но кишка тонка, и вместо этого они убивают себя. Я не таков: любой, кто поставит меня в подобное положение, будет глядеть в дула двустволки.

В. Ты веришь в Бога или хотя бы в какую-то высшую силу?

О. Я верю в загробную жизнь. Иначе говоря, мне мила идея реинкарнации.

В. В кого бы ты хотел перевоплотиться?

О. В птицу — желательнее, в канюка. Канюку не надо думать о том, как он выглядит в чужих глазах, нет нужды обольщать, угождать; ему незачем напускать на себя важность. Все равно его никто не полюбит; он уродливый, неприятный, нежеланный. Это обеспечивает свободу, в пользу которой можно многое сказать. С другой стороны, я не против стать морской черепахой. Они могут бродить по земле и знают тайны океанских пучин. Вдобавок они долгожители, и в их глазах с тяжелыми веками накапливается большая мудрость.

В. Если бы тебе предложили: исполним одно желание — чего бы ты пожелал?

О. Проснуться однажды утром и почувствовать себя наконец взрослым человеком, свободным от возмущения, мстительных мыслей и других бесплодных ребяческих эмоций. Словом, повзрослеть.

Т. К. Ты еще не спишь?

Т. К. Несколько скучаю, но еще не сплю. Как я усну, если ты не желаешь спать?

Т. К. А как ты смотришь на то, что здесь написано? Пока что?

Т. К. Ну-у... раз ты спрашиваешь... Скажу, что билли-грэмовские байки не единственный вид фуфла.

Т. К. Сволочишься и сволочишься. Только и знаешь, что сволочиться и ныть. Ни одного доброго слова.

Т. К. Нет, я не хочу сказать, что очень наврано. Так — там и сям. Мелочи, пустячки. Хочу сказать, возможно, ты не так честен, как представляешься.

Т. К. Я не представляюсь честным. Я честен.

Т. К. Извини. Я не нарочно пёрнул. Это не комментарий, просто случайность.

Т. К. Это отвлекающий маневр... Называешь меня нечестным, сравниваешь, черт возьми, с Билли Грэмом, а теперь хочешь выкрутиться. Говори прямо. Что я тут написал нечестного?

Т. К. Ничего. Пустячки. Вроде истории с кино. Снимался ради забавы, а? Снимался ради капусты — и чтобы клоунство свое невыносимое потешить. Избавься ты от этого типа. Он урод.

Т. К. Ну, не знаю. Он непредсказуем, но у меня к нему слабость. Он моя часть — так же, как ты. Ну а другие пустячки?

Т. К. Следующий — и не пустячок. Это как ты ответил на вопрос: веришь ли в Бога? Ты увильнул. Завел что-то про загробную жизнь, реинкарнацию, про возвращение в виде канюка. У меня для тебя новость, дружок: тебе не надо ждать реинкарнации, чтобы к тебе отнеслись как к канюку — масса людей и без того к тебе так относятся. Множество. Но криводушие твоего ответа в другом. Не юлить надо было, а прямо сказать, что в Бога веришь. Я слышал, как ты, глазом не моргнув, признаешься в таком, от чего бабуин покраснел бы до синевы, и при этом не хочешь признать, что веришь в Бога. В чем дело? Боишься, что тебя назовут юродивым, духовно возродившимся хиппи?

Т. К. Не упрощай. Я верил в Бога. А потом не верил. Помнишь, когда мы были маленькими, мы ходили в лес с нашей собакой Куини и старой тетей Суук. Собирали цветы, дикую спаржу. Ловили бабочек и отпускали. Ловили окуней и бросали обратно в речку. Иногда находили гигантские мухоморы, и Суук говорила нам, что здесь живут эльфы — под красивыми мухоморами. Что Бог устроил их жить там, так же как устроил всё, что мы видим. Хорошее и плохое. Муравьев, и комаров, и гремучих змей, каждый лист, солнце в небе, старый месяц и молодой месяц, дождливые дни. И мы ей верили.

А потом стало происходить такое, что испортило веру. Сперва церковь и зуд от болтовни какого-нибудь темного деревенского проповедника, потом один за другим интернаты с ежеутренним хождением в церковь и сама Библия — ни один человек в здравом уме не мог поверить в то, во что она велела тебе верить. Где мухоморы? Где луна? И наконец, жизнь, просто житье отняло последние воспоминания о еще теплившейся вере. Я не самый плохой человек из тех, что встречались на моем пути, далеко не самый плохой, за мной есть серьезные грехи, в том числе намеренная жестокость; и это ни капли меня не беспокоило, я об этом даже не задумывался. Пока не пришлось задуматься. Когда пошел дождь, это был тяжелый, черный дождь, и он не переставал. Тогда я снова стал думать о Боге.

Я думал о святом Юлиане. О рассказе Флобера "St.Julien, L'Hospitalier"⁷⁷. Я прочел его давно, и там, где я находился, в санатории, вдали от библиотек, нельзя было достать книгу. Но я помнил (по крайней мере, мне казалось, что дело было примерно так), что в детстве Юлиан любил бродить по лесам, любил всех животных и все живое. Он жил в большом имении, родители его боготворили; они хотели, чтобы у него было все на свете. Отец покупал ему лучших лошадей, луки и стрелы, учил его охотиться. Убивать животных, которых он так любил. И не к добру: Юлиан обнаружил, что ему нравится убивать. После целого дня самой кровавой бойни он испытывал только радость. Убийство зверей и птиц стало манией, и соседи, поначалу восхищавшиеся его мастерством, возненавидели его за кровожадность и стали бояться.

А следующую часть истории я помню смутно. В общем, каким-то образом Юлиан убил мать и отца. Несчастный случай на охоте? Что-то вроде этого, что-то ужасное. Он стал парией и раскаялся. Бродил по свету босой, в лохмотьях, искал прощения. Он состарился и захирел. Однажды холодной ночью он ждал у реки лодочника, чтобы переправиться на другой берег. Может, это была река Стикс? Потому что Юлиан умирал. И пока он ждал, появился отвратительный старик. Это был прокаженный; глаза его представляли собой кровоточащие язвы, из гнилого рта воняло. Юлиан не знал этого, но омерзительный зловещий старик был Богом. И Бог испытывал его — исправилось ли в страданиях его свирепое сердце? Он сказал Юлиану, что ему холодно, и попросил поделиться одеялом, и Юлиан поделился; потом прокаженный захотел, чтобы Юлиан его обнял, и Юлиан обнял; потом он обратился с последней просьбой... Он попросил, чтобы Юлиан поцеловал его в изъеденные болезнью губы. Юлиан поцеловал. После чего Юлиан и прокаженный старик, вдруг превратившийся в сияющее видение, вместе вознеслись на небо. Так Юлиан стал святым Юлианом.

И вот я был под дождем, и чем сильнее он бил по мне, тем больше я думал о Юлиане. Я мечтал о том, чтобы мне дано было обнять, прокаженного. Тогда я и поверил опять в Бога и понял, что Суук была права, что во всем — Его Замысел, старый месяц, и молодой месяц, и черный дождь, и если я попрошу Его помочь, Он поможет.

Т. К. Помог?

Т. К. Да. И продолжает. Но я еще не святой. Я алкоголик. Я наркоман. Я гомосексуалист. Я гений. Конечно, я мог бы быть и тем, и другим, и третьим, и четвертым, и все равно быть святым. Но покамест не получается, извиняюсь.

Т. К. Ну, Рим не разом строился. Давай-ка закругляться и попробуем соснуть.

Т. К. Но сначала помолимся. Скажем нашу старую молитву. Которую говорили, когда были совсем маленькими и спали в одной постели с тетей Суук и Куини под стегаными одеялами, потому что дом был большой и холодный.

Т. К. Нашу старую молитву? Давай.

Т. К. Ложусь спать с молитвой: Господи, я Твой, храни мою душу. Если я умру во сне, возьми мою душу к себе. Аминь.

⁷⁷ "Легенда о св. Юлиане Милостивом".

Т. К. Покойной ночи.

Т. К. Покойной ночи.

Т. К. Я люблю тебя.

Т. К. И я тебя люблю.

Т. К. А как же иначе? Ведь если разобраться, только и есть у нас ты да я. Одни. До гроба. И это трагедия, правда?

Т. К. Ты забыл. У нас еще есть Бог.

Т. К. Да, у нас есть Бог.

Т. К. Хххрр.

Т. К. Хххррррр.

Т. К. и Т. К. Хххррррр.